

05
Библиотека историка

В. В. Иванов

Методология исторической науки

Библиотека историка

В. В. Иванов

Методология исторической науки

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1985

Рецензенты:

кафедра истории СССР Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (зав. кафедрой проф. В. Г. Тюкавкин); чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко

*Рекомендовано к изданию
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР*

Иванов В. В.

И 20 Методология исторической науки: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «История». — М.: Высш. шк., 1985. — 168 с. — (Б-ка историка).

30 к.

В книге освещены теоретико-методологические и методические вопросы изучения истории. Автор раскрывает предмет истории как науки, ее социальные функции, понятийный аппарат, рассматривает особенности исторического познания, методы, соотношение методологии и методики в научном исследовании. Особое внимание уделяется раскрытию роли исторических знаний в коммунистическом воспитании студенчества, различным аспектам критики буржуазной историографии.

0501000000—232

И ————— ~~232~~ 85
001(01)—85

ББК 63
9

Владимир Васильевич Иванов

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина
Редактор Н. В. Павлова. Младший редактор Н. Н. Матвеева
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Художник В. В. Гарбузов
Технический редактор Л. А. Муравьева
Корректор Р. Г. Россина

ИБ № 5217

Изд. № ИСТ-366. Сдано в набор 26.10.84. Подп. в печать 08.04.85. А-04952.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журнальная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 8,82 усл. печ. л., 9,03 усл. кр.-отт., 9,7 уч.-изд. л.
Тираж 8000 экз. Зак. № 1090. Цена 30 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4,
Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Живые и мощные импульсы, идущие к науке от общественной практики в условиях упрочения позиций мирового социализма, постоянного углубления революционного процесса, развертывания научно-технической революции, потребности самого прогресса познания стимулируют исследование методологических вопросов истории. Без их разработки нельзя понять ни сложный, противоречивый путь самой исторической науки, ни нынешнее ее состояние, а тем более тенденции ее развития.

Среди специальных дисциплин, изучаемых студентами исторических факультетов и отделений университетов, педагогических институтов, методологии истории принадлежит особое место. Оно обусловлено, во-первых, фундаментальной ролью истории в системе общественных наук и, во-вторых, ролью данного курса в теоретической и специальной подготовке будущего историка. Общеизвестно, что без изучения методологии науки в том или ином объеме уже сейчас нельзя говорить о полноценном высшем историческом образовании. Возрастающий интерес к методологии стал знаменем времени, отражающим современный уровень социального познания и современные требования к специалистам — историкам, обществоведам.

Примечателен и закономерен факт постановки в последние годы вузовских спецкурсов и спецсеминаров по методологическим вопросам исторической науки. Значение этого нововведения исключительно важно для повышения качества профессиональной подготовки будущих историков. Занятия по методологии побуждают у студентов творческий интерес к замечательной и сложной, древнейшей и вместе с тем вечно молодой науке — истории, позволяют почувствовать стремительный ее пульс в наши дни. Они вводят будущих историков в круг современных теоретических и историографических проблем познания.

Для организации этих занятий необходима учебная литература. С учетом этой потребности в настоящем учебном пособии впервые предпринята попытка краткого, систематического изложения основных методологических вопросов истории. В соответствии с этим в рамках специального курса нами рассмотрены содержание методологии истории, теоретические основы и принципы исторических исследований, функции исторического метода, показано соотношение теоретического и эмпирического в познании. В нем уделено определенное место критике современных течений буржуазной методологии истории, различных идеалистических концепций антиисторизма.

Теоретический материал во избежание дублирования учебных курсов представлен с учетом межпредметных связей, а именно соотношения изучения общественных наук и дисциплин общен исторического цикла. Поскольку в самом начале вузовского обучения в курсе

«Введение в специальность» дается общее представление об истории¹ и далее оно углубляется в процессе изучения общественных наук², то на старших курсах целесообразно преимущественное внимание уделять раскрытию познавательной роли теоретико-методологических принципов и методов научного исследования. Важно иметь в виду то, что социологические категории и исторические понятия изучаются студентами в общих курсах общественных, исторических наук еще с первого года обучения. На старших курсах целесообразно эти знания в порядке преемственности использовать при изучении методологии истории.

Во всех указанных отношениях предлагаемая книга представляет собой опирающееся на труды основоположников марксизма-ленинизма и историографическую литературу освещение соотношения методологии и методики исторического исследования. Такое пособие, несомненно, необходимо и с точки зрения профессиональной подготовки историка.

В основу этого пособия положены лекции по методологии истории, которые в течение ряда лет автор читал в Академии общественных наук при ЦК КПСС и в Казанском государственном университете.

---

¹ См.: *Дербов Л. А.* Введение в изучение истории. М., 1981.

² См.: *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

1. ВВЕДЕНИЕ

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ.

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Методология: теория и метод. Проблематика историко-методологических исследований. Методология истории прежде всего связана с обоснованием средств и способов научного познания прошлого и настоящего, а если сказать шире, с познанием развивающейся объективной социальной действительности, включая современность. Имея в виду методы социального познания, К. Маркс и Ф. Энгельс писали о «средствах духовного производства» как о необходимом общественном явлении, о производстве и распределении «мыслей своего времени»¹. Это грандиозной важности положение позволяет понять роль методологии в «духовном производстве», в данном случае в научном познании, ее связь с общественной практикой, с потребностями исторического времени («своего времени»). С этой точки зрения становится понятным, почему проблемы метода истории² остаются актуальными на всех этапах ее развития. «История,— указывал В. И. Ленин,— несет с собой и новые факты и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории»³. Эти положения классиков марксизма-ленинизма являются для нас исходными при рассмотрении методологии истории.

Термин методология происходит от греческих слов «методос» и «логос». Буквально он означает «путь познания». В науке методология выступает как многозначное понятие. Оно означает учение о методах познания или совокупность приемов научного исследования⁴.

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 46.

² См. там же, с. 49.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 202.

⁴ См.: Методологические основы научного познания. М., 1972, с. 4—5; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии

В строгом научном значении слова методология органически связана с теоретическим осмыслением предмета и метода исследования, самого процесса познания и его результатов. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,— подчеркивал Ф. Энгельс,— мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению»⁵.

В указанном отношении заслуживает внимания рассмотрение методологии как учения о методах познания и практического преобразования действительности, как логики и теории познания⁶. Резюмируя этот подход, известный болгарский историк Н. К. Стефанов утверждал, что методология есть «система определенных теорий, которые исполняют роль руководящего принципа, орудие научного анализа, средства реализации требований этого анализа»⁷. Следовательно, роль методологии не сводится к сбору информации и процедуре ее оформления, как нередко пытаются представить дело в немарксистской литературе. Для последней характерным является схематическое, по сути позитивистское противопоставление методологии и теоретического знания. Как правильно подчеркивал Н. К. Стефанов, «среди немарксистских теоретиков утвердилось 2 определения методологии: 1 — методология как совокупность приемов и способов, используемых данной наукой; 2 — методология «как принцип организации», «нормы», при помощи которых выбираются и оформляются процедура и техника»⁸.

Марксистско-ленинская интерпретация истории принципиально отлична от подобных схем. Она опирается на

К. Маркса. М., 1976, с. 245—246; *его же*. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии.— Вопросы философии, 1980, № 1, с. 55—73.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

⁶ См.: Петров Ю. В. Практика и историческая наука. Томск, 1981; Микешина Л. А. Об определениях метода.— В кн.: Философия в процессе научно-технической революции. Л., 1976; Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978; Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978; Спирин Л. М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982.

⁷ Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках / Пер. с болгарского. М., 1967, с. 138; Диалектика научного познания. М., 1978, с. 57—61.

⁸ Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках, с. 127—128.

учение исторического материализма. Определенно и четко эту мысль выразил П. Н. Федосеев: «Исторический материализм есть общая методология для всех общественных наук, в том числе и для советской исторической науки. Но это не значит, что в самой исторической науке нет методологии, методологических вопросов. Если бы этого не было, тогда бы наша историческая наука не была марксистской»⁹.

Сказано емко! Действительно не было бы надобности говорить о методологических проблемах истории, если бы на все случаи жизни и историографической практики они в готовом виде содержались в мировоззренческом учении. Важно подчеркнуть другое, а именно то, что мировоззренческие, теоретические положения для историка — это не только логические понятия, но и средства анализа реальной действительности¹⁰.

Заслуживает внимания интерпретация методологии как «теории исторического познания». С этим мнением в основном можно согласиться. Однако надо иметь в виду, что такая формулировка оставляет в тени методы исследовательской деятельности ученого. Иначе говоря, эта точка зрения в достаточной степени не приближена к историографической практике. Между тем, К. Маркс еще в начале своей деятельности сформулировал требование научной деятельности: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»¹¹. Поэтому указанным выше определением ограничиваться недостаточно.

В. И. Ленин, как и его гениальные предшественники, всегда подчеркивал огромную роль социологической теории для исторического познания: понимание закономерности явления вызывает, «естественно, совершенно иное отношение к нему, умение оценить его различные стороны»¹², — писал он.

Действительно, руководствуясь теоретическими знаниями, в процессе анализа конкретных фактов ученый постигает общие и конкретно-исторические закономерности социального процесса. Именно в этом ключе он изучает источники, во всей полноте извлекает содержащуюся в них социальную информацию, воссоздает про-

---

⁹ См.: История и социология. М., 1964, с. 328.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 529.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 223.

шное, дает объективную оценку фактам и событиям. В данной связи правомерно говорить о единстве теории и метода, метода и концепции в исследовании, о перво-степенном значении методологии для научного познания. Она является предпосылкой развития общей теории социального познания и способствует углубленному исследованию конкретной истории. В этом прежде всего состоит ценность методологии для творческой лаборатории историка, для развития исследовательской практики. Как отмечал А. П. Шептулин, частнонаучная методология «органически входит в конкретные науки, занимая в их содержании соответствующее место»¹³.

Из вышеизложенного следует, что методология истории в самом общем ее определении есть система теоретических, мировоззренческих положений, проистекающих из требований научного анализа и выступающих одновременно как средства познания конкретной действительности. Иначе говоря, методология истории в своем содержании есть прежде всего система определенных мировоззренческих теоретических положений (законов, понятий, выводов), используемых ученым в качестве познавательных принципов, идей в научно-исследовательской работе. Опираясь на методологию, исследователь в практической деятельности имеет дело с комплексом методов. В этом отношении структуру научного метода условно можно представить в следующем виде: 1) мировоззренческие положения и теоретические принципы, характеризующие содержание познания; 2) методические приемы, соответствующие специфике изучаемого предмета; 3) приемы, применяемые для фиксации и оформления хода, результатов научного исследования. Таким образом, метод воплощает определенную взаимосвязь теории, методики и техники исследования. Вместе с тем связь между ними подвижная, гибкая, каждый из этих элементов при сохранении ведущей, цементирующей роли теории в функциональном отношении обладает определенной самостоятельностью. Поэтому вполне обоснованным является рассмотрение метода как «системы регулятивных принципов познавательной и преобразующей деятельности людей»¹⁴.

---

¹³ Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983, с. 13.

¹⁴ Марксистско-ленинская философия как методология общественных и естественных наук. М., 1972, с. 20.

Здесь необходимо дать одно пояснение. Хотя в литературе иногда и встречается употребление термина «метод» как синонима «методологии», надо всегда иметь в виду не только единство, но и различие этих понятий. Методология шире метода и выступает как учение о нем, включающее три уровня знаний: философский, научно-теоретический и эмпирический. Поэтому данное нами выше толкование метода предостерегает исследователя от смешения методологии с методикой, с конкретным методом или отдельными способами передачи социальной информации (например, описательными, количественными и др.). Такое смешение привело бы к умалению мировоззренческого аспекта в историческом познании. Методология истории, разумеется, не отгораживается от методов или технических приемов исследования; она ими занимается на конкретной, эмпирической основе. Не будет преувеличением сказать, что с точки зрения методологии истории важнейшим является мировоззренческий, теоретический подход к изучению явлений, опирающийся на данные конкретно-исторического анализа, историографии и источниковедения. Этим подчеркивается целостный, творческий характер марксистско-ленинской методологии истории.

Из сказанного следует, что, во-первых, неправильно говорить о шаблонном круге методологических вопросов истории; во-вторых, неоправданно все теоретические вопросы в истории априорно рассматривать как методологические. В качестве последних выступают те, которые выполняют регулятивную функцию «средств духовного производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс). В качестве таковых, например, в специальной литературе выделены вопросы: о применении диалектики к истории, о партийности исторической науки; об историзме; о понятиях: эпоха, этап, период, фаза; об историческом изменении понятий; о критике субъективизма в применении к истории; об исторической правде и объективности; о характере научной критики и способах борьбы с враждебной идеологией; о социологическом и историческом; о применении математических методов в историческом исследовании; о системе и классификации общественных наук; о классификации исторических наук; о методах изучения современной истории и др.¹⁵

---

¹⁵ См.: История и социология, с. 326. Более широко проблематика методологических исследований представлена в работе: *Ува-*

Уже простой перечень ряда методологических вопросов показывает единство теории и практики в марксистско-ленинской методологии научного исследования. Методология, как и историческая наука в целом, имеет дело с общественной практикой. Важнейшим является диалектико-материалистический тезис об активности человеческого познания¹⁶. Научная методология рассматривает познание не как процесс простого созерцания, фотографического изображения действительности, а исходит из признания сложности и специфики отражения явлений прошлого и настоящего в науке. Академик Е. М. Жуков с полным основанием подчеркивал, что методология истории «не сводится к воспроизведению общефилософских понятий в сфере исторической науки. Существо методологии истории заключается прежде всего в установлении правильного подхода к исследованию конкретного исторического материала. Так как этот материал является многообразным и буквально необъятным, то первая задача методологии истории — установление принципов «организации» материала, его объективного отбора и осмысления. Методология призвана помочь подойти к «классификации» непосредственных объектов исследования, выделению наиболее существенного... Марксистская методология призвана находить и различать в историческом материале общее, особенное и единичное»¹⁷. Несомненно, методология для историка — это не плод любознательного теоретизирования, а насущная потребность и предпосылка дальнейшего углубления познания прошлого и настоящего.

Рассмотрев понятие и проблематику методологии истории в общих чертах, необходимо коснуться еще одной «стыковой» проблемы, имеющей громадное междисциплинарное значение для гуманитарных наук: о соотношении исторического и художественного отображения социальной действительности. Эта проблема многоплановая¹⁸. С точки зрения методологии исторической науки правомерным и необходимым является выделение в ней одного аспекта, связанного с функцией художественного образа в историческом процессе и познании.

ров А. И. Философские и методологические проблемы исторического познания. (Обзор советской литературы за 1971—1981 гг.). М., 1982, с. 3—20.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

¹⁷ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980, с. 26.

¹⁸ См. подробно: Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974.

Правомерность этого аспекта видна уже из того, что художественное творчество является частью культуры, а последняя неотделима от общего исторического процесса¹⁹. «По мере того как история классового общества все быстрее движется к бесклассовому, возрастает особая требовательность к работе сознания человека как творца истории,— писала М. В. Нечкина.— Тысячелетиями участвовал трудовой человек в историческом творчестве как создатель материальных ценностей — пахал, сеял, собирал урожай, ковал железо, строил дома, шил одежду, прокладывал дороги, возводил мосты. Развитие производительных сил было его живым делом. Тысячелетиями он, участвуя в классовой борьбе, объективно двигал историю к бесклассовому обществу. Его понимание, его сознание, его культура действовали в этих великих процессах. Но в антагонистическом обществе он еще не располагал всей полнотой воздействия на ход истории: руль управления еще не был в его руках, другие — эксплуататорские — классы стояли у власти. В социалистическом обществе впервые в истории он положил наконец руки на штурвал»²⁰.

Разумеется, упомянутая проблема имеет давние традиции в науке. Имея в виду этот факт, прогрессивный буржуазный историк, деятель антифашистского Сопротивления Марк Блок (Франция) иронизировал: «История — наука или искусство? Об этом наши прапрадеды времен около 1800 г. любили рассуждать с важностью. Позже, в годах 1890-х, погруженные в атмосферу несколько примитивного позитивизма, специалисты в области метода возмущались, что публика, читая исторические труды, обращает чрезмерное внимание на то, что они называли формой»²¹.

Конечно, М. Блок прав в своей критике примитивного позитивизма. Но он проявил классовую ограниченность, когда оставил без внимания марксистскую интерпретацию проблемы. Марксистско-ленинской методологии социального познания чуждо рассмотрение истории как искусства, равным образом их противопоставление. Для нее лишены оснований споры о том, является ли история наукой или искусством. Они решены со времени возникновения диалектико-материалистической

¹⁹ См. подробнее: *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982, с. 5.

²⁰ Там же, с. 20.

²¹ *Блок М.* Апология истории. М., 1973, с. 19.

концепции общественного процесса. Согласно ей история как наука находится в тесной взаимосвязи с искусством. То и другое выполняют специфические функции в познании. Если, с одной стороны, велико значение художественного образа для исторической науки, то с другой — искусство также не может обойтись без исторического материала, необходимого для интерпретации человеческого опыта.

«Ничто и никогда не заместит именно этой функции искусства. Литература, музыка, живопись, скульптура, театр, кино создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта,— подчеркивала М. В. Нечкина.— Если представить себе, что эта функция их выпала из исторического процесса, опыт одного человека ссыхается и суживается до границ его переулка. Если человек сохраняет в голове даже решительно все почерпнутое из личной жизни и из учебников, у него все равно не будет гигантского — особенно — личного опыта — знакомства с сотнями и тысячами образов своих современников и людей предшествующих поколений. Из его души исчезнут сотни моральных проблем, и высохнет море глубоких человеческих чувств... Следовательно, историческое действие современного человека глубоко обусловлено усвоением им культурных ценностей, накопленных человечеством»²².

Присоединяясь к этой точке зрения, хотели бы подчеркнуть ту мысль, что соотношение истории и искусства в проблематике методологических исследований имеет определенное самостоятельное значение. Оно нуждается в дальнейшей разработке в тесной связи с другими проблемами методологии истории и с учетом предшествующего опыта их разработки в советской науке.

О разработке методологии истории в советской историографии. В советской историографии в исследовании методологии истории отчетливо выделяются три основных этапа (в этих рамках отмечаются и более короткие полосы развития теоретико-методологической мысли). Первый этап хронологически охватывает 20—30-е годы, второй — 30—50-е годы, третий этап условно датируется с конца 50-х — начала 60-х годов по настоящее время. Как видно, выделенные нами этапы, в основном соот-

---

²² Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе, с. 100.

ветствуют общей периодизации советской историографии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции история превратилась в могучее средство идейно-политической деятельности партии. Большую роль в становлении марксистской методологии сыграли труды М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, В. П. Волгина и других историков-марксистов.

На первом этапе утверждение марксистско-ленинского мировоззрения в исторической науке происходило в обстановке острой классовой борьбы и сопровождалось перестройкой системы научных учреждений. Тогда велась упорная борьба против идеалистических концепций в отечественной историографии, за утверждение марксистского понимания общественного процесса²³.

К середине 30-х годов процесс утверждения марксистско-ленинской методологии был в основном завершен, выросли молодые кадры историков-марксистов, на позиции марксизма-ленинизма перешли такие историки, как Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, В. В. Струве, А. И. Тюменев, Е. А. Косминский, научный путь которых начинался еще до Октябрьской революции, на рельсах старой методологии познания истории. Построение социалистического общества в СССР коренным образом изменило социальную структуру общества, в стране исчезли эксплуататорские классы. Все эти обстоятельства оказали решающее влияние на последующее развитие методологии исторической науки в Советском Союзе.

На втором этапе овладение марксистско-ленинской теорией приобрело большую глубину и стало воплощаться не только в общих принципиальных построениях, но прежде всего в развернувшихся к тому времени исследовательских работах, посвященных различным периодам всемирной и отечественной истории. По проблематике эти исследования касались широкого круга конкретно-исторических вопросов, в частности, истории освободительного движения, социально-экономического и политического развития страны²⁴. Много внимания уделя-

²³ См.: *Адоратский В. В.* Судьбы марксизма в России за последнее десятилетие.— Памяти Карла Маркса. М., 1923; *Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик. Л., 1925; *Покровский М. Н.* Ленинизм и русская история.— Пролетарская революция, 1929, № 1; см. также: *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки. М., 1968.

²⁴ См.: *Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л.* Некоторые вопросы истории советской исторической науки.— Коммунист, 1961, № 9.

лось изучению военной истории, истории культуры и науки.

Уместно отметить, что именно с развитием теоретических и конкретных исследований стали очевидными недостатки ряда построений, характерных для начального этапа утверждения марксистско-ленинской науки, в том числе и концепции М. Н. Покровского, встречавшей критику историков-марксистов уже в конце 20-х годов, главным образом за еще поверхностное понимание материалистических основ исторической науки, прежде всего в отношении становления и развития общественно-экономических формаций, за переоценку роли торгового капитала в истории и по ряду других вопросов. Это была большая работа в советской исторической науке, направленная к решительному повышению ее методологического и исследовательского уровня.

Данные истории приобрели важное значение не только при планировании крупных проблем экономического и социального развития, но и прежде всего в идейно-политической жизни страны, в воспитании молодого поколения и всего народа. Так, накануне второй мировой войны под руководством Коммунистической партии в Советском Союзе был осуществлен комплекс важных мероприятий, направленных на повышение роли истории в воспитании патриотизма и интернационализма советского народа. Было коренным образом перестроено преподавание гражданской истории в школе, расширена подготовка профессиональных историков в высших учебных заведениях, интенсифицирована деятельность исследовательских институтов исторического профиля. История заняла виднейшее место в духовной жизни страны второй половины 30-х годов. Эти меры сыграли огромную роль в морально-политическом сплочении советского народа перед надвигавшейся угрозой фашистской агрессии.

В годы второй мировой войны историки Советского Союза внесли большой идейный вклад в обеспечение победы. На первый план выдвигались тогда задачи изучения и пропаганды истории борьбы народов СССР за национальную независимость, разоблачения фашистской фальсификации истории, античеловеческой сущности фашизма ²⁵.

---

²⁵ См., например: *Волгин В. П.* Ленин и наука.— *Известия АН СССР*, 1945, № 2; см. также: *Иллерицкий В. Е.* Проблемы отечест-

Характерной особенностью историко-методологической проблематики в послевоенные годы явилась ее углубляющаяся связь с потребностями общественного развития.

На третьем этапе, с конца 50-х годов, в условиях окончательной победы социализма в стране и вступления советского общества в этап развитого социализма в тематике методологии истории на передний план выдвинуть теоретико-познавательные проблемы интерпретации соотношения истории и современности. Символично в этом отношении и то, что еще в марте 1959 г. академик М. В. Нечкина, председатель комиссии по истории исторической науки (организована в 1946 г., позднее научный совет «История исторической науки») на историографическом материале обосновала важность разработки методологических проблем для дальнейшего развития советской исторической науки²⁶.

Свидетельством растущего внимания советских ученых к методологии явилось обсуждение теоретических вопросов исторического познания на Всесоюзном совещании историков (1962), а также совместный труд академика П. Н. Федосеева, члена-корреспондента АН СССР Ю. П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» (1964). В этом труде и в ходе его обсуждения в АН СССР (материалы обсуждения вышли отдельной книгой под названием «История и социология») были поставлены такие вопросы, как: о соотношении истории, исторического материализма и социологии, партийности и объективности, историческом факте и др. В качестве основного пути решения вопросов был указан союз истории с философией. Речь шла о совершенствовании философской подготовки историков, с одной стороны, и об основательной исторической подготовке философов, занимающихся методологией истории. Такой подход дал определенные позитивные результаты, что было подтверждено последующей историографической практикой, появлением ряда специальных исследований по теории и методологии истории²⁷, а также повышением уровня конкретных исследований.

венной историографии в советской исторической науке (1917—1967). — История СССР, 1968, № 1.

²⁶ См.: Вопросы истории, 1959, № 9, с. 203.

²⁷ См.: Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллин, 1980;

В этих исследованиях много внимания уделено общей теории исторического процесса, выявлению сущности материалистического понимания истории, диалектике объективного и субъективного в общественной жизни. Вместе с тем в них содержится определенный поворот к разработке специфики исторического познания. В этом отношении достаточно показательна монография В. В. Косолапова «Методология и логика исторического исследования», где вопрос о специфике исторического познания рассмотрен с точки зрения общей классификации наук: естественных, гуманитарных, общественных. В. В. Косолапов писал: «Современная историческая наука состоит из многих разделов, достигших высокой степени специализации, и из отдельных отраслей. В качестве основания их классификации можно принять хронологический, пространственно-географический признаки, сферы общественной жизни, изучаемые историками, задачи исторических исследований, предметы и методы исследования»²⁸.

В целом это положение правильное. Однако мысль о классификации истории по методам и задачам исследований требует уточнения в том смысле, что сами основания должны быть рассмотрены по отношению к предмету науки. Игнорирование этого требования может привести к дроблению истории, тогда как речь должна идти о ее дифференциации и интеграции.

Отрадно то, что ныне большое внимание уделяется исследованиям методологических проблем историографии, источниковедения, вспомогательных дисциплин²⁹, специальных отраслей истории, в частности военной³⁰. Эти и другие методологические исследования особое значение приобретают еще и потому, что в наши дни изучение истории зримо расширяется. В ней выделяют-

---

Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск 1978; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981, и др.

²⁸ Косолапов В. В. Указ. соч., с. 158, 160—161.

²⁹ См.: Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации. — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М., 1979, с. 31—46; Милов Л. В. Проблема репрезентативности в источниковедении. — Там же, с. 68—75; Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.

³⁰ См.: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1973; Жилин П. А. Основные методологические принципы военной истории. — Вопросы философии, 1977, № 1, с. 49—59; Логин В. Т. Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979.

ся не только политические, социально-экономические темы, но и историко-культурный, историко-социологический, историко-демографический, историко-географический и другие аспекты. В связи с современным прогрессом науки появляются и набирают силу новые исследовательские направления, например, историко-экологический аспект изучения прошлого³¹. Иначе говоря, как объективная история, так и ее познание находятся в движении.

Интенсивно и творчески разрабатываются методологические вопросы познания в историко-партийной науке³². Этому, несомненно, способствовали их обсуждение на страницах журнала «Вопросы истории КПСС», проходившее в 1976—1978 гг. и публикация в нем в 1984 г. ряда исследований об историческом опыте КПСС. Итоги упомянутого обсуждения наиболее полно учтены в обстоятельной монографии Н. Н. Маслова, посвященной методам историко-партийного исследования. Данный труд представляет значительный интерес и с точки зрения общей методологии исторической науки.

Н. Н. Маслов к освещению методологии истории подходит с точки зрения практической деятельности исследователя: «В методологии методы познания... исследовательские приемы анализа и обобщения исторического материала, накопленные поколениями историков, превращаются в логичную систему методов поиска научной истины.

Эта многослойная система распадается на несколько уровней в зависимости от близости к фундаментальной теории (методы познания) или к исследовательской практике (методы исследования)»³³. Автор выделил четыре уровня методологии истории. К первому уровню, по его мнению, относятся основные положения марксистско-ленинской философской теории и фундаменталь-

---

³¹ См.: Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе.— Общество и природа. Исторические этапы формирования взаимодействия. М., 1981.

³² См.: Методологические проблемы историко-партийной науки. Киев, 1976; Варшавчик М. А., Спириг Л. М. О научных основах изучения истории КПСС (Введение в историко-партийную науку). М., 1978; Маслов Н. Н. Методология исторического исследования (Введение в методологию историко-партийной науки). М., 1979; Спириг Л. М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982.

³³ Маслов Н. Н. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983, с. 9.

ные теоретические выводы самой исторической науки, а именно: диалектика как всеобщий метод познания природы и общества; диалектическая логика, формулирующая конкретные требования при изучении сложных общественных явлений и процессов; марксистско-ленинская гносеология и как один из ее основных элементов ленинская теория отражения; исторический материализм со своей системой категорий и законов, включающих учение об общественно-экономических формациях и их революционной смене одна другой, о производительных силах и производственных отношениях, о базисе и надстройке, о роли масс и личности в истории, о формах общественного сознания и их классовой природе и т. д. Второй уровень составляют методологические принципы познания, которыми руководствуется историк в своей исследовательской работе. К третьему уровню Н. Н. Маслов отнес методы исторического исследования, а к четвертому уровню — приемы изучения исторических источников. Эти уровни, несомненно, отражают различные стороны исследовательской деятельности историка. Автор при этом указывает на связь между методами исторического исследования и другими составными частями методологии: «Эта связь многопрофильна и проявляется как подчиненность по отношению к одним и определяющее положение по отношению к другим элементам методологии; как взаимодействие по отношению к каждому из них; как единство всех элементов системы»³⁴.

Очевидно, значение методологии не может быть в полной мере раскрыто без определенной классификации самих методов. Этому вопросу в историко-методологической литературе уделяется серьезное внимание. Одним из первых в советской историографии обобщающую схему методов дал М. А. Варшавчик, выделив их в три группы: 1) общие для всех общественных наук методы, применяемые с учетом своеобразия и задач исторической науки; 2) специфические, свойственные именно историческому познанию; 3) заимствованные из других, смежных наук и ставшие межнаучными, междисциплинарными методами. Общими для всех общественных наук он считает исторический и логический методы; специально историческими — сравнительно-исторический, ретроспективный, синхронистический; к третьей группе

---

³⁴ Маслов Н. Н. Указ. соч., с. 10—12.

отнесены методы статистический и конкретных социальных исследований³⁵. Более подробное описание методов дано также в упомянутой монографии Н. Н. Маслова и в совместной книге М. А. Варшавчика и Л. М. Спирина по методологии историко-партийного исследования³⁶.

Историографический опыт убедительно показывает, что исследователь, вооруженный марксистско-ленинской методологией, имеет все возможности для объективного научного анализа исторической действительности, как явлений прошлого, так и настоящего. Однако эти возможности реализуются ученым не стихийно, а на основе глубокого проникновения в суть научной методологии. При этом многое зависит от профессиональных качеств ученого. «Вся сложность понимания истории как осуществляемого людьми закономерного процесса в том и заключается,— пишут В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон,— что познание должно ухватить противоположные начала в деятельности людей: объективное и субъективное; необходимое и случайное; независимое от человека, нечто субстанциональное и зависящее от его сознания, воли, выбора; закономерное и определяемое совокупностью конкретных обстоятельств; общее и отдельное и т. д.»³⁷ Именно интегральный характер социального познания, его связь с практикой требуют дальнейшего повышения методологического уровня исторических исследований. Это стимулирует советских ученых к дальнейшим поискам в области методологии познания прошлого и современности.

Не случайно в 60—80-е годы в советской исторической, философской литературе рассматривались весьма существенные, нередко дискуссионные, методологические и историографические вопросы исторической науки³⁸. Разумеется, выдвижение их на повестку дня было обусловлено не отставанием методологического арсенала со-

---

³⁵ Варшавчик М. А. Вопросы методологии историко-партийной науки.— Вопросы истории КПСС, 1976, № 4, с. 95—96.

³⁶ См.: Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС, с. 63—77.

³⁷ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981; с. 130.

³⁸ См.: Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории.— Вопросы истории, 1965, № 8, с. 14—30; Штаерман Е. О повторяемости в истории.— Вопросы истории, 1965, № 7, с. 3—20; *еже*. К проблеме структурного анализа в истории.— Вопросы истории, 1968, № 6, с. 20—37; Данилов А. И. К вопросу о методологии исторической науки.— Коммунист, 1969, № 5, с. 68—81, и др.

ветской исторической науки, а потребностями дальнейшего повышения уровня конкретных исследований, задачами углубления марксистско-ленинской концепции истории. Речь не шла и не могла идти о «новом прочтении» этой концепции³⁹.

Для научного решения теоретических проблем истории важнейшее значение имела и имеет разработка ленинской методологии научного исследования в тесной связи с историографическим опытом⁴⁰.

Следует особо подчеркнуть то, что глубина теоретического подхода к историческому материалу и развивающееся в неразрывной связи с ним совершенствование методов исторического исследования позволили успешно решить многие конкретные проблемы истории народов СССР и всемирной истории. Достаточно напомнить о крупных успехах советских археологов, открывших новые культуры в Новгороде, в Закавказье и Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке, о фундаментальных исследованиях в области становления классовых обществ и государства у народов СССР, в том числе — решение вопроса о характере общественного строя и причинах возникновения государства в Киевской Руси, о значительных работах в области истории средневекового российского государства, по отечественной истории нового времени. В центре внимания советских историков находится летопись социалистического и коммунистического строительства в нашей стране, преобразующая деятельность партии и народа. В результате советскими учеными созданы такие крупные работы, как «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История Коммунистической партии Советского Союза» и др.

Очень важным достижением советского общества и советской исторической науки явился бурный подъем исторической науки в союзных и автономных советских социалистических республиках, где выросли многочисленные национальные кадры историков и где созданы не только исследования по частным вопросам, но и об-

---

³⁹ См. подробнее об этом: *Шурбованный Г. П.* Обсуждение некоторых проблем методологии истории. — Вопросы истории, 1971, № 10, с. 152—161.

⁴⁰ См., например: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; *Городецкий Е. Н.* Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970, с. 16—18; *Иванов В. В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982.

общающие фундаментальные труды по истории этих республик с выходом на методологические проблемы.

Марксистская история объективна в своей основе, она не фетишизирует прошлое, она представляет прошедшее прошедшим, развивающееся развивающимся, показывая негативные стороны прошлого, она не оправдывает его, а лишь объясняет, открывая историческую перспективу борьбы человечества за свое освобождение от эксплуатации человека человеком и всех ее многообразных порождений во всех сферах духовной жизни общества.

В центре внимания советской исторической науки продолжает оставаться Великая Октябрьская социалистическая революция и последующие революционные преобразования в области экономики, политики и культуры, социально-политическая история общества развитого социализма. Особенно интенсивно разрабатываются проблемы национально-государственного строительства, история создания и развития СССР. Со времени окончания второй мировой войны советские историки создали большое количество научных трудов, в которых показана титаническая борьба народов мира с фашистской реакцией. В этих трудах, и прежде всего в многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», показан решающий вклад советского народа в завоевание победы. Величественный подвиг советского народа всегда будет вдохновлять историков на создание новых исследований, призванных служить делу мира.

Высокой активностью отмечена работа советских историков в области зарубежной истории — от античности до современности, включая историю всех стран мира.

Все эти факты наглядно свидетельствуют о повышении теоретико-методологического уровня советской исторической науки в условиях развитого социализма. Вместе с тем историографический опыт указывает на усложнение задач изучения истории и современности. Как отмечено в литературе, усложнение объектов конкретного исследования требует постоянной кооперации историков разного профиля для того, чтобы совместными усилиями при специализированном подходе к различным сторонам и граням изучаемого объекта дать наиболее полную и объективную его характеристику. «В советской исторической науке предпринималось немало удачных попыток синтезировать данные различных исторических

дисциплин (например, истории, археологии, этнографии, ориенталистики) для того, чтобы быстрее и полнее решить задачу обобщения наличного богатого материала»⁴¹.

Общепризнано, что дифференциация и интеграция исторического познания неизбежно предъявляет повышенные требования к методологическому уровню конкретных исследований. Именно ныне под этим углом зрения исследуются методологические проблемы истории в советской науке. Научной методологии чуждо схоластическое теоретизирование. Только тесная связь с живой практикой коммунистического созидания, революционного преобразования мира способна поднять эффективность исторических исследований. «Не может быть догматизма там,— писал В. И. Ленин,— где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...»⁴²

Историю люди не только создают, но и пишут ее. В связи с этим перед профессиональным историком вопрос встает в практическом аспекте: как ее писать? Для научной методологии ответ ясен: в соответствии с реальностью, с требованиями научного познания. Объективность исторического познания — важнейшая сторона марксистско-ленинской методологии. Последовательная объективность (образцом здесь В. И. Ленин считал «Капитал» К. Маркса) не исключает, разумеется, в исследованиях присутствия «сердца», соединения доброжелательного отношения к единомышленникам с горячим отстаиванием принципиальных позиций нашей методологии. Сегодня такой же важной, как и раньше, остается задача разработки теоретических проблем исторического познания, включающей внимательное, компетентное сопоставление мнений, их изучение на основе диалектико-материалистического метода. Прав в общей оценке методологических трудов советских ученых А. И. Уваров: «...Исследования структуры методологии исторической науки непосредственно связаны с обсуждением предмета и структуры самого исторического познания. В общем и целом в советской философской и историко-методологической литературе не существует

---

⁴¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории, с. 246.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 309.

глубоких и принципиальных расхождений по этой проблематике... Само наличие различных взглядов по каждому из затронутых вопросов свидетельствует о развитии и движении историко-методологической мысли»⁴³.

Активно разрабатываются методологические вопросы познания и в историографии братских стран социализма (например, работы Н. Стефанова, Л. Элекеша, Э. Энгельберга и др.). В Болгарии, ГДР, Чехословакии, ПНР и других социалистических странах созданы труды по проблемам исторических закономерностей, соотношения теории и метода, исторического факта и т. д. В них дано исследование предмета, методов, функций истории, ее понятийного аппарата, соотношения прошлого, настоящего, будущего в социальном процессе, логико-гносеологических проблем истории.

Опыт развития исторической науки в социалистических странах свидетельствует о теснейшей связи между социально-экономическими условиями, в которых развиваются страны, и условиями для развития исторического познания. Сложности и трудности, имевшие место в социалистических странах, не меняют основной закономерности этого развития, состоящей в том, что социалистическое общество, руководствующееся теорией марксизма-ленинизма, создает ныне наиболее благоприятные условия для совершенствования исторического познания, для оптимального решения проблемы взаимоотношения между методологическими и конкретно-историческими исследованиями.

Из изложенного видно, что первостепенное внимание в трудах советских ученых и зарубежных марксистов, как философов, так и историков, обращено на основополагающие вопросы методологии социального познания. «В противоположность односторонним метафизическим концепциям в области методологии познания,— отмечал П. Н. Федосеев,— марксистско-ленинская философия обосновала подлинно научный методологический подход к анализу социальных процессов, соединяющий принцип развития, историзма с всесторонним учетом структуры и функционирования социальных организмов.

Марксистско-ленинское обществоведение, как и всякая наука, имеет дело с объективными законами. Теоретическое обоснование исторического закона как закона не только функционирования, но и развития социального

---

⁴³ Уваров А. И. Указ. соч., с. 23—24.

организма составляет исходный пункт и главное содержание методологии социального познания»⁴⁴.

Исследователи-марксисты исходят из того, что методология истории как составная часть методологии социального познания органически связана с идеологией. Связь между историей и идеологией глубока. В. И. Ленин учил: «Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»⁴⁵.

Развитие теоретико-методологической мысли происходит не в вакууме, а в реальной социальной среде, если сказать применительно к современности, в условиях исторического противоборства двух мировых систем — социализма и капитализма. Идеологическая борьба между ними глобальна. Поэтому важно уметь дифференцировать идеологическую, мировоззренческую направленность любых методологических концепций, их связь с реальными тенденциями современной социальной практики.

Однако с точки зрения научной методологии, как это отмечено в журнале «Коммунист», идеологическая борьба не означает «автоматического раскола человечества и абсолютного распада мира на два параллельных, внутренне не связанных потока истории. Одним из свидетельств этого является то возрастающее место, которое в современной жизни человечества занимают глобальные проблемы — прежде всего предотвращение ядерной войны, обеспечение мира на Земле, охрана окружающей среды, демографическая, продовольственная, энергетическая и сырьевая проблемы, ликвидация социально-экономической и культурной отсталости бывших колоний и т. д. Можно сказать, что именно глобальная проблематика выступает своеобразным оселком, на котором в наши дни проверяется серьезность и обоснованность практических рекомендаций укрепления сотрудничества и международной безопасности, и вместе с тем наполняются конкретным позитивным содержанием идеалы мира и мирной структуры международных отношений»⁴⁶.

---

⁴⁴ Федосеев П. Н. Некоторые методологические вопросы общественных наук. — Вопросы философии, 1979, № 4, с. 3.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 138.

⁴⁶ Коммунист, 1982, № 7, с. 36.

В условиях современной научно-технической революции и возрастания удельного веса глобальных проблем в общественном процессе интерес к истории, ее методологии приобретает огромное идеологическое звучание. Справедливо утверждение о том, что методология истории стала одной из специфических сфер проявления идеологической борьбы в современных условиях.

В целом современная общественная жизнь, динамизм социального прогресса требуют постоянного внимания к разработке вопросов теории и метода. В сущности это взаимосвязанный процесс, потому что теорию нельзя разрабатывать без развития метода. А разработка метода означает и развитие теории. Поэтому документы КПСС и Советского государства, содержащие анализ социальных явлений, одновременно являются документами, развивающими теорию. В этом смысле глубокое идейно-политическое звучание имеют указания КПСС о необходимости дальнейшей творческой разработки проблем марксизма-ленинизма, современных социально-экономических проблем ⁴⁷.

Методология марксистско-ленинской истории способствует формированию таких средств социального познания, которые отражают объективные закономерности, общее, особенное и единичное в общественной жизни, соотношение теории и практики в познании. Методология в конечном счете выражает взаимосвязь теории, концепции и исследовательской практики. В свое время главный недостаток предшествующего материализма К. Маркс не случайно видел именно в том, что «предмет, действительность, чувственность берётся только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» ⁴⁸. Этот недостаток полностью преодолен в научной методологии.

Необходимо уточнить значение категорий объекта и предмета, которые широко применяются в методологической литературе. Эти понятия не тождественны, хотя, как это видно из вышецитированного положения К. Маркса, и выражают диалектическое единство объективной и субъективной сторон познания. В логическом значении объект шире предмета. Объект — это область действительности, на которую направлена дея-

⁴⁷ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 70.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

тельность ученого, а предмет — это определенное звено в этом объекте, требующее специфического подхода к исследуемому явлению. Вместе с тем правомерно их употребление как взаимодополняющих понятий. Представители разных наук по-разному конкретизируют предмет исследования: один и тот же объект в зависимости от поставленных в конкретном исследовании задач, а также в соответствии с той или иной авторской установкой видят специфично в свете разных задач и систем понятий, свойственных той или иной науке. Это относится и к исторической науке, выяснению ее предмета, социальных функций, методов, особенностей реконструкции прошлого в понятиях, раскрывающих сущность социального процесса. Обоснованным является утверждение о том, что методология — это не только теория исторического познания, но и опирающееся на обобщение историографического опыта учение о приемах и способах научного исследования. Исходным пунктом рассмотрения методологии истории является выяснение ее предмета.

Литература

Дербов Л. А. Введение в изучение истории. М., 1981.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.

Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. А. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

2. ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предмет науки и характерные черты исторического познания. Эффективная разработка методологии всегда предполагает соотнесение ее с предметом науки, т. е. с той или иной конкретной областью объективной действительности. В конечном счете методы, закономерности, принципы познания обуславливаются спецификой предмета, его объективной природой. Это положение верно и для исторической науки, имеющей весьма богатую и сложную предметную область.

Начнем с понятия истории. Оно многозначно. Вспомним поэтические строки Николая Доризо.

История, ты не тома,
Что я читаю в час досуга,
История, ты жизнь сама,
А это больше, чем наука!
В живой шеренге вековой

Не первый я и не последний..
История, ты возраст мой,
Ты разум мой тысячелетний.

Поэт, безусловно, прав в главном: история — это не только ученые трактаты, она органически связана с «живой шеренгой» человечества, с его социальной памятью. Раскрывая преемственность в общественном процессе, история на основе познания прошлого позволяет понять настоящее, предвидеть в определенной мере характер будущего развития. Историю марксисты не случайно называют классовой памятью человечества. Подобно тому как человек, лишенный памяти, не мог бы нормально существовать и работать в обществе, так и общество, лишенное своей истории, не могло бы поступательно идти вперед.

Это один взгляд на историю. Но есть и такие реакционные интерпретации, которые могут быть обобщены ставшей афоризмом знаменитой фразой французского академика Поля Валери: история — это самый опасный продукт, выработанный когда-либо химией интеллекта¹. Стало быть, предмет исторической науки значителен и различные классы к его определению подходят порой с диаметрально противоположных позиций.

Необходимо разделять научное и бытовое значение термина «история». В научном значении понятие «история» имеет два смысла: 1) история — это объективная, развивающаяся действительность; 2) история — познание этой объективной действительности.

Во втором значении — в значении познания — история выступает как наука. В основу такого определения истории положено марксистско-ленинское учение о теории отражения.

Обычно говорят, что история — это наука о прошлом человеческого общества. Такой ответ правилен, но недостаточен. Для марксистов-ленинцев история — это не только наука о прошлом, но и наука о настоящем, она участвует и в определении перспектив будущего развития, в формировании активной жизненной позиции советских людей.

Иногда говорят, что история — это наука о закономерностях развития общества. Такое определение также неполно. Закономерности человеческого общества изучают все общественные и гуманитарные науки: марк-

---

¹ См. подробнее: *Иванов В. В.* Исторические знания как фактор коммунистического воспитания. Казань, 1978, с. 5—6.

систско-ленинская философия, политэкономия, научный коммунизм, правоведение, эстетика, психология, педагогика, языкознание. История имеет предметом изучения закономерности общественной жизни в конкретных формах и в пространственно-временных критериях. В этом определении выявляется самое существенное, что характеризует историю как науку, отчетливо выражается специфика предмета истории, отличающая ее от других общественных наук. Здесь подчеркивается, что история, во-первых, изучает общественную жизнь, общие и специфические закономерности общественного развития, во-вторых, изучает эти закономерности в конкретном их проявлении, в-третьих, в их пространственно-временных критериях, характеристиках.

При этом, разумеется, необходимо помнить ленинское замечание об условности и относительности всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии. В особенности это касается кратких определений. Определяя империализм как монополистическую стадию капитализма, В. И. Ленин говорил: «Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное,— все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить»².

Приведенное нами определение истории не составляет в этом отношении исключения. В нем, в частности, не содержится указаний на исключительно важные социальные функции исторических знаний. Хотя понятие «исторические знания» не совпадает полностью с понятием «историческая наука», здесь они употребляются как однопорядковые, поскольку исторические знания есть не что иное, как функционирующие в жизни общества результаты исторической науки, составляющие неотъемлемую часть общественного сознания.

Концентрируя в себе знания о развитии человечества на различных его стадиях, историческая наука позволяет прийти и к выводам, имеющим важное значение для решения проблем современности, и тем самым оказывает непосредственное влияние на сознательную, целенаправленную деятельность людей. Научное понимание истории поэтому немыслимо без раскрытия соотношения прошлого, настоящего, будущего в социальном про-

---

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

цессе. Правильное представление об истории, отмечал известный английский ученый-коммунист П. Датт, «необходимо для того, чтобы человек мог стать творцом истории. И вот тут-то история и должна сыграть свою незаменимую роль не как пассивное отображение давно прошедших лет ...а как средство углубления нашего понимания путей развития человечества, с тем чтобы мы могли научиться самостоятельно прокладывать себе дорогу в будущее»³. Уделяя этому вопросу особое внимание, Н. Ирибаджаков выделил три типа исторического познания: 1) ретроспективный, объектом которого является прошлое, 2) презентивный, объект его настоящее, 3) перспективный, связанный с предсказанием будущего⁴.

Конечно, такая схема условна. В действительности историческое познание представляет единое целое. Однако в предложенной схеме находит отражение соотношение прошлого, настоящего, будущего в познании. Тем она и привлекает внимание. В этом же плане интересна мысль академика М. П. Кима: «В исторической науке,— писал он,— объект познания и познающий субъект отделены друг от друга временем: объект относится к прошлому, субъект живет в настоящем»⁵. Этим, в частности, М. П. Ким объяснил такие негативные явления, встречающиеся в некоторых исторических сочинениях, как субъективизм, модернизация прошлого.

Несомненно, вопрос о единстве прошлого, настоящего и будущего в общественном процессе занимает одно из центральных мест в научной интерпретации предмета исторической науки.

Во-первых, данный вопрос имеет мировоззренческое значение. Надо иметь в виду, что единство исторического процесса признают не только марксисты, но и некоторые представители исторического идеализма, например, субъективисты типа А. Тойнби⁶. Поэтому важно определение критерия, объективной основы единства прошлого, настоящего и будущего в общественной жизни. Только тогда можно понять закономерное расширение и обогащение предмета исторической науки, обус-

³ Датт П. Проблемы современной истории. М., 1965, с. 14.

⁴ См.: Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1971, с. 259—261.

⁵ Ким М. П. История и коммунизм. М., 1968, с. 49, 206.

⁶ См.: Материалы переписки между А. Тойнби и Н. И. Конрадом.— Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1974, с. 270—273.

ловленное развитием самой социальной действительности и углублением познания в неизвестные до определенного времени ее пласты (открытие, например, археологами «новых» цивилизаций).

История изучает все этапы общественного процесса, однако специфической, характерной для нее областью является прошлое. Не случайно само понятие истории иногда ассоциируется с исследованием прошлого или рассказом о нем. «Если исключить так называемую «современную историю», — писал Н. Ирибаджаков, — предметом истории являются жизнь и дела бесконечной вереницы прошлых поколений»⁷.

К этому следовало бы добавить, что стремление к глубокому анализу путей развития человечества — это постоянная задача марксистско-ленинской исторической науки, опирающейся на материалистическое понимание общественного процесса. «Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»⁸, — указывал К. Маркс. Именно поэтому в марксистской литературе традиционно большое внимание уделяется проблеме своеобразия познания прошлого и настоящего. Без ее разработки нельзя понять в полной мере специфику предмета истории, поскольку в ней «как в действительности, так и в голове дан субъект». Признание этой специфики, отражающей «решающие основания для расчленения предмета»⁹, свидетельствует о большой методологической роли марксистской теории для исторического познания.

Во-вторых, от мировоззренческой, теоретической интерпретации указанного соотношения зависит решение тех или иных историографических и конкретно-исторических вопросов. Единство «прошлого — настоящего — будущего» относится к числу тех вопросов, которые, как и вопрос о единстве мира, доказываются «не парой фокуснических фраз», а длинным и трудным развитием самой науки¹⁰.

Для правильного решения этого вопроса первостепенное значение имела интерпретация основоположниками марксизма характера общественно-исторического познания, своеобразия соотношения в нем объекта и субъекта. История общества, подчеркивали К. Маркс и

⁷ Ирибаджаков Н. Указ. соч., с. 259—260.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

⁹ См. там же, с. 732—733.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 43.

Ф. Энгельс, есть *«не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»*¹¹. Важная черта общественно-исторического познания заключается в том, что исследователь истории является неразрывной частью того самого объекта, который он познает. В таком смысле историческое познание выступает как процесс самопознания. Объектом в данном случае является создающий творческий субъект, который обладает сознанием и осуществляет целенаправленную деятельность.

Историческая наука функционирует как составная часть общественного познания. Последнее, как и естественно-научное познание, нацелено на объективное отражение действительности. Естественно-научное познание в основном дело имеет с природой, общественное — с социальной системой. Объективная реальность в конечном счете связывает в единое целое оба вида познания: и естественно-научное, и общественно-историческое.

Следующая черта исторического познания связана с его ретроспективностью. Познание во многом идет от настоящего к прошлому, от следствия к причине. Ретроспективность здесь может быть объяснена спецификой предмета науки. Поскольку история изучает прошлое человеческого общества в тесной связи с настоящим, то ученый познание осуществляет преимущественно через источники. История не в состоянии, даже в качестве эксперимента, натурально воспроизводить те или иные формы общественной жизни прошлого, да в этом и нет необходимости. Здесь важно начинать изучение явлений с более совершенных форм, потом рассматривать менее совершенную форму и таким образом воссоздавать, реконструировать процесс. Правомерен, разумеется, в зависимости от объекта того или иного конкретного исследования и обратный порядок рассмотрения процессов, событий. Но не надо забывать того, что отдаленное и близкое прошлое и текущий момент должны быть объективно изучены, исследованы, для этого марксистско-ленинская историческая наука обладает мощным теоретическим познавательным арсеналом. Ретроспективный характер знания требует, чтобы реконструируемая картина отвечала требованиям исторической реальности.

В связи с требованием изучения реального содержания исторического процесса, его движущих сил, следо-

---

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

вательно, и научным истолкованием предмета истории как науки находится и раскрытие основоположниками марксизма несостоятельности абстрактного, натуралистического взгляда на проблему человека. Об этом следует сказать особо. Нередко наши классовые противники утверждают, что материалистическое понимание истории оставляет без внимания носителя общественного процесса — человека. Между тем такое утверждение совершенно не соответствует действительности. К. Маркс еще в середине сороковых годов прошлого века определенно подчеркивал мысль о практическом отношении человека к действительности: «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа...»¹²

Человек в своей практической деятельности имеет объективный мир, социальную действительность, являющуюся результатом исторического развития, отмечал К. Маркс. «...Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹³. К. Маркс, Ф. Энгельс уже в первых совместно написанных работах выступили и отвергли спекулятивную интерпретацию вопроса «отчуждения человека». Это позволило показать действительную связь человека с всемирной историей и вывести категории свободы и необходимости из трудовой деятельности человека¹⁴. Обобщая свои и Маркса мысли по этому поводу, Ф. Энгельс писал: «Мы требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека»¹⁵. Позднее К. Маркс писал: «Человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства»¹⁶.

Эти положения основоположников научного коммунизма приобретают большое методологическое значение

---

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 566.

¹³ Там же, с. 593.

¹⁴ См. там же, с. 598—599.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 592—593.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 283.

для трактовки объекта и предмета истории. Они показывают, что объединяющая их предметная область исторической науки отражает деятельность самого субъекта. Объектом в данном случае выступает вся сфера социального процесса с начала человеческой истории до настоящего времени, а предметом — исторический процесс во всей его конкретности, сложности, противоречивости, объективные закономерности этого процесса. На сей счет Ф. Энгельс дал глубокие разъяснения. Он в 90-х годах прошлого столетия энергично выступил против вульгаризации материалистического понимания истории, против сведения его к экономическому материализму. Если кто-нибудь, писал он, это понимание искажает «в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени»¹⁷.

Эти положения не в бровь, а в глаз бьют современных буржуазных фальсификаторов марксистско-ленинской концепции истории, приписывающих ей «узость», схематизм. Напротив, эта концепция исходит из необходимости изучения реального многообразия социальной жизни, адекватного ее теоретического осмысления.

---

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 394—395.

Вопреки распространенным в современной буржуазной науке субъективистским взглядам на предмет исторической науки ее становление и развитие связаны с общественным прогрессом, с отражением этого прогресса, усложнением реальной картины действительности. Об этом свидетельствует весь путь исторической науки от античности до наших дней.

Исторические знания по своему генезису относятся к числу древнейших знаний людей. Первые примитивные исторические знания — это изустные сведения о жизни первобытного коллектива, о его происхождении, о важных событиях в жизни этого первобытного человеческого коллектива, о таких событиях, как переселение с одного места на другое, о стихийных бедствиях, о столкновениях с другими коллективами, о выдающихся событиях в трудовой деятельности, наконец, о подвигах тех или иных членов коллектива в борьбе с природой или в борьбе с теми внешними группами, которые напали на данный коллектив.

Более высокой ступенью исторического мышления следует считать сведения древнего эпоса, древнего фольклора. Какие бы древнейшие из известных нам эпосов мы ни взяли, например древнерусские былины, все они содержат первичные исторические знания.

С появлением письменности эти знания стали фиксироваться и приобрели гораздо большую устойчивость при передаче последующим поколениям.

Уже само возникновение исторических знаний — пусть в самой несовершенной форме, при самых примитивных и ненадежных средствах их передачи последующим поколениям — было ответом на практические потребности людей. Функция накопления социального опыта для социальной практики была важнейшей в исторической традиции античности, средневековья, в историографии нового времени. Она сохранилась и поныне, правда, подверглась огромному усложнению. Это усложнение произошло как в силу внутреннего развития истории, так и влияния на нее социальных условий, прогресса естественных, технических наук.

В классово-антагонистическом обществе (рабовладельческом, феодальном, буржуазном) накопление знаний о прошлом постоянно сопровождалось их искажением в идеологических, политических интересах борющихся классов. В конечном счете потребности социального прогресса в течение многих веков обуславливали

расширение познавательных функций истории. Это нашло, в частности, отражение в историографии нового времени, как в развитии проблематики исследований, так и в усовершенствовании методических приемов обобщения фактов.

Действительно, социальные революции и национально-освободительные движения XVIII—XIX вв. радикально расширили рамки всемирной истории и обогатили ее предмет. Именно благодаря социально-политической перспективе, открытой перед исторической наукой социальными революциями, стали возможны общественные достижения исторической науки в XIX в. — открытие законов классовой борьбы французскими историками периода Реставрации, сравнительное изучение социально-экономических и политических процессов в ряде стран Европы и Америки, стран Востока. Тогда и был нанесен удар по европоцентризму. Это позволило открыть новые страницы в летописи человечества. Более конкретным, освобожденным от религиозной догмы стал и сам подход к изучению истории. Крупнейшие события эпохи, глубокие перемены, происходившие в общественной жизни на глазах одного поколения, заставили отказаться от традиционных для XVIII века представлений о неизменяемости побудительных мотивов исторической деятельности людей. Каждую эпоху предстояло теперь понять не с точки зрения абстрактного «таинственного» смысла, а как бы изнутри, с возможно более полным учетом ее неповторимой специфики и анализом процессов развития, движения, возникновения нового в старом, борьбы старого и нового. Выработке и утверждению новых принципов подхода к анализу объективной реальности прошлого и настоящего способствовала диалектика Гегеля. Представив историю как процесс развития, протекающего в борьбе противоположностей, Гегель отказался и от модернизации, и от идеализации прошлого, свойственного реакционным романтикам. Сделав крупный шаг на пути развития научного познания истории, Гегель представлял, однако, объективную закономерность исторического процесса с сугубо идеалистических позиций.

Сложные процессы перехода к буржуазным общественным порядкам способствовали реалистической трактовке истории, как имеющей объективный смысл. Однако не изжила себя еще другая тенденция — романтическая.

Реакционные романтики идеализировали старину, какой она была до утверждения капитализма в Европе, надеясь увлечь общество созданной ими лжекартиной и уберечь его от повторения «эксцессов». При этом они не жалели черных красок для изображения капитализма. Их взгляд на человека и человечество был пронизан духом глубочайшего пессимизма. Романтизм был порожден конкретными историческими условиями. При этом, конечно, романтизм — это «не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях»¹⁸.

Существо романтической интерпретации общественных явлений состоит в использовании прошлого для того, чтобы задержать развитие нового в социальной жизни. При этом историчность общественной жизни, закономерность исторического развития признается ею лишь применительно к прошлому. По отношению к прошлому романтик мог даже усматривать закономерный характер исторических изменений, историчность общественных явлений. Но применительно к современности и будущему романтическая концепция истории утрачивает эту способность и исходит не из объективной действительности, а из субъективных, противоречащих реально существующим тенденциям исторического развития предположений, моральных оценок. При изучении современности романтик в лучшем случае мог указать на те или иные ее исторические корни, но объяснить эту действительность как закономерное звено в историческом процессе, показать ее своеобразие, качественное отличие от предыдущих звеньев процесса он был не в состоянии. Не дано ему было увидеть и ведущие, определяющие линии развития, закладывающие основы нового звена в общепристорическом движении от настоящего к будущему. Такой вывод следует, например, из оценки взглядов представителей французской «романтической школы». Не поняв происшедшего и приняв крушение личных или узкоклассовых интересов за крушение мира, реакционные романтики писали об историческом регрессе¹⁹.

---

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 236.

¹⁹ См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977, с. 53—54.

В XIX веке господствующим направлением в буржуазной философии истории был позитивизм, в основе которого лежала идея о том, что человечество находится в состоянии непрерывной эволюции и проходит в своем развитии определенные стадии. Общее в человеческой истории понималось как результат биологического или психического единства человечества, отдельное объяснялось как присущее различным стадиям развития человеческой культуры и лежало в основе отношения данного общества к тому или иному этапу эволюционного процесса. Свойственное абсолютному большинству представителей позитивизма стремление к открытию «вечных» законов при непонимании диалектики общего, особенного и единичного неизбежно вело к недооценке конкретной истории. В силу этого сторонники позитивизма делали вывод, что история не обладает содержательным единством, которое позволяло бы судить об объективности закономерностей, поэтому социологические категории признавались априорными, метафизическими.

Вместе с тем позитивизм глубоко проник в историографию. Как методологическое и историографическое явление позитивизм выступал против материалистического понимания истории. Однако он адаптировался к росту признания важности в истории материальных условий жизни общества. Для значительной части буржуазных историков позитивизм оказался привлекательным в силу своей меньшей догматичности и претенциозности по сравнению с откровенно идеалистическими философско-историческими школами, умозрительные рекомендации которых обнаружили свою бесперспективность для исторического познания. Позитивизм помог буржуазной историографии пустить более глубокие корни в обществе, сделать поворот к социально-экономической истории, которой раньше историки занимались лишь от случая к случаю.

Значительный вклад в осмысление предмета истории внесли деятели русского революционного демократизма: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.

Историю развития человечества революционные демократы преимущественно рассматривали с точки зрения развития культуры. В центре их теоретических построений находилось интеллектуальное, художественное и нравственное развитие человека.

Сведя содержание исторического прогресса в основ-

ном к развитию духовной культуры, революционные демократы оставались на позициях идеалистического понимания истории, однако они стремились преодолеть идеалистические воззрения эпигонов Гегеля, которые выводили содержание культурно-исторического процесса из активности «духа», «абсолютного разума» и апеллировали к материальному производству²⁰. Здесь уместно вспомнить ленинское положение о том, что русские революционеры-демократы вплотную подошли к диалектическому материализму и остановились перед историческим материализмом. Данное положение распространяется также и на понимание этими мыслителями предмета истории.

Однако в целом вся домарксистская историческая наука не имела точного представления о предмете. Подлинной наукой история стала благодаря открытию К. Марксом и Ф. Энгельсом учения о материалистическом понимании общественной жизни, развитию этого учения В. И. Лениным.

Распространение материализма на область явлений общественной жизни устранило, как указывал В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», два главных недостатка прежних исторических теорий: 1) их неспособность отразить объективные законы развития общества, действительные причины идейных мотивов «исторической деятельности людей» и 2) игнорирование роли народных масс — подлинных творцов истории²¹. Положительная роль домарксистской историографии, как отмечал В. И. Ленин, сводилась в основном к накоплению фактического материала, описанию отдельных сторон исторического процесса.

Марксистско-ленинская методология истории, исходя из материалистического понимания социальной жизни, указала путь последовательно объективного изучения общественного процесса во всем его многообразии, сложности, конкретности. Предмет истории качественно стал иным: в ней наряду с традиционными (например, политическими, дипломатическими и др.) темами стали разрабатываться проблемы, которые либо вообще замалчивались в немарксистской историографии, либо изучались слабо. Историки-марксисты, например, успешно решили сложные задачи изучения социальной истории,

---

²⁰ См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., М., 1955, т. VIII, с. 248.

²¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

проблему происхождения и исторического значения революций, их соотношения с реформами. Одной из центральных проблем, поставленных и успешно разрешенных марксистско-ленинской исторической наукой, явился вопрос о всемирно-исторической миссии рабочего класса — пролетариата. Это и понятно, поскольку изучение конкретной истории и ее теоретическое обобщение в марксистско-ленинской методологии составляют органическое целое.

Теория и история. Марксистско-ленинская теория общественного развития возникла и развивалась на основе глубокого изучения конкретной истории. В этом смысле высказывались не раз сами основоположники научного коммунизма. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории,— подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс.— Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны...»²². В другом месте Ф. Энгельс писал: «...история — это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции»²³.

Важное значение для исторического познания имеет учение В. И. Ленина о метафизической и диалектической концепциях развития. Исходя из положения диалектики о том, что развитие есть «борьба» противоположностей, что его источником являются внутренние противоречия предметов, В. И. Ленин изложил марксистское понимание этой проблемы. «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)»²⁴.

Диалектическая концепция по своей сути исторична. Общественное познание в данном случае рассматривается как сложный творческий процесс отражения субъектом объективной социальной действительности²⁵. Этот

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 16, примечание.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 592.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

взгляд исключает абсолютизацию релятивизма. Последний, как показал В. И. Ленин, противоречит требованию объективно-истинного познания действительности. Он подчеркивал, что любые интерпретации истории вне теории отражения (в том числе прагматические и др.) в своей сущности являются идеалистическими. В процессе критики идеалистических концепций познания В. И. Ленин развил и обогатил диалектико-материалистическую теорию отражения, являющуюся фундаментом научного понимания истины. Это понимание с необходимостью включает признание познаваемости общественной жизни, активной революционно-практической деятельности самого субъекта. Конечно, релятивизм в истории покоится на действительном факте невозможности полного тождества образов исторического познания с самой действительностью. Следовательно, речь должна идти о диалектическом характере процесса познания в целом. Идеализму чуждо рассмотрение отражения как сложной, многоплановой, многоступенчатой деятельности, осуществляемой субъектом, поэтому он ведет к абсолютизации одного из моментов процесса познания. В. И. Ленин разъяснил действительное значение релятивизма в научной теории познания: «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»²⁶.

Именно благодаря трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в общественной науке были заложены традиции теоретического отношения к истории и исторического отношения к теории, выдержавшие испытание общественной практикой и временем.

Каков же характер тех теоретических обобщений, которыми занимается историк? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения не только специфики предмета истории, что было сделано выше, но и ее соотношения с социологией, а применительно к методологии марксизма-ленинизма соотношения истории и исторического материализма.

Известный советский историк Б. Ф. Поршнев мысль о взаимосвязи этих наук выразил особенно рельефно:

---

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 139.

«Провести какую-либо демаркационную линию между историком и истматчиком и социологом в том смысле, что последний разрабатывает, исследует социологические законы, а историк — нет — невозможно. Это значило бы, что история не наука». Различие между социологом и историком он образно сравнил с тем, «как физики-теоретики взаимодействуют с физиками-экспериментаторами»²⁷. Разумеется, это сравнение условно, оно несколько упрощенно представляет труд историка, который весьма многогранен и не сводится лишь к какой-либо модели эксперимента: Скорее всего, точнее было бы сказать: историк в одном лице должен быть и теоретиком, и «экспериментатором», знатоком конкретики.

Стремление к выяснению роли исторического материализма для конкретного исследования, конечно, вполне закономерно. Касаясь этого вопроса, Г. Г. Караваев отмечает, что «исторический материализм есть конкретизация диалектико-материалистического метода к анализу общественных явлений, а не простое логическое выведение из диалектического метода»²⁸. Аналогично интерпретируют данный вопрос и ряд других авторов²⁹. Болгарский философ, историк Н. Ирибаджакков, например, подчеркивал: «Философия является наукой о наиболее общих категориях и законах природы, человеческого общества и познания, она неизбежно исполняет роль методологии истории»³⁰.

Эти рассуждения выражают не только общий для всех ученых-марксистов взгляд на исторический материализм как на теоретический фундамент исторической науки, но и позволяют понять ошибочность противопоставления социологии и истории, характерного для многих буржуазных концепций общественной мысли. Согласно этим концепциям, социология и история выступают как противоположные формы познания: первая является наукой об общем, о законах и тенденциях социально-исторической жизни, а вторая является наукой о единичном, индивидуальном. Очевидно, общей теоретической основой этого взгляда служит неокантианское учение Виндельбанда и Риккерта о существовании двух

---

²⁷ История и социология, с. 153, 154.

²⁸ Караваев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973, с. 14.

²⁹ См.: Варшавчик М. А., Спиринов Л. М. О научных основах изучения истории КПСС, с. 11—17.

³⁰ Ирибаджакков Н. Указ. соч., с. 177.

различных и противоположных наук — генерализующих и идеографических. Необоснованность такого деления в марксистской литературе показал еще Г. В. Плеханов. «История, — подчеркивал он, — становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии»³¹.

Не выдерживает критики и стремление неокантианцев исключить закономерности из сферы исторической науки. «В течение многолетних исторических исследований, — писал в начале века один из видных представителей неокантианской методологии Э. Мейер, — как я сам не обнаружил никакого закона, так и ни у кого другого не нашел такого закона»³². Разрыв между теорией и историей здесь очевиден. Он во многом присущ и современной буржуазной историографии.

Буржуазные ученые пытаются отрицать объективный характер законов общественного развития, ссылаясь прежде всего на уникальность исторических ситуаций. Но этот взгляд нельзя считать обоснованным, хотя и следует признать тот факт, что буржуазная наука не смогла выработать критерия повторяемости в познании социального процесса.

Критерий повторяемости был всесторонне обоснован в теории социально-экономических формаций, разработанной основоположниками научного коммунизма. В. И. Ленин отмечал, что общенаучный критерий повторяемости получил свое подтверждение прежде всего на примере анализа производственных отношений³³. Благодаря этой теории стал ясен механизм социального детерминизма, а именно тот факт, что объективные законы социального процесса реализуются не автоматически, а в процессе общественной деятельности людей, народных масс, подлинных творцов истории. «...Идея исторической необходимости, — подчеркивал В. И. Ленин, — ничуть не подрывает роли личности в истории...»³⁴. Соотношение объективных законов развития общества и роли народных масс является важнейшей проблемой, специфически характеризующей предмет марксистско-ленинской исторической науки. Этой проб-

---

³¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1957, т. 3, с. 515.

³² Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы. М., 1904, с. 30.

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

леме буржуазная историография в силу своей классовой природы никогда не уделяла и не могла уделять серьезного внимания.

На вопрос о том, «открывает ли история законы, как они проявляются в истории?», ответ дан марксизмом-ленинизмом. Достаточно, например, напомнить о том, что К. Маркс сформулировал общеисторический закон о необходимости соответствия производственных отношений характеру производительных сил, обосновал законы, относящиеся к специфике капиталистической формации как целого и др. Теоретические построения коммунистов, разъясняли К. Маркс и Ф. Энгельс, ни в коей мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых теми или иными обновителями мира: «Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»³⁵.

Напомним о том, что, следуя методологии основоположников научного коммунизма, В. И. Ленин сформулировал историческую закономерность перехода капитализма в монополистическую стадию. Или другой факт. На основании изучения опыта буржуазных революций европейских стран В. И. Ленин подчеркивал закономерность о том, что буржуазная демократия и сама степень демократизма зависят от того, насколько гегемония в эпоху буржуазных преобразований переходит в решающие моменты истории не к буржуазии, а к «низам»³⁶.

Основоположники научного коммунизма считали законы общественного развития безусловно историческими законами. «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»³⁷. В другом месте В. И. Ленин подчеркивал эту же идею, указывая одновременно на роль субъективного фактора: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного

---

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 438.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 282—283.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 166.

хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»³⁸.

Какие же выводы следуют из этих положений для историографической деятельности? Прежде всего тот вывод, что задача исторического исследования не сводится к подбору иллюстраций к тем или иным известным общесоциологическим закономерностям: важно раскрыть их специфические проявления в конкретных событиях, фактах с учетом материальных и иных предпосылок функционирования изучаемого явления. Следует еще тот вывод, что диалектическая связь общего, особенного и единичного в историческом исследовании не должна заслоняться абстрактными социологическими рассуждениями. Историка интересует реальное взаимодействие экономических, политических и идеологических процессов объективного и субъективного в общественной жизни. Нелегкая задача ученого и заключается в том, чтобы, опираясь на фактический источниковедческий материал, в изучаемых событиях и процессах, изобилующих «случайностями», выявить все многообразие тенденций, характеризующих то или иное социальное развитие. Только такой подход поможет уяснить исторические закономерности. К. Маркс подчеркивал, что «общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»³⁹. Известно, что это положение было высказано в связи с анализом капиталистического способа производства. Поэтому есть основание отнести его к характеристике как общесоциологических, так и конкретно-исторических закономерностей.

Из цитируемого высказывания К. Маркса видно и то, что исторические законы не носят императивного характера. Это положение верно и в плане сопоставления (а не противопоставления) исторических законов с естественно-научными. Последние всегда присущи природе

---

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 176.

как объекту познания. Скажем, законы квантовой физики существовали еще и во времена Ньютона и, разумеется, еще раньше, хотя были открыты только в конце XIX — начале XX в. Исследователь-естествоиспытатель, как правило, имеет дело со всей совокупностью законов уже присущих, уже проявившихся в природе, возможно, только еще не познанных, не до конца изученных в науке. Иное дело в истории. Ученый не может иметь перед собой реально как объект всю совокупность закономерностей. Для него процесс познания закономерностей всегда специфически динамичен, как динамична сама объективная история. Поясним эту мысль: античные историки не могли судить о законах капитализма не потому, что были отсталыми людьми, а потому, что не было самого объекта познания.

Нельзя, разумеется, свести исторические законы к статистическим, рассматривая законы природы как динамические. Такая постановка вопроса, встречающаяся иногда в литературе, вызывает возражения. Правильно отметил И. Д. Андреев: «Социальные законы бывают самые различные: динамические и статистические, абсолютные и законы-тенденции и т. п. Но динамические законы общественной жизни, в отличие от соответствующих законов природы, проявляются в результате деятельности огромных масс людей, движимых их волей и теми целями и задачами, которые они перед собой ставят, что и придает им видимость чисто статистических законов»⁴⁰.

Определенный интерес представляет также вопрос о закономерности и альтернативности в истории. В буржуазной историографии альтернативность изображается как обоснование случайного направления социального развития. Такой подход не способствует решению проблемы исторических закономерностей. Для научной методологии изобилие «случайностей» в истории давно установленный факт (Ф. Энгельс). Но альтернативность как выражение множественности вариантов, по которым могут развиваться исторические события, не исключает общей закономерности, общего направления исторического процесса, поскольку характер этих событий всегда в конечном счете определяется экономическими условиями общества.

---

⁴⁰ Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977, с. 23—24.

В исследовательском плане вопрос не сводится к количеству, к формальному перечислению закономерностей, с которыми имеет дело историк. Выше уже подчеркивалась та мысль, что все общественные закономерности в своей основе являются историческими. Создавая конкретную социальную картину, историк и открывает, и исследует закономерности. Правильно об этом писал Т. И. Ойзерман: «Если каждая частная наука исследует всеобщее в его особенной форме существования, то и она открывает тем самым особенные всеобщие закономерности. Закон — форма всеобщности, и эта всеобщность, во всяком случае в количественном отношении, не всегда может быть ограничена»⁴¹. Бесспорно, однако, то, что классификация общесоциологических и конкретно-исторических закономерностей является важной научной задачей, имеющей существенное значение и для разработки категорий исторической науки.

Понятия исторической науки. В связи с рассмотрением соотношения теории и истории необходимо особо подчеркнуть роль мировоззренческих, социологических понятий для познания прошлого. Они позволяют установить основные тенденции социального развития, обобщить существенные черты изучаемых явлений. А «уже самое простое *обобщение*, — подчеркивал В. И. Ленин, — первое и простейшее образование *понятий*... означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира»⁴². Опираясь на эти понятия, можно проследить повторяемость в истории, уяснить закономерности социального процесса, раскрыть сущность событий и фактов. Применение социологических понятий в комплексе с общенаучными, специально-историческими — необходимое условие успешной научной деятельности.

Важно отметить также, что специально-исторические понятия носят, как правило, концептуальный характер. Они формируются в недрах самой исторической науки, ее различных отраслей. Например, при изучении истории античности нельзя обойтись без понятия «принципат». При этом имеется в виду установленный со времени Августа государственный строй, сосредоточение власти при сохранении старых республиканских магистратур в руках одного человека — принцепса сената. Понятие

⁴¹ Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982, с. 207.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 161.

«принципат» и означает эту специфическую организацию власти; оно условно может применяться и в других случаях, например, при изучении монархической формы управления в средние века, в новое время.

В медиевистике концептуальными являются понятия «рыцарство», «дворянство», «вассалитет». В исторической хронологии в качестве концептуального понятия выступает интерпретация летописных данных о возникновении городов (например, Москвы в 1147 г. по первому летописному упоминанию).

Как видно из изложенного, исторические понятия не являются идеальными конструкциями, они отражают действительность и выполняют роль орудия ее познания. Именно в этом смысле Ф. Энгельс отмечал «единство понятия и явления»⁴³.

Это положение должно быть правильно понято. Для этого обратимся к статье В. И. Ленина «Луиблановщина». Когда В. И. Ленин выдвинул понятие «луиблановщина», он имел в виду реальные тенденции самой общественной действительности, питающие тактику беспринципного соглашательства российских меньшевиков⁴⁴. Он с исчерпывающей ясностью вскрыл исторические корни данного понятия: «Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат». Примечательно и то, что В. И. Ленин в данном труде критикует сторонников «луиблановщины» за «самое возмутительное фокусничество» в употреблении понятий, за неумение дать «политическое определение понятия». Касаясь понятия «организация труда», к которому Луи Блан апеллировал, В. И. Ленин иронически отмечает, что для мелкобуржуазного теоретика «этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления»⁴⁵. Таким образом, научная методология зиждется на признании объективной природы понятий, что и придает им громадную познавательную силу.

В трудах классиков марксизма-ленинизма содержатся образцы строго научного исторического подхода к понятиям. Примером может послужить данный К. Марк-

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 356.

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 127—130.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 127.

сом анализ контрреволюционного переворота Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года, события, вызвавшего, по словам Ф. Энгельса, у всех изумление, и которое до К. Маркса «никогда не было понято»⁴⁶. В этом блестящем и по содержанию, и по художественной форме анализе К. Маркс широко применяет социологические, общенаучные и конкретно-исторические понятия. К числу последних относятся, например, понятия «легитимисты» и «орлеанисты». Эти понятия, генетически связанные с предшествующей борьбой во Франции, относятся к характеристике двух больших фракций «партии порядка». Как замечает К. Маркс, сущность переворота можно понять лишь в том случае, если проводить различие между «фразами и иллюзиями партий» и их действительной природой, их действительными интересами». Он пишет: «Орлеанисты и легитимисты очутились в республике друг подле друга с одинаковыми притязаниями». Здесь показана сущность борьбы между ними: «Эти фракции были разъединены... материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, они были разъединены старой противоположностью между городом и деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью»⁴⁷. Эти две фракции «партии порядка» были двумя крупными фракциями французской буржуазии, и борьба земельных собственников и промышленных капиталистов была борьбой внутри правящего класса. Поэтому парламентарная республика 1849—1851 гг. была единственно возможной государственной формой господства всего класса французской буржуазии, при которой ее общие классовые интересы доминировали «...как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества»⁴⁸. Парламентарная республика как форма политической власти французской буржуазии вплотную столкнула ее, по выражению К. Маркса, «с поработанными классами», т. е. с мелкой буржуазией и пролетариатом. Вот таковы были объективные, классовые предпосылки контрреволюционного переворота. В данном случае понятия («общество», «класс», «партия», «республика», «орлеанисты», «легитимисты» и др.), которыми оперирует К. Маркс, употреблены для обозначения адекват-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 258.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 185.

ной реальной картины реконструкции событий и фактов. Анализ классовой структуры общества позволил К. Марксу заключить, что крестьяне «находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»⁴⁹. Обратим внимание на понятийный аппарат исследования. Понятие революции в нем представлено с точки зрения характеристики активности трудящихся масс в историческом процессе. Это видно из следующего положения. «Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска»⁵⁰.

Далее, еще одно пояснение. Понятия в исторической науке в конечном счете отражают ретроспективный характер познания прошлого. Для того, отмечал К. Маркс, «...чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого...»⁵¹. Разумеется, в данном случае речь прежде всего идет об адекватности научных понятий по отношению к действительности в целом, а не о прямом соответствии их всем конкретным фактам. Ф. Энгельс писал: «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве... Неужели же этот порядок был

---

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 8, с. 211.

⁵⁰ Там же, с. 122—123.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 449.

фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения...»⁵². Понятие, указывал он, не совпадает прямо «с действительностью, из которой только оно и может быть выведено»⁵³.

Аналогичной позиции в этом вопросе придерживался и В. И. Ленин. Поучительна в данной связи его полемика с А. А. Богдановым, пытавшимся механически протащить в общественное познание естественно-научную терминологию. «И подобный несказанный вздор выдается за марксизм! — писал В. И. Ленин. — Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук? Ни тени конкретного экономического исследования, ни намек на *метод* Маркса, метод диалектики и миросозерцание материализма, простое *сочинение* дефиниций, попытки подогнать их под готовые выводы марксизма»⁵⁴.

В. И. Ленин считал, что для общественно-исторического познания должны быть приняты те же самые основания, что и для наук о природе (рассмотрение общественного развития как естественно-исторический процесс, применение диалектики к общественному познанию, признание практики как основы познания и критерия истины и др.). Однако такой подход ничего общего не имеет с вульгаризацией понятий. Критикуя этот порок, В. И. Ленин указывал: «На деле никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»⁵⁵.

Из изложенного следует, что исторические понятия, как и любые научные категории, являются приблизительно верным, адекватным отражением определенных сторон, отношений самой объективной социальной действительности.

---

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 356.

⁵³ Там же, с. 354.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 347.

⁵⁵ Там же, с. 348.

Литература

Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976.

Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Историческое познание — общественное познание. Общественный характер исторической науки, о чем шла речь выше при рассмотрении ее предмета, во многом влияет на ее методологический статус. Всегда важно иметь в виду известную обусловленность методов познания от общественных потребностей, от развития социальных функций истории во всем ее протяжении.

В самом прямом значении этого утверждения историческое познание является составной частью общественного познания. Поэтому история как наука немыслима вне общества, равным образом и общество не существует без истории.

В современной буржуазной историографии распространены противоречивые суждения о влиянии социальных функций на методологию. Одни буржуазные авторы считают, что функциональная зависимость истории от общества мешает выработке «чисто» научных критериев оценки материала. Другие утверждают, что дело не в функциональной зависимости истории от общества, а в методологической ее специфике, выражающейся в том, что «исчезнувший» объект, т. е. прошлое, не может быть реконструирован с достаточной достоверностью. Ряд ученых (например, известный французский историк, один из теоретиков «квантативной истории» П. Шоню и др.¹⁾) полагают, что в эпоху научно-технической революции история должна коренным образом изменить свою методологию, принять методы естествознания, и только тогда она станет настоящей наукой.

Во всех этих суждениях отражены неправильные представления о влиянии социальных функций исторической науки на ее методологию.

Опыт истории показывает другое: скептицизм и субъективизм в интерпретации ее социальных функций и методов порождается, как правило, той общественной средой, которая сама ощущает неуверенность в своем собственном настоящем и будущем. С этим в конечном счете связан ныне широко распространенный в неокан-

---

¹ См. об этом: Вопросы истории, 1977, № 1, с. 189—192.

тианской и неопозитивистской историографии скептицизм в эффективности познания прошлого, а порой даже в самой возможности познания.

Историографический опыт свидетельствует о том, что каждой исторической эпохе с ее определенной ступенью развития общественно-экономических отношений соответствовали та или иная ступень познания объективного мира вообще, исторического познания в частности. Сменявшие друг друга у власти господствующие классы имели в период своего восхождения, как правило, более совершенные, по сравнению со своими предшественниками, методы познания действительности и с их помощью осмысливали как прошлое, так и современность. И, наоборот, утрата прогрессивных позиций тем или иным классом всегда приводила связанную с ним историографию к потере реалистического понимания прошлого и современности, к разрыву между историческими теориями и концепциями, с одной стороны, и общественной практикой — с другой.

Развитие общества приносит усложнение исторического процесса, и задача исторической науки всякий раз состоит в том, чтобы определить связь современного с прошлым (и наоборот), выяснить генезис и становление новых явлений действительности, проследить всю цепь происходящих социальных изменений. При этом речь идет не только о том, чтобы найти в прошлом ростки, предпосылки, условия возникновения явлений современности, объяснить их происхождение. Дело еще и в том, что возникновение новых явлений и процессов современности обращает внимание историка на новые, ранее не входившие в предмет его познания аспекты исторического прошлого.

Научная методология, таким образом, отражает закономерную связь развития исторической науки с общественной практикой. Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории...»² Теория исторического материализма, созданная

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 36—37.

К. Марксом и Ф. Энгельсом, всесторонне разработанная В. И. Лениным, открыла возможность познания в органическом единстве докапиталистического прошлого, капиталистической современности и коммунистического будущего человечества. Благодаря этой теории стало возможным целостное и взаимосвязанное изучение истории всех сторон общественной жизни, таких, как социально-экономическая, политическая, идеологическая, культурная, а также научное отношение к социальной практике.

Принципиальное отличие теории исторического материализма от всех предшествующих методов познания истории состояло в том, что она не только объясняла мир, но и открывала пути для его изменения. Изучение прошлого с позиций материалистического понимания истории создало на основе овладения действительно объективными законами общественного развития возможность такого познания социальной действительности, которое неразрывно сочетается с ее революционным преобразованием. При этом для марксизма, как указывал Ф. Энгельс, его основные положения являются «точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности»³.

Создание материалистической концепции общественного процесса явилось качественно новым этапом в развитии исторической науки, высоко поднявшим ее авторитет. Роль теории исторического материализма особенно наглядно видна на фоне господствовавшей в XIX в. историографии, которая все более впадала в субъективизм, объявляла непознаваемой сущность причин главных исторических явлений, в то время как идеологи революционного рабочего класса научно доказали неизбежность социалистической революции, закономерность революционного преобразования мира и добились широкого распространения марксистской теории среди трудящихся.

Историографический процесс в этих условиях был противоречивым. Но несомненно одно: он испытывал возрастающее положительное влияние марксизма. В науке шло не только активное накопление исторического материала, но и совершенствование техники историче-

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 364.

ского исследования, еще более расширилась его проблематика. Но расширение поля зрения историков в условиях господства позитивистских взглядов не могло сопровождаться обобщающей теоретической мыслью. При всем внимании к источнику и факту, к выявлению конкретных обстоятельств всякого исторического действия позитивизм, а затем и неокантианство на практике лишили историческую науку возможности познания подлинных объективных закономерностей, поэтому познание прошлого становилось все более непригодным для понимания проблем общественной практики.

Например, в России буржуазные историки интенсивно искали «новую» методологию исторического познания, при помощи которой можно было постичь быстро усложнявшийся характер общественного развития. Исторический материализм они не приняли, но несоответствие накопленного материала старым теоретическим представлениям становилось все более очевидным. Ведь не случайно на рубеже XIX—XX столетий появилось так много трудов, специально посвященных вопросам «методологии истории» (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов, Н. И. Кареев и др.). Конечно, нельзя рассматривать эти труды как локально русское явление — они были частью общего процесса развития философии, социологии и историографии буржуазного общества. Это были попытки противопоставить марксизму с его учением о закономерной смене общественно-экономических формаций, ведущей к ниспровержению буржуазного строя, какую-либо иную методологию познания, которая соответствовала бы идее неизбежности капитализма как системы общественного устройства.

Самая крайняя позиция противников революционного движения была обращена к религиозным схемам, при помощи которых, путем иррациональной абстракции, они пытались связать настоящее с прошлым. Углубление в биологические и психологические факторы, как определяющие историю, давало опять-таки лишь видимость связи между прошлым и настоящим. Но все эти и им подобные схемы совершенно не годились для сколько-нибудь реального познания сложных явлений тогдашней социальной практики. Поиск «новых» средств познания сопровождался игнорированием роли объективных закономерностей, о чем писал В. И. Ленин⁴.

---

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 44—45,

Вот таков был результат стремления истолковывать с позиций философского идеализма социальную роль истории в угоду корыстным интересам буржуазии. Здесь, как это было показано выше, не могло быть и речи о последовательно научном познании прошлого и выяснении его значения для социальной практики.

Общественный характер исторического познания был всесторонне обоснован в марксистско-ленинской методологии. «Прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы,— подчеркивал В. И. Ленин,— т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития». Далее он отметил, что этой задачи нельзя решить «не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения»⁵.

В. И. Ленин, следуя методологии своих гениальных предшественников, в единстве познания прошлого и настоящего видел гарантию правильной ориентировки в актуальных практических проблемах. Еще в самом начале своей деятельности В. И. Ленин указывал, что только «теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата», причем, разумеется, эта теория должна «удовлетворять научным требованиям». Опровергая обвинения субъективистов в том, что будто бы русские марксисты оценивают характер развития страны на основании некоей «абстрактной схемы», без учета специфики России, В. И. Ленин подчеркивал, что русские социал-демократы критерий своей оценки общественных отношений в России «видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»⁶. Исходя из этого, В. И. Ленин обосновал положение о творческом характере марксистской методологии и необходимости познания изменяющихся социальных условий:

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

⁶ Там же, с. 197.

«Мы вовсе не смотрим,— подчеркивал он,— на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»⁷. Изучая историю социалистической революции в России и первых лет социалистического строительства в нашей стране, В. И. Ленин писал: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полной определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»⁸. В. И. Ленин как теоретик и как исследователь-историк стоял на твердом фундаменте марксистского анализа развивающейся действительности.

Несомненно, история на основе изучения реального опыта прошлого и настоящего, всего многообразия социального процесса дает конкретные представления и знания о «живой связи времен», о различных аспектах общественной практики. Результаты исторического познания составной частью входят в общественное сознание. Овладение ими является предпосылкой всякого осмысления исторической действительности, любого истолкования и понимания социального опыта, извлечения уроков общественно-политической деятельности.

Только на основе исторического материала становятся возможными теоретические обобщения и в области других общественных (политэкономика, теория права и т. д.), гуманитарных (литературоведение, языковедение и др.) наук. Вспомним, что в свое время К. Маркс критиковал Прудона за неправильную трактовку экономических законов. Последний не понимал их «прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний»⁹. Таким образом, сфера практического действия исторического познания весьма разнообразна. Данные истории при правильном их методологическом обобщении выступают как исходный эмпирический материал для теоретических положений, для обоснования политических решений, для совершенствования управления социальными процессами, для дифференциации общего и индивидуального, закономерного и случайного, функционального и си-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 406.

стемного начал в различных сферах социальной жизни. В контексте этих данных можно рассматривать интересные события и факты: история при этом предостерегает людей от повторения ошибок прошлого, подсказывает, конечно, не готовые, но возможные варианты решения общественных проблем. Обращение к истории для представителей революционного класса связано с решением актуальных проблем социального прогресса. Напротив, у представителей реакционной идеологии, как писал К. Маркс, обращение к истории подчинено корыстным целям ¹⁰.

Использование исторических знаний для обоснования политических целей борющихся общественных классов, правительств, государств и других социальных институтов является важнейшей формой социального функционирования исторической науки. Воспитательные и нравоучительные цели, для которых также с очень давних времен привлекалась и привлекается история, в конечном счете во многом подчинены политическим целям общества.

Воспитательные функции истории. Специально следует остановиться на воспитательных функциях истории. Общеизвестно, что лишь на основе исторических знаний личность осваивает опыт своих предшественников, формирует свое отношение к социальным явлениям современности. Буржуазные идеологи хорошо это понимают, когда они берутся за фальсификацию исторических знаний для воздействия на умы молодежи. Буржуазные авторы немало тратят усилий для того, чтобы пропагандировать антиисторические идеи о «народном капитализме», «конвергенции», об отсутствии прогресса в социальной жизни («круговорот в истории») и др. Этот фактор особо диктует необходимость дальнейшего повышения качества исторического образования в социалистическом обществе.

Конечно, никакие искажения истории не помогут реакции остановить движение человечества вперед по пути социального прогресса. Однако «многоопытный» классовый противник может затруднить, как это было не раз, развитие революционного движения, прямо или косвенно помешать ему в решении тактических задач, спекулировать вокруг проблем внутреннего развития социалистических стран. Буржуазные идеологи в этом

---

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 416.

смысле часто усердствуют по линии так называемой «реинтерпретации истории», направленной на охаивание революционных традиций в освободительном движении с целью отвратить людей от социализма. В этом смысле меру способности реакционных сил «к выучке у истории» нельзя недооценивать. Эта мысль была отмечена еще в конце прошлого века В. И. Лениным при характеристике российской абсолютистско-буржуазной бюрократии, маскировавшейся фиговым листком «народолюбия». Именно о ней с сарказмом писал В. И. Ленин: «Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — нудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз»¹¹.

И в наши дни умение распознать классовые цели «западноевропейских мастеров реакции» остается важной задачей историка-марксиста. Оно требует упорной и длительной работы по изучению истории. В. И. Ленин учил, что история результатами объективного анализа должна служить практической деятельности, социальной борьбе, воспитанию у молодежи коммунистической нравственности, политической зрелости. Обращаясь к ней, он говорил: «И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического об-

---

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 301, примечание.

щества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука»¹². Из этого видно, что формирование, развитие исторического мышления у молодежи является социальным требованием, вытекающим из самой сути марксистско-ленинской методологии общественного познания.

История ленинской партии, отечественная и всемирная история — неиссякаемый источник воспитания студенчества на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. Эта история, о каких бы отдаленных во времени событиях она ни повествовала, чрезвычайно близка и дорога советскому человеку, она органически связана с нашими днями. Показывая достижения зрелого социализма, она тем самым раскрывает магистральный путь социального прогресса, неизбежность полной победы коммунизма. История учит людей правильно анализировать и оценивать факты и события в их сложном переплетении и развитии. Она помогает обличать несостоятельность империалистической, ревизионистской и всякой пропаганды, распространяющей реакционные идеи. История наряду с другими общественными науками показывает истинность и жизненную силу марксистско-ленинского учения об объективных условиях и роли субъективного фактора в социальном процессе, о соотношении демократических и социалистических задач в борьбе за победу пролетарской революции, о роли рабочего класса как ведущей силы социалистического и коммунистического строительства. Таким образом, благодаря этим функциям история занимает выдающееся место в идейно-политическом воспитании всех поколений советских людей.

Научная концепция истории — испытанное средство в коммунистическом воспитании молодого поколения. Раскрытие воспитательных функций истории требует, во-первых, глубокого знания марксизма-ленинизма, открывающего путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению объективного социального процесса, устраняющего субъективизм, и, во-вторых, умения применять общие принципы марксистско-ленинского учения в практической деятельности. Ведь идейно-политическое воспитание, находясь в неразрывном единстве с трудовым и нравственным, играет существенную роль в формировании мировоззрения и предполагает определенное от-

---

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

ношение к социальному опыту, историческим знаниям.

Воспитательные функции истории приобретают особое значение еще и потому, что идеологическая борьба между социализмом и капитализмом в наши дни не только усиливается, но и принимает новые формы. В этих условиях идейно-политическое воспитание людей предполагает сугубо сознательное, в известной степени теоретически осмысленное усвоение исторических знаний. Без этого невозможно в полной мере уяснить значение исторических знаний в формировании коммунистического мировоззрения, активной жизненной позиции личности. Здесь роль истории огромна. Марксистская историческая наука, раскрывая через познание закономерностей развития общества в прошлом и настоящем неизбежность победы нового над старым, вдохновляет молодежь к активной общественной деятельности. История воспитывает ненависть к эксплуататорам, гордость за героические и революционные свершения народа, чувства патриотизма и интернационализма, пробуждает горячее стремление беречь и умножать славные революционные, боевые и трудовые традиции старших поколений.

Воспитательные функции исторических знаний предполагают их методологическую четкость. Это постоянно необходимо иметь в виду в теперешних условиях возрастания исторической информации. Советские люди проявляют большой интерес к отечественной и всемирной истории, к боевым и трудовым подвигам предшествующих поколений. В стране многое делается для того, чтобы удовлетворить этот растущий интерес. Большую историческую информацию дают радио, телевидение, кино. Из года в год расширяются издания историко-художественной, мемуарной литературы. Только теоретически подготовленный историк сможет хорошо разобраться в этом потоке специальной информации. Исторiku, обладающему этим качеством, нетрудно разобраться и в проблеме актуальности. Для него актуальность в науке — это проблема не только выбора темы, но и уровня ее разработки, значительности выводов исследования для общественной практики.

Подлинная актуальность определяется прежде всего решением в процессе историографической деятельности задач, характеризующих потребности научного прогресса, современную общественную практику и ее познание. Иной подход к актуальности, сводящийся к внешним

атрибутам, к фразеологии, несовместим с требованиями научной методологии. Актуальность и предполагает всестороннее исследование явлений с позиций партийности и историзма, аргументированную критику буржуазной историографии.

История и антиистория. Социализм стал сегодня ведущей, магистральной линией современного общественного прогресса. С этим не хотят мириться классовые противники. «Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии»¹³. — подчеркнуто в постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии».

В этих условиях марксистско-ленинская наука, принципиально противостоя всем буржуазно-идеалистическим системам понимания истории, не отгораживается от того, что достигнуто наукой на всем пути ее многовекового развития за пределами материалистического понимания истории, но критически воспринимает все богатство всемирной исторической науки, переосмысливая его и восстанавливая действительно реальную, действительно объективную картину исторического развития человечества. Реальная основа для творческого диалога с представителями немарксистских направлений в современной исторической науке — это стремление к установлению объективной исторической истины и к тому, чтобы историческая правда служила делу социального прогресса. В этом состоит смысл дифференцированного подхода к различным направлениям буржуазной историографии, ее критики.

Трудно найти более наглядное проявление падения истинной роли истории в наши дни, чем насаждение антикоммунизма в исторической науке Запада, усилившееся после второй мировой войны. Но увлечение антикоммунизмом есть не что иное, как непосредственное продолжение того кризисного направления в историографии, которое в двадцатом столетии ярко проявило неспособность познать действительный смысл современ-

---

¹³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 68.

ности. Познание истории в системе антикоммунистического мировоззрения в основном перестает выполнять свою научную функцию, не дает обществу «истинного лозунга борьбы» (К. Маркс) для оценки прошлого и современности, перспектив социального движения.

Кризис буржуазной историографии, основанной на различных вариантах философского идеализма, носит общеметодологический характер. Он пронизывает все ее «этажи», начиная от шаблонной формализации источниковой базы исследований, кончая обобщающими концепциями, ставящими под сомнение общественный прогресс не только применительно к современности, но и при интерпретации пройденных этапов человеческой истории, которая истолковывается как циклический процесс. «Модным» становится и плюралистическое толкование истории. Оно тоже, правда, не ново. Еще на рубеже XIX и XX вв. в рамках позитивизма возникла так называемая концепция многих или «равных» факторов, позднее названная плюралистической. Сегодня плюралистический подход к социальной жизни оказался вновь широко распространенным в различных областях буржуазной историографии. Хотя внешне плюрализм выглядит перспективным методом познания, поскольку он берет во внимание самые различные стороны и факторы исторического развития, но на практике он не выходит за пределы эклектичности и лишь скользит по поверхности этих сторон и факторов, не умея связать объективную, реальную, действительную общую закономерность исторического развития общества. В лучшем случае плюралисты могут создать некоторые мелкомасштабные «модели» исторического процесса, но на деле их позиция проникнута агностицизмом.

Как только объективная логика исследования подводит историка к необходимости формулировать глубокие выводы общей закономерности изучаемых явлений и процессов и ставить их на службу преобразованию мира, плюрализм обнаруживает свою ограниченность, в конечном счете — необъективность. Внешняя беспретенциозность историографии, пользующейся методом плюрализма, выступление против «вечных истин» и «окончательных решений» в познании не освобождает ее от определенного отношения к общественной практике. На деле у сторонников плюрализма (например, у представителей «структурной» историографии) всегда отмечается негативное отношение к социальным революци-

ям. Не могут помочь в оценке революционной перспективы и распространившиеся теории континуитета, отвергающего качественный характер перехода общества от одного типа общественных отношений к другому и не имеющего ничего общего с подлинным историзмом.

Все эти явления в историографии капиталистических стран прямо и непосредственно связаны с общественной практикой, с обострением классовой борьбы, с кризисом буржуазной историографии и представляют собой попытку дать такой ответ на вопросы современности, который помогал бы укреплению существующего строя, в то время как объективная логика развития общества неумолимо ведет к его гибели, и в этом процессе рабочему классу принадлежит революционная роль.

При всем разнообразии и порой даже противоположности концепций прошлого, разрабатываемых в современной буржуазной историографии, нередко они объединяются в общей, глубоко не соответствующей реальным фактам объективной действительности позиции отрицания исторических преимуществ социализма, учения марксизма-ленинизма, прошедшего историческое испытание временем и практикой. Более того, дело иногда доходит до того, что история рассматривается лишь как «узаконенная иллюзия», удобная для политической полемики. Это и есть настоящая антиистория, присущая не только сторонникам презентизма, т. е. «осовременивания прошлого». Речь идет о более общей тенденции, связанной с принижением в буржуазной общественной мысли познавательных, следовательно, и социальных функций истории. Примером может послужить высказывание упомянутого выше английского историографа Арнольда Тойнби: «Есть доля снобизма в квалификации истории как науки. Она не является и не может быть наукой в той степени, в какой являются науками физика и химия». Если такие авторитетные ученые, как А. Тойнби, делают заявления, принижающие роль истории как науки, то что можно ожидать от откровенных фальсификаторов истории?! Ответ не требует лишних разъяснений.

Вопреки всевозможным субъективистским тенденциям материалистическое понимание общественной жизни позволяет уяснить действительный статус истории. Согласно этому пониманию «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допу-

скающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹⁴.

В таком подходе — существо марксистско-ленинского исследования конкретно-исторических и историографических вопросов, а его результаты имеют наибольшее значение для передовой общественной практики. Надо иметь в виду, что интересы каждого класса, политических партий нуждаются в историческом обосновании и интерпретации. Поэтому история является своеобразным знанием, в котором опосредствованно проявляется многообразие и противоречивость форм общественной жизни. Вследствие этого историческое познание в своем содержании концентрирует в себе остроту общественных противоречий, выраженных в определенных идеологиях.

Марксистская идеология, отражающая интересы исторически прогрессивного класса и закономерные тенденции общественного развития, в силу именно этих объективных обстоятельств неотделима от научного исторического познания, от диалектико-материалистической методологии анализа социальной действительности. Развитие историографии в СССР, других социалистических странах свидетельствует о том, что там, где историческая наука служит делу социального прогресса, она получает быстрое развитие и общественное признание.

Литература

Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983.

Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса). — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М., 1979.

Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

4. ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Теория, методология, принципы. В структуру методологии истории составной частью входят теоретические

¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

принципы познания. Взаимосвязь между конкретными методами и принципами глубоко диалектична: она, с одной стороны, отражает роль обобщающего, синтезирующего подхода к историческому объяснению социальной действительности, с другой стороны, опредмечивает теоретическую сущность познания. «...Принципы,— отмечал Ф. Энгельс,— не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; ...не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»¹.

В специальной литературе связь методов с теоретическими принципами охарактеризована в исследовательском плане: «Связь между исходными принципами и методами заключается в том, что вторые зависят от первых, определяются ими. Эта зависимость методов исследования от основных принципов не носит характера прямого соответствия по схеме: принцип — метод. Принципы реализуются в ряде методов, а методы опираются не на один, а на несколько принципов». Справедливо замечание и о том, чтобы «не канонизировать перечисление принципов научного исследования», а раскрыть их роль в процессе познания².

В указанном смысле теоретические принципы партийности, объективности, историзма занимают центральное место в методологии исторического исследования. Познавательная роль марксистского мировоззренческого метода для исторического анализа складывается из функций всех законов и категорий диалектического и исторического материализма. Однако перечисленные выше принципы при этом выступают в качестве определяющих, которые непосредственно интегрируют теоретические представления об исследуемом предмете в единое целое. Они применяются не по какому-то раз навсегда установленному шаблону. Нельзя полагать, что эти принципы в ходе исследования механически (хотя сам термин «применение» невольно может навести на эту мысль), как матрица, накладываются на совокупность фактического материала, являющегося отражением действительности. «...Простые категории,— писал К. Маркс,— суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 34.

² См.: Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС, с. 49, 50.

до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение»³. Методологические принципы в своей совокупности как раз нацелены на познание конкретных этапов, стадий развития социальных явлений, выяснения их общих и особенных черт. Есть все основания говорить о глубоком, последовательном историзме исследований основоположников марксизма-ленинизма, сочетающих в себе пролетарскую партийность и научную объективность.

Принцип партийности. Он, во-первых, отражает социальное, классовое содержание общественно-исторического познания, во-вторых, предполагает определенную оценку изучаемых явлений и процессов. Эта оценка окажется научной или ненаучной в зависимости от партийности исследователя. Пролетарская, коммунистическая партийность обеспечивает последовательно научное познание явлений прошлого и настоящего. Материалист (марксист), указывал В. И. Ленин, «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»⁴.

Напротив, «объективизм», объективистский подход к историографии выражается в недооценке классового анализа, в абстрактной постановке социальных вопросов, в игнорировании необходимости их конкретно-исторического изучения.

Буржуазные идеологи, выступая за «объективизм», отделяют принцип партийности от других требований марксистско-ленинской методологии. На этом основании они делают вывод о несовместимости партийности и науки. Но все дело в том, о какой партийности идет речь: буржуазной или пролетарской. Марксисты-ленинцы отстаивают пролетарскую, коммунистическую партийность, являющуюся выражением интересов самого прогрессивного класса современности — рабочего класса. Она не только не противоречит объективному познанию действительности, но и обуславливает его.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 728,

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418,

Пролетарская партийность означает открытую защиту интересов рабочего класса, прогрессивных общественных классов. Если марксистское учение, писал В. И. Ленин, «требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитие распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.»⁵.

Принцип коммунистической партийности предполагает критику буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, всех антимарксистских, реакционных теорий и концепций. Всякое умаление коммунистической партийности в современных условиях объективно служит усилению буржуазной партийности, часто маскирующейся под оболочку «беспартийности».

Конечно, в исторической литературе встречаются работы, лишенные общественной актуальности и открыто претендующие на «беспартийность». Такие работы всегда оказывались и оказываются далекими от магистральной линии исторической науки. Но когда мы говорим о партийности того или иного ученого, то имеем в виду объективное, социальное содержание его работы, отражение в ней позиции данного класса. В этом отношении особенно поучительно то, как В. И. Ленин исследовал принцип партийности в связи с конкретными задачами рабочего класса и его авангарда на различных исторических этапах. Он последовательно подчеркивал значение классового подхода для раскрытия объективного содержания исторических явлений и событий: «Кто после опыта и Европы и Азии говорит о *неклассовой* политике и о *неклассовом* социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру», — писал В. И. Ленин в статье

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 547—548.

«Исторические судьбы учения Карла Маркса»⁶. Это положение особенно актуально для критики реформистских, ревизионистских концепций истории. В. И. Ленин последовательно учил «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁷. Только тогда можно уяснить объективный смысл буржуазной партийности.

Нужно отметить, что в современной буржуазной историографии есть различные подходы к проблеме партийности. Некоторые авторы партийность отвергают. Однако другие не соглашались с такой постановкой вопроса и утверждают, что в исторической науке всегда имеет место борьба мнений, партийных, классовых концепций. Ряд буржуазных идеологов и историков прямо подчеркивает партийный характер исторической науки, ее значение в идейной борьбе нашего времени. Иначе говоря, если часть историков выступает за «деидеологизацию» истории, за освобождение истории от ее социальных функций в современной идеологической борьбе, то другая часть историков придерживается противоположной тенденции — прагматизации истории, рассмотрения ее лишь в качестве функции политики. Это и показала дискуссия, развернувшаяся на XIV Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся в США, вокруг основного доклада «История и общество»⁸.

Научное понимание партийности требует раскрытия социального содержания источника, мировоззренческих, политических позиций ученого и их специфического отражения в методе.

Классовая обусловленность источника во многом влияет на интерпретацию существа социальных явлений. Историк-марксист должен обладать способностью научного отношения к источнику, владеть методикой источниковедческого анализа. Каждый источник имеет свою социальную природу, и в зависимости от методологической вооруженности исследователя по-разному проявляется его познавательная эффективность. По своему содержанию исторические источники могут отражать пози-

---

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 4.

⁷ Там же, с. 47.

⁸ См.: Тихвинский С. Л., Тишков В. А. Проблемы новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук. — Новая и новейшая история, 1976, № 1.

ций различных классов, и историк должен уметь делать правильные выводы из этих источников. Известно, что К. Маркс использовал в своей работе над «Капиталом» источники самого различного происхождения. В «Положении рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс использовал источники преимущественно буржуазного происхождения, однако он с позиции партийности показал реальное положение рабочего класса в системе капиталистических отношений, даже на том этапе, когда буржуазия была восходящим классом.

То же самое можно сказать о произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», основанном на исследовании весьма разноплановых источников. Рассматривая вопросы средневековой истории, дореформенного, пореформенного развития России, В. И. Ленин показывал глубокий антагонизм борющихся классов. Выводы В. И. Ленина-историка неотделимы от его позиции исследователя-коммуниста. Мастерски используя источники, В. И. Ленин гениально развил марксистский метод анализа социальной деятельности.

Приращение роли партийности, характерное для буржуазной науки, противоречит логике исторического исследования. Оно неправомерно и в историографическом плане. При такой ориентации нельзя понять фундаментального характера исторической науки. «Пролетарские революции...— писал Маркс,— постоянно критикуют сами себя... с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток»⁹. Эта оценка Маркса имеет определенное значение для осмысления проблем партийности в ее связи с объективностью познания. Только такая глубокая постановка вопроса способствует выработке научной стратегии и тактики борющегося класса. Поэтому характерной чертой коммунистической партийности является осознанная, целенаправленная реализация ученым в практике научного исследования коренных мировоззренческих, теоретических и идеологических принципов марксизма-ленинизма.

Если же речь вести о буржуазной партийности, то здесь партийность, объективность, историзм находятся в принципиальном противоречии. Здесь полную силу имеет положение Г. В. Плеханова, высказанное им в статье «Cant против Канта»: «Партийная наука», стро-

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 123.

го говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование «ученых», проникнутых духом партии и классовым эгоизмом»¹⁰. Нападки буржуазных авторов на принцип пролетарской партийности связаны не столько историко-познавательными целями, сколько их классовым эгоизмом, о котором говорил Г. В. Плеханов.

Классики марксизма-ленинизма в результате исследования буржуазной (мелкобуржуазной) историографии показали, как ее представители в угоду своим политическим классовым позициям склонны искажать историю. Имея в виду, например, исторические сочинения английского ученого Т. Маколея, выступавшего с апологетикой «славной революции» 1668 г., К. Маркс писал, что этот автор «фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии...»¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс среди английских историков XIX в. выделяли Т. Карлейля, отличавшегося по своим общественно-политическим взглядам сравнительной прогрессивностью. Они также вскрыли зависимость эволюции исторических взглядов этого ученого от изменения его политической позиции. Т. Карлейль, ранее сочувственно относившийся к нуждам трудящихся, резко осудил Парижскую Коммуну, утратив таким образом те положительные взгляды, которые делали его в середине XIX в. прогрессивным историком. Пример Т. Карлейля, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, представляет «доказательство того, как высоко парящее благородство превращается немедленно в неприкрытую низость, лишь только оно спускается с небес своих сентенций и фраз в мир реальных отношений»¹². К. Маркс и Ф. Энгельс всесторонне раскрыли сущность эволюции буржуазной исторической науки, определяемой в конечном счете изменением положения буржуазии в обществе, а именно тем, что она из класса некогда прогрессивного превратилась в класс, боящийся социальной активности, революционного выступления трудящихся.

В. И. Ленин также не раз показывал узкоклассовый, политический смысл ученых сочинений «объективных» историков. Это им обстоятельно было выяснено, в част-

---

¹⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958, т. II.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 283.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 276.

ности, в статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», посвященной критике «Политических писем» П. Г. Виноградова. В них известный историк, освещая буржуазные революции во Франции и Германии, дал им такую интерпретацию, которая была направлена на обоснование трусливой, своекорыстной позиции русской либеральной буржуазии в отношении к первой революции в России. Именно стремление русской либеральной буржуазии к сделке «с монархией против революционного народа» объясняет почему автор «Политических писем» считал в истории и в политике «...реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надежным и благоразумным», а «революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным...» Этим же объясняется то, почему либеральный историк считал желательным для России путь революции 1848 г. в Германии, а не путь революции 1789 г. во Франции. «Он знает, этот муж алтынной науки,— писал В. И. Ленин,— что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части *уничтожения реакции*, пугая нас предметными уроками по части *уничтожения революции*»¹³.

Защищая пролетарскую партийность, В. И. Ленин одновременно дал последовательную критику объективизма.

В советской исторической литературе подробно выяснена методологическая ограниченность объективизма. В ней показано, как и к какому субъективизму, иногда к прямой фальсификации истории приводит этот принцип буржуазных ученых. Однако последнее не является, разумеется, основанием для отрицания всякого познавательного значения объективизма. Это было бы равносильно последовать примеру наших идейных противников, которые без реального разбора познавательного содержания принципа партийности рассматривают его как ненаучный. Так, разумеется, не могут поступать марксисты. В. И. Ленин писал именно об ограниченности объективизма, о его методологической несостоятельности, подчеркивая, что материалист последовательнее «и глубже, полнее проводит свой объективизм»¹⁴. Он говорил об «объективизме классовой борьбы» как выражении пролетарской партийности.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 227—229.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

Необходима критика буржуазного объективизма с точки зрения единства принципов историзма, партийности и объективности. Здесь роль принципа объективности значительна. Нужно, однако, небольшое объяснение. Дело в том, что некоторые ученые считают возможным этот принцип специально не выделять, мотивируя тем, что принцип партийности сам по себе предполагает объективность¹⁵. Это верно в том отношении, что в марксистско-ленинской исторической науке объективность и партийность находятся в органическом единстве. Однако с точки зрения уяснения соотношения теории, методологии и методов исторического исследования обращение к принципу объективности необходимо. В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» записано: «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям и процессам — органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса». Это положение имеет первостепенное методологическое значение. Оно важно и для критики буржуазной историографии, ставящей под сомнение объективность исторического познания в целом.

Принцип объективности. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин, перечисляя элементы диалектики, на первое место поставил объективность¹⁶. Это уже является доводом в пользу рассмотрения объективности как принципа исторического познания.

Вопрос имеет и историографическую сторону. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин объективность рассматривал как антипод буржуазного объективизма. В такой трактовке данный принцип выступает как один из важных критериев объективно-истинного познания. В чем же заключается содержание принципа объективности?

В историографическом плане объективность как теоретический принцип требует всестороннего анализа исторических фактов, событий, процессов. Поэтому вопрос о том, выделять принцип объективности или не выделять в качестве самостоятельного, можно считать второстепенным. Однако познавательные функции этого принципа необходимо четко иметь в виду, ибо он связан

¹⁵ См.: Маслов Н. Н. Основные проблемы методологии истории КПСС. М., 1981, с. 14.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

с объективно-истинным познанием социальной действительности.

Первая функция заключается в том, чтобы правильно определить предмет исследования, его место среди других вопросов. «Теоретическое познание,— писал В. И. Ленин,— должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении...»¹⁷

Вторая функция проявляется в требовании реконструкции объекта исследований как нечто целого, единого, включающего его прошлое и настоящее. Элементы целостности сами достигаются состоянием зрелости, развитости, отражения и воплощая в себе процессы, свойственные системе в целом. Методологическим ориентиром для понимания указанной взаимосвязи, взаимовлияния служит здесь ленинское указание о соотношении отдельного и общего. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин отмечал: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»¹⁸.

В плане рассматриваемой темы речь идет о том, что объективность наряду с другими методологическими принципами предполагает адекватное познание прошлого и настоящего. Без этого невозможна научная методология истории. Приведем пример. Историография позволяет выделить два подхода к изложению истории второй мировой войны. Исследования советских ученых и ученых социалистических стран, зарубежных историков-марксистов о второй мировой войне являются объективно правильным отражением событий второй мировой войны. Последняя принадлежит к числу тех событий, ход которых источники позволяют восстановить не только по дням, но и по часам. На основании критического анализа источников можно схематично восстановить ход войны и ее результаты. Такая работа проводится и в марксистской, и в буржуазной историографии. Но этого недостаточно, нужно дать объективную классовую оценку характера войны. Как показывает историографический опыт, этого буржуазные историки не в состоянии сделать. Они в силу идеологических, классовых позиций не хотят показать тот решающий вклад,

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 193.

¹⁸ Там же, с. 318.

который внесли народы Советского Союза в дело победы над фашизмом. Как видно, здесь классовая ограниченность находит свое отражение в субъективистской методологической позиции. Более того, буржуазные историки, что сейчас особенно характерно для некоторых авторов неоконсервативного направления в историографии Западной Германии, стоят на позициях апологетики лидеров третьего рейха. Этот пример показывает, к чему приводит отказ от объективности и выдвижение на первый план «объективизма». Последний не является узко методологическим приемом. Он оказывается связанным с классовой философией империалистической буржуазии, и поэтому наша задача — критиковать, разоблачать буржуазный объективизм как методологический принцип современной буржуазной историографии.

Историографический опыт свидетельствует о том, что буржуазный объективизм ныне изжил себя и в теоретическом, и в практическом отношениях. Вот почему буржуазные авторы прибегли к своеобразной переоценке объективизма. Они немало пишут об ограниченности объективизма, имея в виду его традиционные формы (в частности, объективизм ранкеанского толка, натуралистический объективизм), гораздо больше, чем раньше, апеллируют к исторической теории, каузальности в объяснении природы факта. В свете данной выше характеристики классовой и методологической сущности буржуазного объективизма нетрудно понять подлинный смысл этих и других аналогичных апелляций: они отражают методологическую беспомощность сторонников объективизма, эклектичность их теоретических поисков.

Не убедительны в этом отношении, например, рассуждения Л. Голдстайна (автора книги «Историческое познание», вышедшей в Лондоне в 1976 г.) и других буржуазных ученых, отвергающих критерий объективности в истории на основе констатации его различия в естествознании и в общественном познании. Конечно, объективность в естествознании и в исторической науке проявляется своеобразно. Это видно и из специфики процесса уточнения знаний, к чему безуспешно апеллировал автор. В естествознании этот процесс люди воспринимают как само собой разумеющийся факт. А в исторической науке любая попытка уточнения тех или иных концепций воспринимается весьма эмоционально

и дает повод для размышлений о степени объективности самой науки. Это объясняется тем, что в исторической науке движение и уточнение знаний задевают непосредственно и косвенно интересы людей, классов, партий¹⁹. С этим фактом нельзя не считаться. Однако эта специфика не только не умаляет познавательную роль объективности, но усиливает, ставя ее в связь с принципом историзма.

Принцип историзма. Не подлежит сомнению то, что для познания разных сторон исторического развития требуется применение различных конкретных методик и процедур исследования; адекватное раскрытие социального процесса. В этой связи следует отметить органическую взаимосвязь объективности и историзма. Известно, что мыслители начала XIX в. ввели в общественную науку принцип историзма. Но у них он базировался на различных вариантах идеализма. Критикуя идеалистическое толкование историзма, основоположники марксизма обосновали последовательное диалектико-материалистическое его понимание с позиций коммунистической партийности. Диалектико-материалистическая концепция общественного процесса и есть фундамент подлинно научного историзма. Она позволяет найти в многообразии явлений общие закономерности и специфичность, понять единство теории и практики в познании.

Историзм является общеметодологическим принципом познания. Однако он особое значение имеет для истории, где и находятся его истоки как категории познания. Между тем, имеющиеся монографические исследования историзма (Г. А. Подкорытов, Н. П. Французова, В. И. Столяров, В. П. Кохановский и др.) в основном опираются на материалы диалектической логики или же естественных наук. Поэтому представляется целесообразным на основе историографического материала рассмотреть познавательные функции историзма в плане его соотношения с принципом объективности. Исходными являются положения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о месте историзма в диалектико-материалистическом методе. Рассматривая общественный процесс как проявление объективной закономерности, К. Маркс отмечал, что «развитие противоречий известной исторической формы производства есть един-

---

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17—18.

ственный исторический путь ее разложения и образования новой»²⁰. Он впервые дал последовательное научное объяснение историзма. В рецензии на первый том «Капитала» Ф. Энгельс не случайно подчеркивал именно эту сторону метода научного исследования основоположника марксизма. «Особенно, — писал он, — бросилось нам в глаза в этой книге то, что положения политической экономии автор рассматривает не как вечные истины, как это обыкновенно делается, а как результаты определенного исторического развития. В то время как даже естествознание все больше и больше превращается в историческую науку... политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общей наукой, как математика. Какая бы судьба ни постигла другие утверждения этой книги, мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению»²¹. Это открытие Маркса должно было иметь первостепенное значение для объективно-истинного познания социальных закономерностей. После появления «Капитала», отмечал Ф. Энгельс, уже нельзя будет, например, экономически стричь под одну гребенку рабочий труд, крепостной труд и свободный наемный труд, «нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, если эти современные законы не подходят к прежним отношениям, просто объявлять эти последние еретическими»²².

Оценивая марксизм как высшее развитие всей исторической, экономической и философской науки, В. И. Ленин в полемике с лидером «легальных марксистов» П. Струве писал: «Если Маркс сумел воспринять и развить дальше, с одной стороны, «дух XVIII века» в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а с другой стороны, экономизм и историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века, то это только доказывает глубину и силу марксизма...»²³ В замечаниях на книгу «Экономика пе-

---

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 499.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 222.

²² Там же, с. 222—223.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 49.

реходного периода» он указывал: «Диалектика включает историчность»²⁴.

Таким образом, историзм (историчность) в методе научного познания имеет определенное самостоятельное значение. Он выступает как способ изучения явлений в их возникновении и развитии, в их связи с конкретными условиями. Этот способ вместе с тем воплощает в себе требование познания количественного и качественного своеобразия явлений, выяснения как их общих, так и особенных черт. Следует заметить, что иногда в понятие историзма в методологической литературе вкладывается и более широкое содержание. Оно рассматривается как синоним исторической концепции или исторического метода. Более правильным является употребление его как принципа научной методологии. Справедливо замечание А. И. Ракитова о том, что сфера приложения данного принципа не ограничивается лишь профессиональным историческим познанием, она охватывает все общественное знание: «В структуре же собственно исторического познания он выполняет роль своего рода стержня, объединяющего всю систему, пронизывающего все ее подсистемы от эмпирических фактов до концептуальных, теоретических схем»²⁵.

Соглашаясь с этим мнением, напомним о том, что В. И. Ленин историзм рассматривал как важнейшее условие научного общественного познания.

В лекции «О государстве» (1919) он сформулировал знаменитое положение об историческом подходе к изучению социальных явлений. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁶. Из этого положения следует, что без рассмотрения объективной многосторонней связи явления и его различных сторон, без выяснения ос-

²⁴ Ленинский сборник, т. XI, с. 384.

²⁵ Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982, с. 234.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

бенностей исследуемого процесса нельзя говорить о марксистско-ленинском историзме.

В теоретико-познавательном отношении историзм связан с конкретным анализом явлений общественной жизни. Но конкретное не равнозначно единичному факту; в той или иной конкретной исторической ситуации всегда имеется сложное переплетение различных общеизвестных процессов, тенденций, событий, составляющих определенное единство. «Конкретное потому конкретно, — отмечал К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»²⁷. В качестве конкретного выступают многогранные, объективные связи самой действительности в их многообразных формах исторического проявления. Этим обусловлено то, что знание о конкретном достигается не сразу; оно является результатом целого ряда абстракций, опосредствований, отражающих в конечном счете реальные отношения между предметами, явлениями и т. д.

Историзм и объективность как познавательные категории выражают существенные связи реальной действительности и дополняют друг друга в процессе исторического исследования. Научный ответ на вопрос о сущности тех или иных социальных явлений лежит не в сфере схоластических рассуждений о них, а в предметном творческом изучении самого объективно-исторического процесса.

Историзм обеспечивает возможность применения общенаучной истины для характеристики именно данных, а не каких-либо иных социальных явлений, к которым вполне применима эта общая истина. В написанном в 1907 г. предисловии ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России», указывая на незыблемость марксистского положения о буржуазном характере первой российской революции, В. И. Ленин особо подчеркнул, что это положение нужно уметь применять. Нельзя искать «ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции», недопустимо возникающие вопросы о возможном развитии этой революции решать «посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху»²⁸.

---

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 727.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14, 16.

Следовательно, научное исследование общей линии социального развития должно сочетаться с объективным изучением конкретных этапов исторического процесса. В. И. Ленин отстаивал ту мысль, что знание общих закономерностей социального процесса должно сочетаться в научной методологии с конкретным анализом общего, особенного, единичного в общественной практике. Имея в виду научные основания политики пролетарской партии, В. И. Ленин писал о необходимости руководствоваться общими социальными закономерностями, которые проявляются в различных конкретных ситуациях по-разному. Важно поэтому, указывал он, «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения...»²⁹.

Благодаря объективному выяснению соотношения единичного, особенного, общего, В. И. Ленин глубоко вскрывал классовую сущность рассматриваемых явлений, относящихся к той или иной исторической ситуации, с научной достоверностью определял место каждого события и факта в общеисторическом процессе. Фактам в историческом исследовании он отводил самостоятельную смысловую нагрузку; без них вообще невозможно во всей полноте представить социальный опыт прошлого.

Историзм, по мысли В. И. Ленина, имеет важнейшее значение не только для научной, но и для общественно-политической деятельности. Всякого рода отступления от него неизбежно являются отступлениями от марксистского диалектического метода, от исторической правды. Эту мысль Ленин отчетливо проиллюстрировал при анализе доклада Аксельрода о Государственной думе на IV (Объединительном) съезде РСДРП. В выступлении на съезде В. И. Ленин говорил, что тема доклада, несмотря на всю ее важность, осталась нераскрытой. Аксельрод «витал всецело в области абстрактностей, в заоблачной выси общих мест и прекрасных исторических соображений, годных для всех времен, для всех наций, для всех исторических моментов вообще,—негодных только в силу своей абстрактности для охва-

---

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

тивания конкретных особенностей стоявшего перед нами конкретного вопроса»³⁰.

Эта же мысль отражена в «Предисловии к сборнику «За 12 лет»: «Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии... «Что делать?» есть сводка искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов»³¹. Следовательно, методологически несостоятельно не только пренебрежение историческим изучением прошлого, но и попытка истолковывать эти явления произвольно, вырывая их из определенной исторической обстановки.

Анализ конкретной исторической обстановки, определенной ситуации нацелен в марксистско-ленинской методологии научного исследования на изучение действительности во всем ее многообразии, противоречиях, включая характеристику прогрессивных и регрессивных, обратимых и необратимых моментов реального процесса. Марксизму-ленинизму чужда оптимистическая нивелировка исторического процесса, что нередко стремятся приписать ему идейные противники. Эту мысль Ленин неоднократно подчеркивал, анализируя социально-политическую обстановку в России в 1905—1907 и 1907—1910 гг.

Так, в 1905—1907 гг., как отмечал В. И. Ленин, по вопросу о характере капиталистической эволюции России активно боролись две тенденции: одна из них отражала позицию средней и крупной буржуазии, другая — позицию мелкой буржуазии, прежде всего — крестьянства. В 1907—1910 гг. отчетливо обнаружились иные явления, которые были регрессивными по отношению к капиталистической эволюции. Столкновение различных тенденций буржуазного развития России, отмечал в связи с этим В. И. Ленин, не стояло на очереди дня, ибо обе эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь и на некоторое время заглушены. «Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлече-

---

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 39.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 101.

ние антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности»³².

Это сравнение В. И. Лениным сущности социально-политической обстановки за указанные годы примечательно не только тем, что оно раскрывает зигзаги капиталистической эволюции в России в определенный период ее истории, но важно в методологическом отношении. Оно позволяет выяснить разностадийность исторического процесса.

В этой связи следующая познавательная функция историзма заключается в том, что благодаря ему представляется возможным конкретизировать и уточнять те или иные знания о действительности. Это принципиальной важности вопрос. С развитием исторической науки те или иные факты получают более глубокую интерпретацию, но не утрачивают своего объективного характера³³. Момент абсолютной истинности теории Ленин видел в соответствии ее объективной практике. Необходимость уточнения концепций, следовательно, появляется как в силу развития социальной действительности, что позволяет глубже оценить те или иные факты прошлого, отдаленные последствия изучаемого события, так и в силу развития самой науки, усовершенствования методики исторического исследования. Это и видно из ленинского анализа социально-экономических отношений в пореформенной России. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Лениным было убедительно доказано буржуазное развитие страны, что имело решающее значение для выяснения характера и движущих сил, перспективы революции. Но, как писал В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», глубину капиталистического развития в земледелии объективно трудно было определить, поскольку исторический опыт не представлял достаточных для этого оснований³⁴.

Опыт революции 1905—1907 гг. подтвердил, отмечал В. И. Ленин, что, «верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития»³⁵, т. е. социал-демократы в конце прошлого столетия в известной степени переоценили уровень развития капиталистических отношений в земледелии. Неточность этой

---

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 87.

³³ См. там же, с. 87—88.

³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 234.

³⁵ Там же, с. 268.

оценки была выявлена практикой революционной борьбы крестьянства. Эта борьба показала, что остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, и именно они, вызвав общенациональное движение крестьянства, сделали из этого движения оселок всей буржуазно-демократической революции. В практическом отношении исправление ошибки выразилось в том, что большевики выдвинули лозунг конфискации всех помещичьих земель. «...Вместо частной задачи борьбы с *остатками старого* в земледельческом строе,— писал В. И. Ленин,— мы должны были поставить задачи борьбы со *всеим старым земледельческим строем*. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили *уничтожение его*».³⁶

Рассмотренный ход мысли В. И. Ленина важен не только с точки зрения раскрытия связи теоретической и практической сторон в деятельности партии по решению аграрного вопроса на конкретном историческом этапе, но и с точки зрения методологии научного творчества. Ввиду того, что историзм наиболее полно отражает общее и особенное в происхождении, становлении и развитии социальных явлений, он объективно служит задаче воспроизведения прошлого с учетом специфики исторического времени. Речь здесь идет, конечно, не только о календарно-хронологическом счете времени, но и об установлении разностадийности социального процесса. В этом смысле следует подчеркнуть, что историческое время требует раскрытия конкретных форм общественного процесса, познания развивающейся социальной действительности. Историческое время должно быть рассмотрено и в статике, и в динамике. Это обуславливается как развитием самой социальной действительности, так и важностью усовершенствования понятийного аппарата в соответствии с развитием науки. Все это позволяет считать, что содержание исторического времени обогащается по мере развития науки и аккумулирует в себе новые познавательные возможности. Встречающиеся противопоставления исторического и социального времени не свидетельствуют в пользу такого противопоставления. Историческое время в широком смысле слова есть социальное время. Оно уникально лишь в узком смысле слова.

В методологическом плане из сказанного следует

---

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 269.

тот вывод, что научные концепции, отражающие новые, современные этапы социального процесса, имеют сложную и генетическую связь с предыдущими историческими интерпретациями. Новые условия общественной практики порождают новые исторические концепции. Но и в этом случае новые концепции должны рассматриваться в рамках общей логики развития исторической науки. В них всегда должны учитываться предшествующие данному исследованию выводы, они должны содержать анализ предыдущего состояния историографии, приемов изучения тех или иных сторон конкретной проблематики, ее исторической базы. Это и есть отражение специфики исторического времени в историографическом процессе в методологии научного исследования. Поэтому историческое прошлое и историческое настоящее в научной методологии рассматриваются в их диалектической связи, взаимодействии, в их единстве и различии. Марксистско-ленинский историзм в полной мере учитывает эту связь.

Антиисторизм буржуазных специалистов по теории и методологии познания как раз состоит в том, что они с позиций философского идеализма не в силах раскрыть эту объективную взаимосвязь в социальных явлениях. Речь у буржуазных авторов идет, как правило, о гносеологическом подчинении прошлого настоящему или наоборот. Отсутствие подлинно научного понимания историзма или его игнорирование приводило и приводит буржуазных авторов к эмпиризму, к произвольному обращению с фактами, к субъективизму, в конечном счете к антиисторизму. Когда буржуазные ученые пишут о «кризисе историзма», об «ограниченности историзма», это следует рассматривать как крушение немарксистских, идеалистических методологических установок.

В марксистско-ленинской интерпретации историзм, его познавательные функции ничего не имеют общего с подчинением «прошлого настоящему» или субъективизмом. Он выступает как принцип познания социального развития. В этом смысле научный историзм, не претендуя на предопределение всего конкретного многообразия общественного процесса во всех его деталях, способствует предвидению ведущих тенденций истории человечества, определяемых в конечном счете объективными закономерностями развития той или иной эпохи, соотношением классовых сил в общественном процессе.

«Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), — указывал В. И. Ленин, — можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»³⁷. Этим требованиям и служит историзм, основывающийся на диалектико-материалистическом понимании общественного процесса.

Из изложенного видно, что методологические принципы имеют громадную познавательную силу. Эти принципы, отражающие во многом предмет и логику познания, на всех этапах исторического исследования играют ведущую роль: они нацелены на глубокое изучение источников, всей совокупности фактов, установление связей между ними, организацию в систему полученных знаний. В конечном счете методологические идеи, опирающиеся на диалектико-материалистическое понимание социальной жизни, направляют мысль историка по пути правильного объяснения и теоретического осмысления фактов, событий.

Напротив, методологическая аморфность, как правило, ведет исследователя к искажению исторической картины, к ошибкам в освещении явлений прошлого и настоящего. Справедливо мнение о том, что в марксистскую теорию познания прошлого органически входит реализация принципа историзма применительно ко всем стадиям развития общества. Какие бы конкретные рамки исторического исследования не были взяты, основным требованием исторической науки является рассмотрение эмпирического материала в логической и хронологической последовательности, с учетом взаимосвязанности и взаимообусловленности всех его составных элементов. Только в этом случае может быть должным образом обеспечена обоснованность выводов и объективность оценок исследователя. Взять, например, проблему периодизации истории. Теоретические основы периодизации можно понять только с позиций историзма и классового подхода. На этой основе становится ясным значение марксистско-ленинского учения об общественном прогрессе, о специфике исторического времени, о стадийно-региональных особенностях отдельных стран.

---

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

Методологические принципы способствуют углублению исторического понимания общественных закономерностей, уточнению периодизации с учетом новых источников (археологических, этнографических, лингвистических и др.).

Историк в исследовании конкретной действительности пользуется такими теоретическими выводами общественнознания, скажем, как роль классовых отношений в формировании различных идеологических направлений на том или ином этапе общественного развития, как закономерность усиления борьбы пролетариата и всех трудящихся за социальный прогресс. Бесспорное методологическое значение для него имеют учение о роли личности и народных масс в общественной жизни и многие другие положения марксистско-ленинской общественной науки.

Эти и другие положения в историческом исследовании выступают не абстрактно, а в функциональной связи с конкретным материалом, т. е. в реальной ткани самой общественной действительности и ее познания. Однако при всем этом методологические принципы автоматически не решают конкретных проблем истории. Они исследуются и решаются в рамках самой науки с помощью соответствующих специфике изучаемых явлений методов. О них пойдет речь в последующем изложении.

Литература

Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.

5. МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Материалистическая диалектика и специально-исторические методы. Эта тема является центральной в курсе методологии истории. Рассматривая ее, прежде всего необходимо отметить тесную связь мировоззрения и исследовательских методов, которая не исключает, однако, их определенной самостоятельности по отношению друг к другу. Методы, по образному выражению Н. Н. Маслова, «служат как бы переходным мостом от методологической теории к практике исследовательской работы. В этом заключается их важное прикладное значение»¹.

---

¹ *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования, с. 12.

Очевидно, выяснение «прикладного» значения методов требует определенной их классификации. Существующие схемы классификации методов в основном исходят из генетической принадлежности последних к отдельным наукам или группе наук. Данный критерий, разумеется, недостаточен. Необходим учет специфики предмета исторической науки, ее места в системе других наук. В этом отношении схему методов, применяемых на мировоззренческой основе в исторических исследованиях, можно представить следующим образом: 1) общенаучные методы, 2) специально-исторические методы, 3) междисциплинарные методы.

Разработка общенаучных методов содержится в ряде философских работ, в том числе в монографии А. П. Шептулина «Диалектический метод познания», где выделена специальная глава по этой проблеме². В данной связи нам необходимо рассмотреть специально исторические методы, а также условия и специфику применения междисциплинарных методов в исторических исследованиях.

Начнем с понятия исторического метода. Каждая наука в соответствии со спецификой предмета имеет свой метод. Метод исторической науки (иногда употребляется и термин «исторический метод», но последний может иметь и другое, специфическое содержание, как исторический способ познания, в отличие от логического) выступает как конкретизация и применение общего философского метода к области исторического познания.

Однако такая констатация дает лишь общее понимание исторического метода. Его необходимо конкретизировать, углублять, изучая и анализируя те конкретные средства и приемы исследования, которые называются специально-историческими методами.

В самом начале важно подчеркнуть мысль о необходимости содержательной интерпретации исторического метода. Такого рода необходимость объясняется тем, что исторический метод, как и любой другой, должен быть рассмотрен в динамике. Это обусловливается как развитием самой социальной действительности, так и важностью усовершенствования категорийного аппарата в соответствии с развитием науки. Говоря о необходимо-

---

² См.: Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983, с. 287—303.

сти выяснения содержания понятий, еще Гегель писал, что «метод может ближайшим образом представляться только видом и способом познания, и он в самом деле имеет природу такового»³. Однако основные научные принципы применения исторического метода впервые нашли свое освещение лишь в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Ф. Энгельс отмечал, что все миропонимание Маркса — «это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»⁴.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина содержатся наиболее существенные требования исторического анализа социальных явлений, которые имеют важнейшее значение для правильного осмысления проблемы метода.

Иногда утверждают, что об историческом методе можно говорить лишь условно. Для обоснования этой мысли иногда ссылаются на наличие самых различных толкований этого метода, на расплывчатость терминологического обозначения и т. д.

Конечно, этот момент игнорировать нельзя, хотя едва ли можно считать специфически присущим только историческому методу. Ни один научный метод не есть шаблон или трафарет. Споры по тем или иным аспектам метода — явление не новое для науки и вполне объяснимое, поскольку осмысление проблемы метода, если подходить к нему исторически, всегда связано с прогрессом самой науки. Это положение, несомненно, относится и к историческому методу.

Исторический метод также не является лишь системой формально-логических требований или же конкретно-исследовательских принципов. Он неотделим от соответствующих общемировоззренческих, теоретических идей. В системе исторического мышления эти идеи не только дают ключ для подхода к той или иной проблеме, но и во многом определяют научную ценность выводов ученого, эффективность исследовательской работы в целом.

Следует оговориться, что исторический метод нельзя полностью свести к историческому способу познания, который обычно рассматривается только в отношении к

---

³ Гегель. Сочинения, т. VI, с. 298.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 352.

логическому. Исторический и логический представляют различные, но взаимосвязанные формы отражения действительности. Соотношение между ними всесторонне раскрыл Ф. Энгельс, поясняя, почему для критики буржуазной политэкономии Марксом был принят логический метод. Вот это пояснение: «История часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднимать много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа. Таким образом, единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»⁵. Последующее замечание Ф. Энгельса о том, что логическое «нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»⁶, рельефно подчеркивает значение исторического способа мышления, следовательно, и исторического метода.

Нельзя считать случайным то, что исторический метод, имея довольно значительную предысторию, эффективным средством познания стал гораздо позже, и этим он обязан материалистической диалектике, материалистическому пониманию общественной жизни.

В чем же состоят и как складываются содержательные отличия исторического метода от других? Содержание, особенности метода каждой науки определяются тем, что познание в данной науке строится на единстве материалистической диалектики как всеобщего метода,

---

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

⁶ Там же, с. 499.

теоретических принципов познания и специальных способов исследования. Аналогично исторический метод формируется не путем механического «пересаживания» в данную науку законов и категорий диалектического и исторического материализма, а путем развития на его основе принципов и методов данной отрасли познания. Он представляет не прямое дедуцирование специфических методов научного исследования из общих философско-логических методов, а во многом содержательное обогащение абстрактного в процессе его «восхождения... — по выражению К. Маркса — к конкретному»⁷. Метод истории содержит знания общих законов общественного развития и принципов их познания, обоснованных историческим материализмом, и знания конкретных форм действия этих законов и способов их познания, полученные самой исторической наукой. Глубокий смысл имеет следующее замечание Ф. Энгельса: «Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики»⁸.

Нет ли противоречия в признании материалистической диалектики общим мировоззренческим методом исторического исследования и выделении исторического метода? Конечно, нет. Тем не менее поставленный вопрос требует дополнительных разъяснений с точки зрения профессии историка. Как отмечал Ф. Энгельс, в истории, в реальных науках вообще философия «преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»⁹.

Любой историк, ученый-обществовед, независимо от того, сознает он этот факт или нет, включает в свой исследовательский арсенал «действительное содержание» мировоззренческих знаний, определяющих исходные пункты научного анализа и влияющих на его ход. В этой связи следует подчеркнуть еще раз важнейшее значение законов и категорий материалистической диалектики для познания явлений прошлого и настоящего, для решения сложных научных проблем. Примеров тому много. Сошлемся, в частности, на анализ К. Марксом источников прибавочной стоимости. Исторически подходя к вопросу, он показал, что владелец денег превра-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 127.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 322—323.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 142.

щается в капиталиста именно тогда, когда сумма денег, авансируемая им на производство, достигает величины, позволяющей ему освободиться от личного участия в процессе производства и обратиться к найму и эксплуатации рабочей силы: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона... что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»¹⁰.

Ф. Энгельс неоднократно отмечал познавательную силу диалектического учения о противоречиях, перехода количественных изменений в качественные различия, отрицания отрицания для исторической науки. Говоря о всеобщем значении отрицания отрицания, он писал: «Не иначе обстоит дело и в истории. Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, наоборот, становится оковами для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда с необходимостью возникает требование — подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность»¹¹.

Нетрудно заметить ценность для историка этих положений, раскрывающих объективный ход социального развития, указывающих ведущую линию определения его качественного состояния на разных этапах истории. Материалистическая диалектика здесь имеет значение прежде всего как теория развития, как предпосылка действенного применения ее в качестве орудия познания и изменения действительности¹². Именно в этом качестве апеллировали к материалистической диалектике основоположники научного коммунизма, применяя ее при изучении новой истории, актуальных проблем освободительного рабочего движения: «С научной точки зрения,— пи-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 318.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 142.

¹² См.: Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982, с. 82.

сал В. И. Ленин, — мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий. С точки зрения практической политики и тактики рабочей партии, мы видим здесь образчик того, как творцы «Коммунистического манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран»¹³.

К противоположным результатам приводят абстрактные апелляции к диалектике, стремление истолковывать ее вне зависимости от объекта, от условий места и времени. В этом плане К. Маркс критиковал Мадзини: «Вместо того, чтобы исследовать те великие социальные факторы, которые привели к гибели революцию 1848—1849 гг., и попытаться обрисовать истинные условия, незаметно созревшие за последние десять лет и в совокупности своей подготовившие почву для нового и более мощного движения, Мадзини, как нам кажется, вновь возвращается к своим прежним фантазиям и ставит перед собой мнимую проблему, что может привести, разумеется, только к ложному решению»¹⁴.

Еще более критически высказался К. Маркс в адрес фракции Виллиха — Шаппера в «Союзе Коммунистов». К. Маркс упрекал сторонников фракции за то, что они не сделали должных выводов из поражения революции в 1848 г. Потому их подход к вопросам революционного движения, по его мысли, был в корне ошибочен: «Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат...»¹⁵.

К. Маркс показал полную противоположность взглядов Виллиха и Шаппера задачам действительной революционной борьбы: «На место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля*. В то

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 232—233.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 595.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 550.

время как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству,—им, вместо этого, говорят: Мы должны *тотчас* достигнуть власти, или же мы можем лечь спать»¹⁶. Эти положения рельефно показывают специфическую, самостоятельную роль исторического анализа, следовательно, и исторического метода в общественном познании. В этом смысле следует подчеркнуть, что исторический метод нацелен на раскрытие конкретных форм исторического процесса во всей его сложности и противоречивости.

Недооценка объективной обусловленности метода и его теоретического аспекта приводит к упрощенной трактовке проблемы в целом, согласно которой исторический метод рассматривается лишь как совокупность исследовательских приемов или же он отождествляется с логическими средствами мышления. Как раз об этом и свидетельствует опыт буржуазной историографии.

Если подойти к вопросу с точки зрения выяснения теоретико-методологических основ исторического познания на каждом этапе его развития, то всегда можно обнаружить зависимость результативности применения исторического метода от мировоззренческих идейно-теоретических позиций исследователей и, что очень важно, от того или иного уровня историографической практики и исторического мышления в целом. Историографическая деятельность таких ученых, как С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. М. Ковалевского в прошлом, М. Блока и «анналистов» в новейшее время с очевидностью подтверждают это положение. Они придавали проблеме метода большое значение, им принадлежит заслуга плодотворного применения конкретно-исследовательских приемов в историографической практике (например, в изучении социально-экономической истории, проблемы общин и др.). Однако они теоретически правильно осмыслить проблему метода не смогли.

Вместе с тем при оценке интерпретации исторического метода в буржуазной науке надо не только раскрывать ограниченность понимания буржуазными авторами сущности вопроса, но и иметь в виду присущие их воззрениям, научной практике рациональные моменты. Это относится прежде всего к тем представителям современной буржуазной историографии, которые предостерега-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 582.

ют своих коллег от методологического модернизма, требуют выяснения специфического содержания исторического метода по сравнению с методами других общественных наук (Т. Шидер, Р. Виттрам и др.). Если идею защиты Т. Шидером исторического метода следует оценить как положительное явление, то нельзя согласиться с его интерпретацией самой сути проблемы. Т. Шидер писал: «Вопрос о различии исторического метода и метода социальных наук надо начать с установления того факта, что обе эти отрасли знания имеют дело с одним и тем же объектом исследования, но находящимся в различных агрегатных состояниях»¹⁷. Исходя из этого, он по существу противопоставил метод истории методам других общественных наук. К методам социальных наук, по его мнению, принадлежат «все формы привлечения людей для выявления данных, необходимых для научного анализа. Это — интервью, опрос, в первую очередь репрезентативный, все виды наблюдения социальных процессов и их носителей и другие методические приемы». Что же касается историка, то все «данные, которыми он оперирует, это «остатки» прошлых событий». Далее автор отмечает, что применение в исторической науке таких методов, свойственных социальным наукам, и без того ограничено тем очень небольшим отрезком времени, когда еще живы очевидцы какого-либо события современной истории¹⁸.

Разумеется, такое разграничение и противопоставление методов наук не дает принципиально ничего нового для выяснения исторического метода.

Несколько отличны от указанной точки зрения взгляды Т. Пападопулоса (Кипр) на проблему метода. Последний призывал оценить внутреннюю связь между историей и социальными науками и на этом основании найти методологию, частично или даже полностью общую для обеих категорий дисциплин. Но автору не удалось найти новую «методологию... для обеих категорий дисциплин».

Эта задача не из легких, тем более что методологию просто «найти» невозможно, ее вырабатывают в процессе развития самой науки. Обращает здесь на себя внимание лишь то, что Т. Пападопулос не сумел раскрыть оснований методологической общности истории и

¹⁷ Шидер Т. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970, с. 23.

¹⁸ См.: Шидер Т. Указ соч., с. 7.

других общественных наук. «Мы видим, — писал он, — что предмет изучения истории шире, чем предмет исследования каждой из социальных наук, метод истории-диахроничен по сравнению с синхронным методом последних, предмет ее изучения — синтез и объяснение исторического процесса, тогда как социальные науки занимаются анализом функциональных и вневременных отношений»¹⁹.

Несводимость исторического метода к одной диахронии очевидна. Решение вопроса об историческом методе, предлагаемое автором, таким образом, оказывается явно односторонним. Оно касается лишь частной методики исторического исследования, в данном случае диахронистического подхода к изучению социального процесса. А ведь предварительным условием правильной интерпретации любой частной методики является научное понимание сущности исторического метода как метода данной отрасли познания. При этом невозможным для буржуазных авторов оказывается раскрытие мировоззренческого аспекта вопроса. Следование неокантианской или неопозитивистской (или же другой идеалистической) философии с неизбежностью приводит их к превратному, субъективистскому истолкованию метода исторической науки.

Изложенное показывает, как остро стоит проблема исторического метода в буржуазной науке. Как признают нередко ее представители, эта проблема далека еще от удовлетворительного решения, она все больше запутывается, возникают новые вопросы, образуются новые наслоения: «Неужели история обречена оставаться лишь неустанным анализом, покорным и унылым собирательством относительного, пока от бессилия не закружится голова? Сами условия рассказа (повествования), ограниченность человеческого разума, привычка отвергать бесполезное,— все это требует от нас прозорливого равновесия.

Определение состояния соответствия, синхронные наслоения в словарном потоке... способны создать такое равновесие. Но надолго ли?»²⁰

Подобные вопросы, пронизанные скептицизмом, нередко раздаются сегодня среди ученых-немарксистов. Буржуазная методология истории на них ответить не

---

¹⁹ Пападопулос Т. Метод социальных наук в исторических исследованиях. М., 1970, с. 8, 15.

²⁰ Дюпрон А. Язык и история. М., 1970, с. 16.

может, поскольку ее кризис охватывает не только идейные, но и теоретико-познавательные основания науки. В этих условиях трезво мыслящие ученые сознают, что методологический модернизм, охвативший значительную часть буржуазной исторической науки, не дает ожидаемого эффекта. Проф. А. Дюбюк (Канада) не без оснований говорил: «...в той степени, в которой историки сейчас охвачены стремлением все подвергнуть формализации и все познать, история, в результате последних достижений развития общественных наук, будет вовлечена в обратное движение маятника. История рискует впасть в новый позитивизм»²¹.

Ошибочно было бы думать, что ненаучные концепции исторического метода абсолютно лишены теоретического основания. Такой взгляд справедливо высмеял еще Гегель: «...даже обыкновенный заурядный историк, который может быть думает и утверждает, что он пассивно воспринимает и доверяет лишь данному, и тот не является пассивным в своем мышлении, а привносит свои категории и рассматривает при их посредстве данное»²².

Поэтому попытки современных буржуазных авторов принизить значение теоретических представлений для истории, о чем говорилось выше, даже в свете рассуждений Гегеля должны быть оценены, по меньшей мере, как методологическая неосведомленность, как незнание истории науки. А в свете современных достижений естественных и общественных наук, взаимопроникновения их методов эти попытки тем более не выдерживают исторической критики.

Как видно, по многим вопросам исторического познания в современной буржуазной литературе встречаются противоречащие, взаимоисключающие утверждения об историческом методе. Все эти утверждения, очевидно, не свидетельствуют о достижениях или же о богатстве мнений среди буржуазных ученых в интерпретации проблемы метода. Они свидетельствуют об отсутствии у них надежной теоретической основы для ее интерпретации.

Такой основой для научной методологии истории и является материалистическая диалектика. В. И. Ленин с полным основанием подчеркивал: «Диалектика *и есть* теория познания... марксизма»²³.

²¹ Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970, с. 5.

²² Гегель. Соч., т. VIII, с. 12.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

Как и его гениальные предшественники, В. И. Ленин к диалектике подходил с точки зрения последовательного материализма. «Материализм — единственно научный метод социологии»²⁴, — писал он, имея в виду открытые историческим материализмом законы общественного развития. Эти законы выступают не только как теория исторического процесса, но и как метод его изучения. Поэтому они составляют мировоззренческое содержание марксистского исторического метода.

В разработке исторического метода исследователи-марксисты в противовес буржуазным ученым исходят из признания диалектического единства эмпирического и теоретического в историческом анализе. Они исторический метод рассматривают в развитии, а не как застывший шаблон. Ни один метод не может претендовать на универсальность или же на возможность обеспечить своим результатом полное тождество с самой социальной действительностью, на законченное ее отражение. Приближение к последнему дает использование комплекса методов (в том числе методов и других наук) в единстве и во взаимосвязи. Теория отражения диалектического материализма для этого представляет реальные средства. «Мой диалектический метод, — подчеркивал К. Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», — по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»²⁵. Излишне говорить, что метод К. Маркса имеет первостепенное значение для всех отраслей познания, в том числе и для истории. «Метод Маркса, — писал В. И. Ленин, — состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»²⁶.

---

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 438.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 139—140.

Для углубления анализа проблемы будет уместным здесь отметить, что те же вопросы об историческом методе, которые ставились в работах названных выше буржуазных авторов, явились предметом исследования советских ученых М. А. Варшавчика, Е. М. Жукова, И. Д. Ковальченко, В. В. Косолапова, Л. М. Спирина, Т. И. Славко и др., а также историков-марксистов из социалистических стран. Здесь следует, в частности, назвать работы Н. К. Стефанова (Болгария), В. С. Добряннова (Болгария), Э. Энгельберга (ГДР), Л. Элекеш (Венгрия) и др.

В работах исследователей-марксистов последовательно научное решение получила проблема соотношения теории и метода в историческом познании. Теория вопроса является методом для изучения его истории, а такое изучение обогащает и теорию, и метод. С точки зрения специфики методологии, где на передний план выдвигается исследование совокупности понятий, относящихся более или менее к однородной предметной области и объединяющихся в одно целое на основе логических обобщений, — с этой точки зрения, рассмотрение учеными названной выше проблемы и связанных с ней других вопросов (например, разграничение различных видов теорий, составляющих содержание методологии) представляет значительный интерес для понимания содержания исторического метода. Прежде всего становится очевидным, как марксистско-ленинская диалектика обогащает специальные методы социального познания, как благодаря ей обеспечивается стройность исторического метода, как конкретное исследование приобретает доказательную силу и строгую научную направленность.

Таким образом, исторический метод в общем смысле слова включает в себя мировоззренческие, теоретические знания и конкретные приемы исследования социальных явлений. При этом необходимо уточнить вопрос: о каких же конкретных приемах идет речь? Здесь речь идет о тех приемах специального исторического анализа, о тех познавательных средствах, которые нацелены на раскрытие историчности самого объекта, а именно его генезиса, становления и противоречивого развития. Исторический метод, синтезируя эти приемы, служит задаче выяснения качественной определенности социальных явлений на различных этапах их развития. Воспроизведение, реконструкция объекта, описание, объясне-

ние, типизация явлений прошлого и настоящего — таковы познавательные функции исторического метода, благодаря которым он традиционно занимает значительное место в научном познании.

Специально-исторические методы. В практическом отношении исторический метод реализуется при помощи ряда специальных способов исследования явлений прошлого и настоящего. Сюда относятся историко-генетический, историко-реконструктивный, историко-сравнительный, историко-типологический способы научного анализа, в литературе которым отводится, как правило, статус самостоятельных научных методов. Не вдаваясь в соотношение методологии и методики, о чем пойдет речь в следующем разделе книги, подчеркнем, что каждый из специальных научных методов в свою очередь нуждается в теоретической основе и подходит к воспроизведению действительности с какой-то одной стороны: или с точки зрения установления генезиса явлений, их эволюции, или реконструкции целостного объекта, или же сравнения одного с другим, установления общей картины социального развития. Вот такова предметная направленность специальных методов исторического исследования. Ниже дается их краткая характеристика.

Сравнительно-исторический метод. Чтобы понять познавательные функции этого метода, его необходимо рассмотреть в историографическом плане (а это не только расширит фактическую основу рассмотрения вопроса, но и даст возможность уяснить некоторые общие моменты, связанные с комплексным применением методов в историческом познании). Следует прежде всего отметить, что этот метод по-разному интерпретировался и применялся представителями самых различных школ и направлений в исторической науке в зависимости от теоретико-методологических взглядов и конкретных научно-исследовательских принципов, которых придерживались исследователи.

В историографии нового времени сравнительный метод впервые широкое распространение получил у просветителей, которые в своем большинстве рассматривали историю как объективный процесс, стремились найти определяющие его законы, выделить типические черты исторического процесса. Этим в первую очередь и объясняется их настойчивое обращение к сравнительному методу. В просветительской историографии он должен был служить задаче построения всеобщей картины

истории, выявлению общих закономерностей общественного развития. Таков, например, смысл многочисленных сравнений, к которым прибегал Вольтер в «Очерке о нравах и духе народов и главных событиях истории». Он отмечал не только различия (например, в религии), но и общие социальные факторы для стран Запада и Востока, подчеркивал недопустимость пренебрежительного отношения к материальному и духовному развитию восточных народов. Академик Е. А. Косминский справедливо указывал, что этот труд «действительно первая, по-настоящему всемирная история. Вольтер здесь прерывает с тем, что можно назвать европоцентризмом, он дает не только историю Европы, но и историю азиатских народов, историю Китая, Индии, Персии, арабов»²⁷.

Требование сравнительного изучения истории народов высказывалось и другими представителями идеологии просвещения (Монтескье, Дидро), даже теми, которые вопросами исторического познания специально и не занимались (например, в этом отношении характерен труд К. А. Гельвеция «О человеке»).

В целом же в просветительской историографии сравнительный метод сыграл значительную роль, способствуя выработке той концепции всемирной истории, которая объективно противоположна европоцентристской точке зрения на историю человечества. В то же время сравнительный метод просветителями не был и не мог быть специально осмыслен с точки зрения познавательных функций исторической науки: этот метод ими преимущественно рассматривался как сопоставительный прием. Возможно, это объясняется не только общим состоянием историографии и уровнем исторического мышления того времени, которые обусловили конкретные формы сравнительного изучения истории, но и тем, что сравнительно-исторический метод хотя и требует синтетического осмысления истории, но по своему содержанию и познавательным функциям неотделим от последовательного конкретного анализа явлений. А такое комплексное решение проблемы выходило за рамки возможностей просветительской историографии и философии истории.

---

²⁷ Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963, с. 192.

В дальнейшем у деятелей буржуазной общественной науки понимание сравнительно-исторического метода стало более сложным и противоречивым. В буржуазной историографии XIX в., особенно в последние его десятилетия, апелляция (в положительном и критическом плане) к сравнительно-историческому методу стала характерным явлением. Развитие социально-экономической истории в известной степени не только подорвало традиционную ограниченность буржуазной науки в рамках политической, дипломатической, военной истории, но и с необходимостью потребовало соответствующего этой эволюции подхода к проблеме метода науки. В частности, такой подход должен был получить практическое воплощение, по мнению буржуазных ученых, в сравнительно-историческом методе. Многими историками, например Ковалевским, Виноградовым, Лучицким, а еще раньше Маурером и другими основоположниками марковой теории, этот метод рассматривался как важнейший способ исследования экономических процессов и отношений. Конечно, при этом нельзя упускать из виду то обстоятельство, что само толкование проблемы сравнительно-исторического метода у буржуазных мыслителей всегда основывалось и основывается на философском идеализме в разных его вариантах и поэтому ему присущи большие методологические изъяны.

В частности, познавательные функции этого метода буржуазные ученые в основном сводят к описанию сравниваемых явлений, к отысканию в них черт сходства и различия, т. е. по существу к эмпиризму и фактографии. Буржуазная историография, основывающаяся на идеалистических социально-философских теориях, хотя нередко и апеллировала к сравнительному изучению истории, не смогла, однако, выработать научных критериев использования этого метода. Они были выработаны лишь марксистской методологией. Сравнительно-исторический метод рассматривался основоположниками научного коммунизма как средство углубленного анализа общественных проблем, выявления объективной сущности каждого социального явления.

Вспомним данный Ф. Энгельсом анализ трех главных форм возникновения государства. Проследивая и сравнивая процесс разложения греческого, римского и германского родов, Ф. Энгельс не только выясняет общие экономические условия, подорвавшие родовую организацию общества, но и устанавливает особенности

этого процесса в каждом отдельном случае. «Афины, — писал он, — представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств»²⁸. Показательно, что здесь явления, о которых говорит Ф. Энгельс, характеризуют существенные отношения сравниваемых процессов, воспроизводя существенные черты самого хода истории (при этом можно заметить, что в этом случае эмпирическое неизбежно выступает и в теоретическом обобщенном виде).

Для В. И. Ленина, как и для К. Маркса и Ф. Энгельса, сравнительно-исторический метод представлял относительно самостоятельный способ исследования. Он не отождествлял этот метод с простыми аналогиями. Действительно, последние, будучи формами индуктивного мышления, в познании играют важную роль, поскольку они позволяют понять взаимосвязь явлений, их сходные черты и т. д. Сравнения и аналогия нередко способствуют возникновению новых идей, расширяют кругозор и поле деятельности исследователя. Но эти идеи, догадки каждый раз будут нуждаться в специальном научном подтверждении, т. е. момент достоверности в сравнениях (анalogии) и сравнительно-историческом методе будет неодинаковым. В. И. Ленин писал: «Пример — не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это — истины бесспорные и общеизвестные...»²⁹.

В то же время В. И. Ленин не раз указывал на важнейшие принципы сравнительно-исторического изучения явлений. «Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим

---

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 169.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 417.

фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития...»³⁰

Из этого следует, что сравниваемые явления брались не в случайных, а в существенных, наиболее характерных признаках. В ленинском положении акцентировано внимание также на необходимость строго последовательного, конкретного анализа сравниваемых явлений в процессе их развития.

Существенной чертой, обуславливающей широкую сферу применимости рассматриваемого метода в историческом познании, является и то, что он нацелен на исследование конкретных форм проявления закономерностей общественного развития. В историческом познании, как и в самой исторической реальности, общие закономерности выступают не в шаблонной, раз навсегда данной форме, а вполне определенном, конкретно-своеобразном проявлении, сочетающем в себе многообразие общего и единичного, необходимого и случайного, возможного и действительного. Исследуя это многообразие явлений, историк устанавливает их специфику в определенных рамках места и времени, выясняет конкретные этапы становления, развития процессов и явлений.

В плане логики научного исследования необходимо отметить два момента, характеризующие сравнительно-историческое изучение явлений. Во-первых, особо познавательная роль такого изучения обусловлена тем, что она предполагает рассмотрение явлений в развитии и раскрытии их многообразных сторон, свойств в процессе этого развития. В результате исследования ряда этапов, ступеней в явлениях становится возможным выяснить такое историческое развитие явлений, когда они в наибольшей степени развертывают свое содержание (например, буржуазные отношения на различных этапах и в различных странах). Во-вторых, сильная сторона сравнительно-исторического метода состоит в широте охвата исследуемых явлений. Ввиду того что в данном случае предполагается параллельное изучение по меньшей мере двух «рядов» явлений, процессов, исследователь имеет возможность проследить характер связи отдельных явлений на фоне других, аналогичных им. Следовательно, исключается истолкование явлений как изоли-

---

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

рованных, абсолютно единичных, «неповторимых сторон» действительности.

Сравнение изучаемых явлений в процессе развития обогащает познание вглубь (например, выявление закономерностей в явлениях, раскрытие их новых качественных сторон) и вширь (например, расширение фактической основы познания). Это значит, что сравнительно-исторический метод наряду с другими служит задаче количественного и качественного углубления знаний, решая ее со специфической особенностью, специфической нагрузкой.

Эта специфичность находит отражение в познавательных функциях рассматриваемого метода. К ним относятся: а) выделение в явлениях различного порядка признаков, их сравнение, сопоставление; б) выяснение исторической последовательности, генетической связи явлений, установление их родо-видовых связей и отношений в процессе развития, установление различий в явлениях; в) обобщение, построение типологии социальных процессов и явлений.

Для более полного уяснения сущности и функций рассматриваемого метода представляется целесообразным различить в его применении логический и структурно-типологический аспекты. Под логическим аспектом подразумевается выделение и последовательное сравнительное изучение сходных, но не тождественных сторон в явлениях. В данном случае не исключается, конечно, одновременное и последующее использование не только сравнения, но и других логических приемов (анализ, синтез, индукция, дедукция, гипотеза и др.).

Логический аспект лишь приблизительно охватывает один и не самый главный принцип сравнительно-исторического метода. Пользуясь сравнением как логическим приемом, можно выяснить определенные связи общественных явлений, в основном внешние. Однако этого явно недостаточно для познания их сущности. Для раскрытия общего и специфического содержания исследуемых явлений необходимо установить их структурно-типологические связи, затем на этой основе определить однотипность и разнородность сравниваемых явлений. В целом структурно-типологический аспект можно охарактеризовать как систематизацию, обобщение исследования, что связано не только с установлением научно-достоверных фактов, но и выявлением существенных тенденций и особенностей в сравниваемых объектах.

Конечно, указанные аспекты в сравнительно-историческом методе представляют единое целое, разграничение их есть лишь условный прием, позволяющий акцентировать практическую значимость собственно исторического аспекта в применении данного метода.

Исследователи-марксисты в сравнительно-историческом методе справедливо усматривают не функцию сравнения в познавательной деятельности вообще, а относительно самостоятельный систематически организованный способ исследования, при котором сравнения служат для достижения специфических целей познания. Эту сторону проблемы следует подчеркнуть особо, так как иногда в нашей литературе логические сравнения безоговорочно отождествляют со сравнительно-историческим методом.

Эта точка зрения не может считаться обоснованной, поскольку она оставляет в тени связь метода с историографической практикой, на которую указывалось выше. Сравнивая, сопоставляя различные варианты изучаемых типов, структур, нельзя упускать из виду и следующий момент: кажущиеся на первый взгляд малозаметные явления в сочетании с другими признаками и в процессе дальнейшей исследовательской работы могут принять более существенное, чем при первой оценке, значение.

В плане методики сравнительного изучения истории это обстоятельство приобретает особую важность. Оно способствует более полному раскрытию сущности сравниваемых явлений, их многогранной взаимосвязи, при этом последняя и сама будет представлена не в статичной форме, а в процессе развития. Благодаря такому подходу становится возможной не только обобщенная концентрированная характеристика каждого из сравниваемых явлений, но и рассмотрение последних в исторической связи с учетом общих и особенных черт, присущих им.

Все эти доводы и говорят в пользу высказанного ранее положения о том, что сравнительно-исторический метод шире и содержательнее, чем сравнения и аналогии. Последние выступают не как особый метод данной науки или группы наук. Они могут применяться в исторической науке, как и в других областях познания, и независимо от сравнительно-исторического метода (хотя, само собой разумеется, первые не могут быть механически противопоставлены последнему).

Историко-генетический метод. Обращение к нему необходимо для уяснения обусловленности каждого данного состояния общественных явлений их исторически предшествующим состоянием. Обращая особое внимание на необходимость установления генетических связей между историческими явлениями, В. И. Ленин писал: «...особенно необходимо, чтобы... был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития»³¹. Правильным представляется рассмотрение историко-генетического метода как многостороннего познавательного процесса в комплексе с другими методами и с присущим науке современным логическим аппаратом. Именно такой подход обеспечивает наибольшую эффективность в познании социальных процессов. В этом плане сошлемся на монографию А. И. Неусыхина, посвященную исследованию разложения общины и генезису класса зависимого крестьянства в Западной Европе в VI—VIII вв. Автор выдвигает в ней две задачи: во-первых, исследование процесса зарождения социального неравенства внутри общины и, во-вторых, исследование процесса превращения свободных общинников в формально зависимых крестьян. Вот как характеризует метод своего исследования А. И. Неусыхин: «Мы стремимся изучить интересующие нас вопросы в том конкретном историческом развитии, в котором они протекали у различных народов Западной Европы перед установлением феодального способа производства и в период его возникновения, при этом мы придаем очень большое значение выяснению всех исторических особенностей места и времени, налагающих особый отпечаток на ход аналогичных процессов у различных народов и приводивших к относительно своеобразному их течению у каждого из них...

Тем самым принятый нами метод изучения и изложения хода намеченных процессов у каждого народа отдельно позволяет не только проследить особенности их развития, но и установить — на конкретном примере эволюции различных племен и народов — разные стадии общего процесса перехода от первобытно-общинного строя к феодальному. Отсюда следует необходимость не только отдельного изучения особенностей возникновения зависимого крестьянства у каждого народа, но и

---

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

сравнения результатов этого исследования с целью выяснения конкретных различий между разными стадиями развития»³².

Метод А. И. Неусыхина тем и поучителен, что он дает возможность рассмотреть генетический подход в совокупности с другими приемами (например, сравнительное изучение фактов) исторического анализа. Специфическая роль такого подхода, конечно, связана с исследованием, а также установлением начальных стадий социальных явлений. Без этого немыслим историко-генетический метод.

Однако роль данного метода отмеченным не ограничена. Процитированные положения весьма интересны и с точки зрения общих требований к историко-генетическому анализу, показывающему закономерные тенденции исследуемого процесса (в данном случае процесса возникновения зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества) во всех его последующих стадиях (перед установлением феодального способа производства и в период его возникновения).

Стало быть, специфика генетического метода в истории определяется не конструированием идеальных образов объекта, как это возможно в ряде отраслей познания, например при генетически-гипотетическом подходе, а обобщением фактических исторических данных по направлению к воссозданию общей научной картины социального процесса. В этом отношении историко-генетический способ исследования позволяет понять не только последовательность событий во времени, но и общую динамику социального процесса. Здесь остановимся на характеристике ретроспективного метода — важного приема исторического анализа.

Ретроспективный метод. Отличительной чертой этого метода является направленность от настоящего к прошлому, от следствия к причине. В своем содержании ретроспективный метод выступает прежде всего как прием реконструкции, позволяющий синтезировать, корректировать знания об общем характере развития явлений. В положении К. Маркса «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» выражена суть ретроспективного познания социальной действительности. Она заключается в том, что, идя от настоящего к прошлому, исследо-

---

³² Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 4.

ватель имеет возможность рассмотреть различные стадии явлений; следовательно, глубже проникнуть в сущность изучаемых процессов, полнее раскрыть их содержание. «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»³³.

Это положение не означает, конечно, того, что развитое явление того времени выполняет роль эталона. Такое выделение служит лишь общим масштабом для детального изучения явлений прошлого. Поэтому при применении ретроспективного метода движение от зрелого предмета к предшествующему с необходимостью должно сочетаться с движением от менее зрелого к более зрелому. Иначе ретроспективный метод таит в себе опасность модернизации истории. Но когда речь идет о ретроспективном методе, то в это понятие вкладывается более конкретное значение: он рассматривается как способ получения выводных знаний о явлениях прошлого. При этом опосредствующим элементом может выступать либо опыт науки, либо познанный факт общественной практики. Эту мысль уместно подтвердить одним характерным ленинским материалом. Как уже было отмечено, в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин убедительно показал классовые антагонизмы в стране и дал глубокое обоснование положения о союзе рабочего класса и крестьянства. В предисловии ко второму изданию книги (июль, 1907) В. И. Ленин писал следующее: «Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции»³⁴.

---

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 731.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 13.

Однако опыт революции не только подтвердил ленинскую концепцию социально-экономической структуры пореформенной России, но и способствовал развитию, определенному уточнению этой концепции³⁵.

Сравнительно-историческое, генетическое и ретроспективное изучение социальных явлений — не самоцель. Пользуясь совокупностью приемов исторического анализа, ученый стремится к представлению закономерности развития исследуемого предмета, выяснению общего и особенного, особенного и индивидуального, необходимого и случайного в явлениях, установлению их типов.

Историко-типологический метод. Его познавательная специфика отражена в методологической и исторической литературе. «Типология (иногда ее называют типизацией) чаще применяется к динамическим системам, — пишет А. И. Ракитов. — Поскольку в подобных системах могут появляться новые компоненты и элементы, устанавливаться новые связи, возникать новые преобразования, ибо варьирование в наборах признаков, образующих основание типологии, определяется не только исследовательскими целями, но и объективными изменениями в самих системах. Таким образом, типология оказывается особым, притом весьма важным, видом классификации, учитывающим специфику развивающихся систем. Другим характерным признаком типологии является ее преимущественное ориентирование на внутреннее соотношение признаков классифицируемых объектов»³⁶.

В этих рассуждениях историка привлекает мысль об основании типологии, ее объективной обусловленности. Научная методология не рассматривает типологию как гносеологическую схему, которая бы освободила историка от анализа конкретной ситуации, определенных социальных тенденций, закономерностей. Напротив, типология плодотворна тогда, когда она отражает объективную диалектику исторического процесса. Именно эту мысль неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Рассматривая эволюцию типов и форм государства, он выдвинул критерий основного факта, выражающего закономерность самой эволюции: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ...ибо каждый из этих крупных периодов

---

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14—15.

³⁶ Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982, с. 95—96.

человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.»³⁷.

Ленинская идея «разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии» социальных явлений служит мощным аргументом против превращения типологии в абстрактный схематизм. Против антиисторического схематизма В. И. Ленин выступал последовательно. В работе «Революция типа 1789 или типа 1848 года?» он со всей определенностью указывал, что исторические параллели с революциями XVIII и XIX вв. не означают их отождествления с первой российской революцией: «...суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года? (говорим: *типа*, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социально-политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов)»³⁸.

На основе историографического опыта представляется возможным сформулировать следующие положения, касающиеся познавательных функций данного метода.

1. Историко-типологический метод, равно как и любой другой метод исторического исследования, должен базироваться на правильном теоретическом, мировоззренческом осмыслении объекта исследования, т. е. на диалектико-материалистическом понимании общественной жизни, которое позволяет наиболее адекватно отображать реальный социальный процесс. Это значит, что научную разработку проблемы типологии надо теснее связать не только со спецификой исторического познания, но и с исследованием методологии общественного познания в целом.

---

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 71—72.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 380.

2. Можно утверждать, что применение историко-типологического метода приносит наибольший научный эффект при исследовании однородных явлений и процессов, хотя сфера распространения метода ими не ограничивается.

3. В исследовании как однородных, так и разнородных типов одинаково важно, чтобы изучаемые объекты были соизмеримы по основному для данной типизации факту, по наиболее характерным признакам, лежащим в основе исторической типологии.

Таким образом, основным критерием выделения специальных приемов исторического исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-ретроспективный, историко-типологический) является специфика предмета исторического познания, требующего конкретного анализа событий и фактов, раскрытия сложности и противоречивости каждого феномена и социального процесса в целом.

Необходимо иметь в виду то, что помимо вышеизложенного толкования специальных методов, существует и другая их классификация, отражающая функции методов с точки зрения специфики исторического времени. В этом смысле выделяются в литературе синхронный, диахронный, проблемно-хронологический (хронологически-проблемный) методы, методы периодизации, актуализации и другие приемы, имеющие различное терминологическое обозначение³⁹. Очевидно, такая классификация имеет определенное основание и значение для обогащения методологического арсенала исторической науки.

Таким образом, функции исторического метода получают подтверждение в правильном комплексном применении теоретических положений диалектического и исторического материализма, всего учения марксизма-ленинизма в целом в историографической практике. Проблемы методологии истории во многом решаются на конкретном материале на основе теоретической интерпретации последнего. Это важно подчеркнуть, ибо представление метода как нейтрального к предмету познания обедняет процесс познания, лишает ценности, объективной научной значимости те или иные выводы исследования. Без этого в строгом смысле слова не может

---

³⁹ См.: *Спирин Л. М.* Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982, с. 76—92.

быть исторического метода. «...Не голые выводы, а, наоборот, *изучение* — вот что нам больше всего нужно»⁴⁰, — писал Ф. Энгельс. Перечисленные приемы в литературе рассматриваются как специальные, частные методы истории, они своим генезисом и утверждением обязаны истории. Разумеется, этот факт не является препятствием для применения их в других науках.

Историческому методу, специальным методам исторического исследования генетически и функционально присуща описательность. Описательность относится не только к единичному, особенному, но и к общему. Она выступает необходимым доказательным элементом исторического анализа, имманентной формой выражения исторического развития объекта. Эту форму нельзя недооценивать. Описание позволяет предметно фиксировать ступени исторического развития, выразить состояние объекта в синхронных и диахронных аспектах. Описание, как и обобщение, входит в структуру единого процесса познания истории. Грань между ними весьма подвижна, поскольку описание невозможно без мыслительных обобщений, базирующихся на фактах.

Следует подчеркнуть, что приемы исторического исследования модифицируются по мере углубления в общеметодологические проблемы, относящиеся к целостной характеристике изучаемого объекта, по мере накопления и систематизации фактического материала, совершенствования критики источников, по мере усиления взаимодействия методов различных наук, в том числе гуманитарных, естественных, технических. Например, на современные представления об историческом методе определенное влияние оказывают структурные, системные воззрения на объект (иногда даже пишут о «структурном историческом методе», правильнее было бы о структурном подходе или просто о «структурном методе»). И в этом ничего парадоксального, выходящего за рамки логики исторического исследования, нет. Выше, при освещении частных методов, было указано на значение структурного, системного подходов для исторического метода в материалистическом учении общественной жизни. Эти способы рассматриваются в тесном единстве с историко-генетическим, историко-ретроспективным анализом, с исследовательской методологией, определяемой принципом историзма. В этом отношении Примеча-

---

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 585.

тельна, например, книга, выпущенная учеными Академии общественных наук при ЦК КПСС, «Единство партии и народа в условиях развитого социализма» (М., 1981). В ней, отмечает Н. Н. Маслов, «авторы рассматривают проблему с системных позиций, выявляя и анализируя те общественные структуры, которые участвуют в формировании единства партии и народа. К ним они прежде всего относят саму партию, затем советскую систему народовластия, затем систему социальных и, наконец, национальных институтов и отношений. Именно этот подход позволил всесторонне раскрыть тему книги, показать, что единство партии и народа в условиях развитого социализма есть, с одной стороны, результат исторического процесса социально-политической перестройки советского общества, а с другой — следствие постоянной целенаправленной деятельности партийных организаций, а также советского аппарата, трудовых коллективов, идеологических учреждений и т. д., выступающих под руководством КПСС, но выполняющих в обществе самостоятельные, только им присущие функции и задачи»⁴¹.

Таким образом, в марксистско-ленинской методологии вопрос отнюдь не сводится к признанию или отрицанию системного, структурного методов в познании социальной действительности, как это дело хотят представить наши идейные противники. Речь идет о другом: о выяснении их реальной познавательной роли. Ни структурный, ни системный подход не могут претендовать на общеметодологическую, общемировоззренческую роль. Напротив, история науки свидетельствует о том, что их эффективность всегда зависела от тех или иных мировоззренческих концепций. Справедливо замечание В. Г. Афанасьева о том, что «системный подход, взятый вне исторического аспекта, становится простой фотографией объекта в его статике, структурной и функциональной постоянности». Нельзя не согласиться с другим положением автора: «Что касается объективного бытия систем, как таковых, то в них структура и история неразрывно связаны: нет системы, лишенной структуры, или лишенной истории»⁴². Стало быть, диалектико-материалистический историзм объективно является системным историзмом. Поэтому познание системно-структурных свойств

---

⁴¹ Маслов Н. Н. Указ. соч., с. 119.

⁴² Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 187, 184.

исторического процесса является важной задачей научного исследования. «Без внутренней, содержательной структурной конкретности внешняя конкретность описания превращается в поверхностный эмпиризм, ибо только на основе внутренней конкретности можно достоверно определить и описать исторические факты по степени их важности и по причинно-следственному порядку. Как бы ни был многочислен эмпирический материал, как бы мастерски ни был он изложен и как бы строго ни соблюдалась хронология, изложение не будет научной историей, если отсутствует внутренняя структура исторического процесса»⁴³.

Суммируя все изложенное, можно сказать, что в исторической науке метод отражает качественную специфику ее предмета и реализуется через совокупность вышеназванных приемов, иначе говоря, специально-исторических методов изучения социальной действительности, показывающих ее развитие и опирающихся в марксистско-ленинской науке на материалистическую диалектику. Это с одной стороны. С другой стороны, как подчеркивал Ф. Энгельс, материалистическая диалектика в познании явлений истории и природы эффективно применяется лишь с учетом конкретных методов отдельных наук, специфики «каждой данной области исследования»⁴⁴. Это положение имеет принципиальное значение для уяснения условий применения междисциплинарных методов в исторической науке.

О применении междисциплинарных методов в исторических исследованиях. В условиях современной интеграции наук все большее распространение в исторических исследованиях получают методы смежных отраслей познания, которые условно называются междисциплинарными. Их диапазон достаточно широк: от конкретно-социологического анкетирования — до ЭВМ, других технических способов обработки исторической информации.

Особо важную научную проблему составляет методология применения математических количественных методов в исторических исследованиях⁴⁵. Здесь выделяют

---

⁴³ Добрянов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1969, с. 131—132.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.; т. 21, с. 302.

⁴⁵ Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов.— Вопросы истории, 1978, № 8; Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в

ся вопросы, связанные с соотношением количественного и качественного аспектов анализа социальных явлений, а также с типом моделирования, критериями выборки, ее репрезентативности, и многие другие. Историографический опыт неопровержимо свидетельствует о значительной роли количественных методов в науке. Подтверждением тому являются обобщающие исследования по истории отдельных периодов истории СССР, отдельных регионов страны, всеобщей истории, основанные на анализе массовых источников⁴⁶. В методологическом отношении выделяется доклад группы советских ученых (руководитель И. Д. Ковальченко) на XIII Международном конгрессе исторических наук на тему «Количественные и машинные методы обработки исторической информации». Исходным пунктом авторы выдвинули требование содержательной интерпретации данных количественных методов: «Основной задачей исследований,— писали они,— является раскрытие внутреннего механизма и всестороннее объяснение сущности изучаемых явлений и процессов. Объем привлекаемых историками конкретно-исторических данных непрерывно возрастает. Все это наряду с традиционными требует применения более совершенных, в том числе количественных и машинных методов обработки и анализа конкретно-исторических данных»⁴⁷.

Аналогично вопрос поставлен в одной из обобщающих работ К. В. Хвостовой, посвященных применению количественных методов в истории: «В социально-экономической истории, разумеется при наличии достаточного объема информации, количественный анализ (не обязательно статистический) является не только обязательным, но во многом определяет содержание исследовательской работы на ее эмпирической стадии (непосред-

---

современной исторической науке.— История СССР, 1976, № 5; Хвостова К. В. Роль количественных методов в историческом познании.— Вопросы истории, 1983, № 4; Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

⁴⁶ См., например: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории Советского общества. М., 1979. См. также: Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А. История древнего мира и «новые методики».— Вопросы истории, 1982, № 8.

⁴⁷ Деоник Д. В., Добров Г. М., Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д., Палли Х. Э., Устинов В. А. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1970, с. 1.

ственной обработки содержащихся в источниках сведений).

Итак, говоря о роли количественных методов в системе исторического познания, мы имеем в виду прежде всего их преимущественное использование в целях изучения общих тенденций и закономерностей — общесоциологических, конкретно-исторических и региональных (имеющих, как правило, статистическое проявление, т. е. функционирующих как тенденции). Количественные методы, таким образом, не являются и не могут быть универсальным методом исторических исследований, и это обстоятельство вытекает из особенностей предмета исторического познания»⁴⁸.

В связи с рассмотрением соотношения «традиционных» и количественных методов следует остановиться и на вопросе о моделировании в исторической науке. В общегносеологическом плане моделирование представляет собой опосредствующий способ познания, при котором для получения нового знания используются ранее изученные объекты (модели), сходные в определенных отношениях с объектом исследования. Уже из этого видно определенное значение моделирования в исторических исследованиях. Но его нельзя преувеличивать. Особенно недопустимы попытки восполнить пробелы в источниках путем математического моделирования, на что справедливо указывал И. Д. Ковальченко.

Правомерно использовать модели как эвристическое средство для расширения понятийного аппарата науки. Для такого подхода примечательно следующее положение В. И. Ленина: «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, — писал он, — исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель»⁴⁹.

Использование В. И. Лениным в приведенном положении термина «модель» для обозначения самой объективной действительности параллельно понятию «контуры картины» (действительности) не случайно. Из этого вытекает, что модель как эвристическое средство должна

⁴⁸ Хвостова К. В. Роль количественных методов в историческом познании. — Вопросы истории, 1983, № 4, с. 63.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 138.

быть использована для анализа объективного содержания явлений, для такого анализа, который способен дать объективную истину. В данном случае применение моделей вне зависимости от объекта исследования исключается или же такое применение не может дать оптимальных научных результатов. Для историка-марксиста проблема применения моделирования в исследовании поэтому не сводится лишь к формализации исторического знания. Он исходит из важности создания целостной картины изучаемого объекта. Каждый исторический феномен есть проявление многообразия действительности. Поэтому модель не может быть применена без многостороннего учета содержания явления. Очевидно, задача выяснения специфики, существенных различий явлений также выходит за рамки познавательных возможностей моделирования. Из истории исторической науки известно, что психологические, биологические, «культурно-исторические» модели объяснения общественного процесса оказались бесплодными или же в лучшем случае имели ограниченный научный эффект потому, что они не смогли дать знаний о качественных различиях явлений, они строились на сходстве какого-либо одного или группы признаков. Отказ от содержательной интерпретации моделей, рассмотрение их лишь как один из способов формализации исторического познания таят в себе опасность субъективизма, произвольного толкования событий прошлого и настоящего. Поэтому более оправданным считается рассмотрение моделирования с точки зрения исторической ретроспекции, как средство ее выражения в познании⁵⁰.

К методам и способам научного анализа, получающим все большее признание среди историков, относятся также данные конкретных социальных исследований и социальной психологии. Те и другие имеют значение для изучения прежде всего субъективной стороны социального развития, для оценки общественного мнения. Важно поэтому материалы анкетирования, психологических тестов рассматривать в общем комплексе источников, относящихся к исследуемому предмету. В этом вопросе свою позицию рельефно выразил Ф. Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии». Обращаясь к рабочим, он писал: «Я достаточно долго жил среди вас,

---

⁵⁰ См.: *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования, с. 106—107.

чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал»⁵¹.

Общезвестно, какое большое значение придавал В. И. Ленин изучению социальной психологии рабочих и всех трудящихся в процессе выработки политических решений. «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»⁵², — подчеркивал он. В ленинских произведениях содержатся меткие социально-психологические характеристики поведения различных классов, социальных групп, отдельных деятелей на конкретных этапах истории.

Вот некоторые из них, относящиеся к периоду первой буржуазной революции в России. 1905 год. Начало января. В ленинском анализе революционной ситуации психологические оценки относятся к определению зрелости субъективного фактора: «Примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата»⁵³. 1905 год. Конец января. События 9 января подтвердили ленинское предвидение. «Революционное воспитание пролетариата, — отмечал В. И. Ленин, — за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»⁵⁴.

1906 г. Март. В. И. Ленин продолжал изучение этапов происходящей революции. «Мы знаем, — писал он, — что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит

---

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 235.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр., т. 45, с. 112.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 176—177.

⁵⁴ Там же, с. 201—202.

внешнее спокойствие...»⁵⁵ Указание на познавательное значение социальной психологии содержится также в ленинской статье «Революционные дни», которая с самого начала рассматривалась им как своеобразный дневник революции. «В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия,— подчеркивал В. И. Ленин.— Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презируемая поверхностными наблюдателями»⁵⁶.

Из этих положений видно, как пронизанные историзмом ленинские оценки трудно фиксируемых психологических состояний людей («живучесть наивной веры», «инстинкт», «внешнее спокойствие» и др.) способствуют познанию политической линии борющегося класса. В тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркнуто, что основатель нашей партии внимательно изучал социальную психологию рабочих и крестьян, всех слоев общества, учитывая все это при выработке политических решений.

Обращение к социальной психологии вполне естественно для историка-марксиста. Иначе и не может быть, ибо изучение деятельности человека как совокупности всех общественных отношений является обязательным требованием марксистско-ленинской общественной науки. Научная методология выступает лишь против сведения истории к психологизму, а не вовсе против социальной психологии. Не отвергает она там, где это применимо, и естественно-научные методы, поскольку объект истории, по выражению К. Маркса, «общество есть законченное сущностное единство человека с природой»⁵⁷.

Таковы некоторые аспекты проблемы исторического метода, соотношения специально-исторических и междисциплинарных методов.

Литература

Вопросы методологии истории исторической науки /Отв. ред. Кукушкин Ю. С. М., 1977.

Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов.— Вопросы истории, 1978, № 8.

Маслов Н. Н. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 118.

6. СООТНОШЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Зависимость конкретной методики исторического исследования от методологии. Творческая лаборатория историка. Характерной чертой марксистско-ленинской методологии является ее органическая связь с практикой научного творчества. Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали ту мысль, что методология существует не для обоснования самой себя, а для решения конкретных задач науки. По мысли Ф. Энгельса, марксистская методология должна «применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории»¹. Иной подход Ф. Энгельс считал противоречащим марксизму, диалектико-материалистическому методу: «...материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»². Поэтому основоположники научного коммунизма не считали возможным противопоставлять методологию логике и методике исследования. Констатация тесной взаимосвязи между ними нередко служила для К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина основой критики субъективизма в познании.

Соотношение методологии и методики в исследовательской практике может быть изучено в различных аспектах (с точки зрения уяснения методологической роли теории для выработки исторических концепций, взаимозависимости методологии, методики и техники исследования и др.). Однако с точки зрения творческой лаборатории историка наибольший интерес представляет конкретная методика марксистско-ленинского исследования социального процесса.

С учетом того, что теоретическое содержание методологии истории нами рассмотрено в предыдущем изложении, перейдем к общей схеме, характеризующей соотношение методологии и методики в процессе научного исследования (именно к схеме, ибо практически любое подлинное научное исследование — процесс творческий, где невозможно ограничиться общими рецептами и схемами). В этом смысле обычно выделяется 4 этапа работы специалиста в области истории: 1) выбор темы,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 268—269.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351.

2) анализ источников, литературы, 3) разработка (создание) концепции изучаемого вопроса; 4) обобщение результатов исследования.

Условно следуя этой схеме, остановимся на некоторых практических моментах исторического исследования.

1. Выбор темы и работа над библиографией.

При выборе темы важно учесть объективную значимость темы, ее общественную, научную актуальность. Вместе с тем нельзя недооценивать субъективного фактора: теоретической и профессиональной подготовки ученого, его интереса к теме, без которого работа над ней едва ли принесет ему удовлетворение и вдохновение. Это положение верно для любого творческого созидательного труда, в том числе научного. Для общего понимания той или иной научной проблемы важное значение имеет знакомство с литературой. Составление библиографии и общий ее обзор составляют предварительный этап научного исследования.

2. Анализ источников и литературы. Определение проблемы исследования.

Второй этап — это специальное изучение источников и литературы по проблеме. Он включает в себя анализ трудов предшественников, истории изучения данного вопроса в прошлом, его эвристических аспектов в настоящем. При этом работа ученого должна быть творческой, не компилятивной. Сама по себе предварительная работа над литературой, источниками внешне не исключает компиляции. Но любая компиляция должна оставаться в творческой лаборатории ученого как подготовительный материал. Мысли других авторов можно использовать только с указанием на литературу.

В процессе изучения литературы, библиографической работы исследователь уточняет свою проблему. При этом проблема — это не есть всякий пробел в познании. Проблема — это не просто незнание, она должна отражать определенное знание. Изучая литературу по избранной теме, исследователь выясняет, какие стороны данной темы освещены в достаточной степени, а какие вовсе не отражены в литературе, и на это необходимо указать при обосновании проблемы, при постановке или изложении вопроса.

Эмпирическим фундаментом всего исследования является исторический анализ источника. Научный подход к источникам, основанный на сопоставлении содержания источников и фактов действительности, является

важнейшим методологическим требованием исторического анализа.

При этом следует отметить, что прогресс исторического познания не сводится только к нахождению и включению новых групп исторических источников, ранее неизвестных исследователю, в научный оборот. Прогресс исторической науки не в меньшей мере заключается и в том, что новое поколение исследователей приобретает с помощью ранее известных источников такие данные, которые прежде были недоступны историкам. Исходя из современного состояния теоретических, исторических знаний, можно раскрывать новые пласты в этих источниках.

Исследователь обнаруживает новые стороны в историческом источнике, устанавливает ранее неизвестные исторические связи и достигает тем самым более правильного, адекватного отражения содержания исторического источника. При этом следует учесть, что для обоснования исторических концепций нередко существенную роль играют вспомогательные дисциплины. Так, с помощью палеографии историк имеет возможность изучать памятники древней письменности. Привлекая данные сфрагистики, изучающей печати, можно получить доказательства, подтверждающие или опровергающие те или иные взгляды на роль государственных учреждений прошлого в отдельных странах. Ценность таких источников в том, что они в отличие от источников повествовательных лаконичны и исследование их возможно с помощью таких же методов, какие применяются в современном естествознании. В этих целях широко используются, например, методы химического, физического анализа предметов материальной культуры. Тем самым удастся добыть данные о подлинности, времени, месте создания того или иного документа или памятника. Историографическое значение имеют данные всех вспомогательных дисциплин — антропологии, топонимики, геральдики, нумизматики и других, с помощью которых удастся воссоздать более достоверную картину прошлого.

Подобно тому как познание истории в целом, познание ее отдельных частей никогда нельзя считать законченным, нельзя говорить, что тот или иной источник уже не может быть предметом повторного, дополнительного изучения.

Исторический источник выступает как документ, отражающий общественные явления, общественное разви-

тие на том или ином этапе социального процесса. В нем историк черпает факты. При этом факт надо понимать в двояком смысле: во-первых, в онтологическом смысле как факт действительности, и, во-вторых, как его отражение в источниках или в литературе. Следует согласиться с мнением о том, что «в факте как исходной ячейке знания заключены связи и отношения между расположенными в хронологическом порядке событиями прошлого. В нем, кроме того, отражается общее и закономерное через единичное. Поэтому исторический факт нельзя свести к простому описанию; он формируется в результате теоретического осмысления тех связей и зависимостей, которые лежат в основе объективного исторического процесса»³.

Важнейшей задачей исторического анализа является выяснение классового характера, политической направленности источника и достоверности факта, содержащегося в нем. В. И. Ленин требовал привлечения всей совокупности фактов, относящихся к изучаемому вопросу. Он подчеркивал: «Марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей».

Марксист должен в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные факты.

...Именно в «методологии» (о коей Вы пишете) надо различать возможное от действительного»⁴

Таким образом, исследование отнюдь не сводится к регистрации фактов; задача заключается в раскрытии их сущности. Этот очень ответственный исследовательский этап условно можно определить как разработку концепции изучаемого вопроса. «Чтобы понять,— писал В. И. Ленин,— нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему»⁵.

3. Создание концепции исследования.

В процессе изучения источников и литературы ученый раскрывает объективную сущность процесса, явлений. В этой связи необходимо особо подчеркнуть требование единства концепции и метода в историческом исследовании. Марксистская теория исходит из учения о глубокой внутренней закономерности исторических явлений и процессов, образующих развитие и смену общественно-экономических формаций. Факт получает дейст-

³ Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981, с. 195.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319, 320.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 187.

вительное научное значение тогда, когда он оценивается с позиций исторической закономерности, когда выявляется его место в процессе развития и в самой научной концепции. А это требует оптимального сочетания методов. В качестве подтверждения сказанного сошлемся на ленинское исследование пореформенных отношений в стране, содержащееся в «Развитии капитализма в России». Обратим внимание на характерные черты ленинской концепции пореформенного развития России. Прежде всего следует подчеркнуть глубокий историзм данной В. И. Лениным оценки капиталистической эволюции, ее противоречивых связей с тенденциями и фактами предыдущего, дореформенного, социального развития. Что касается ленинской методики исследования, то она неотделима от методологии: последняя сочетает в себе глубокое теоретическое исследование поставленных в произведении вопросов с кропотливым, всесторонним анализом исторических данных.

В «Развитии капитализма в России», основываясь на анализе источников, В. И. Ленин не только вскрыл, но и показал наличие многочисленных пережитков крепостничества в пореформенной деревне, выявил разнообразие форм эксплуатации крестьянства помещиками и развивающейся буржуазией. Из этого объективно напрашивались выводы о потенциальных возможностях крестьянства в освободительной борьбе. Наличие, с одной стороны, остатков крепостничества (отработки, запрещение выхода из общины, непомерно высокое обложение крестьянских земель, круговая порука и др.), с другой — развитие буржуазных отношений объективно обусловили переплетение двоякого рода антагонизмов в деревне: 1) между всем крестьянством и помещиками, 2) между сельской буржуазией и полупролетарскими, пролетарскими элементами в крестьянстве. Для обоснования своих выводов В. И. Ленин широко оперировал статистическим материалом. Статистический метод применялся им не только при анализе классовой дифференциации среди крестьянства, но и при исследовании многих других социально-экономических вопросов. Важно отметить и то, что В. И. Ленин выдвинул ряд положений об источниковедческой методике. Имея в виду широкоизвестные в конце прошлого века сборники «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», он указывал на неправильные приемы сводки в них статистических материалов. В этих

сборниках группировка данных земской статистики зачастую осуществлялась по частным вопросам деревенской жизни; при этом содержащиеся в них сведения не отражали одинаковых хозяйственных условий⁶.

В. И. Ленин резко критикует подобные ненаучные приемы: «...описывать отдельно известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон,— совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства»⁷. Эти положения В. И. Ленина показывают, насколько важен для историографической практики критический анализ источников, целью которого является более полное раскрытие содержания исследуемых данных. В этом смысле в ленинской методике представляется возможным выделить внешнюю и внутреннюю критику источника. Внешняя критика, например, статистических источников в ленинском исследовании имеет целью определение времени и обстоятельств происхождения источника, его внешних атрибутов. Внутренняя критика (выяснение той или иной степени предметной адекватности источника, его полноты и др.) предполагает анализ содержания источника. Основная цель ее состоит в определении значения источника для объективной оценки исследуемого явления.

Из ленинских положений виден важнейший критерий научного понимания вопроса о соотношении между методологией и методикой в исследовательской практике. Необходимо учесть, что в немарксистской методологической литературе начала XX в. этот вопрос при изучении и в самом подходе к историческому источнику получал субъективистское решение. Ввиду того, что каждый источник в известной степени фрагментарен и отражает позицию субъекта (субъективен по происхождению), некоторые историки поставили под сомнение объективную значимость источника или же непомерно ее принижали. А. Лаппо-Данилевский, например, источник

---

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 4.

⁷ Там же.

рассматривал «как реализованный продукт человеческой психики», чему соответствовали его взгляды о психологическом методе интерпретации источника, сущность которого заключалась в установлении «соответствия между психическим значением данного образа у его творца и у историка»⁸. Позитивистская концепция источника, сформулированная К. Ланглуа и К. Сеньобосом⁹, имевшая некоторое распространение в русской историографии эпохи империализма, также не раскрывала роли методологии в ее отношении к методике, поскольку ей была присуща недооценка мировоззренческого, теоретического аспекта в историческом исследовании.

В отмеченном плане весьма поучительно отношение В. И. Ленина к фактическому материалу, отраженному в источниках. Он отнюдь не считал, что фактический материал нейтрален к концепции и мировоззрению ученого. Напротив, В. И. Ленин неоднократно отмечал факты искаженной интерпретации статистических данных буржуазными учеными в зависимости от их классовой позиции и теоретико-методологических воззрений.

В ленинской методологии статистический анализ тесно связан с сравнительно-историческим изучением явлений пореформенной действительности. В. И. Ленин упрекал своих оппонентов в том, что они «всегда сличали русские порядки с какою-нибудь «английской формой»... капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране»¹⁰.

С точки зрения соотношения методологии и методики особо поучительно изучение В. И. Лениным развития капитализма в промышленности. Он обстоятельно рассмотрел три главные стадии развития капитализма в промышленности пореформенной России: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия — главы V, VI, VII «Развития капитализма в России») — в их последовательной связи. В. И. Ленин при этом на первое место выдвинул изучение самого процесса развития промышленности в России: «Переходим теперь от земледелия к промышленности,— писал В. И. Ленин.— Наша задача

⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Спб., 1910, с. 374; 420, 154.

⁹ См.: Ланглуа К., Сеньобос К. Введение в изучение истории. Спб., 1899, с. 131—132.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 513—520.

и здесь формулируется так же, как относительно земледелия: мы должны проанализировать формы промышленности в пореформенной России, т. е. изучить данный строй общественно-экономических отношений в обрабатывающей промышленности и характер эволюции этого строя»¹¹. Несомненно, такой анализ в свою очередь явился предпосылкой сравнительного изучения различных форм капиталистической промышленности. Оно осуществлено В. И. Лениным в двояком аспекте: в диахронном и синхронном.

Первый аспект нацелен на изучение сравниваемых явлений в их определенной генетической и хронологической последовательности. Рассматривая домашнюю промышленность, рост мелких промыслов после реформы, капиталистическую простую кооперацию, образование мануфактуры и ее основные черты, В. И. Ленин показал историческую связь между этими формами промышленности, предшествовавшими крупной машинной индустрии. Задача «состояла в том,— писал В. И. Ленин,— чтобы показать, в чем именно состоит эта связь и какие именно особые черты техники, экономики и культуры представляет та форма промышленности, которая стоит в России между мелкой промышленностью и крупной машинной индустрией»¹².

Второй синхронный аспект в ленинском труде связан с изучением явлений, находящихся на качественно одинаковой ступени развития. Примером этого является исследование вопроса о сравнительной скорости развития фабрично-заводской промышленности в городских и сельских центрах. В. И. Ленин с этой целью выделил три главных типа фабричных центров в России: 1) города; 2) фабричные села, которых особенно много в Московской, Владимирской и Костромской губерниях; 3) «кустарные» села¹³.

В. И. Ленин не ограничился констатацией этих типов. Подходя к явлениям ретроспективно, он изучил как общие черты процесса развития фабричной индустрии, так и особенные, например, определение интенсивности процесса в том или ином центре, установление различной исторической значимости тех или иных условий для темпов развития капиталистических отношений и др. «Сравнение городских и сельских центров показывает, что

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

¹² Там же, с. 452.

¹³ См. там же, с. 519—520.

последние охватывали в 1890 г. *около трети* всего числа рабочих в важнейших центрах (152 тыс. из 451). Для всей России это отношение должно быть выше, т. е. более трети фабрично-заводских рабочих должно находиться вне городов,— подчеркивал В. И. Ленин.— ...Этот вывод имеет важное значение, ибо он показывает, что *индустриальное* население в России значительно превышает своими размерами *городское* население»¹⁴.

Рассмотрев в отдельности различные формы капиталистической промышленности, В. И. Ленин с точки зрения выяснения объективного содержания общественных отношений дает общую характеристику процесса развития капитализма в нашей стране: «Мелкое товарное производство и мануфактура характеризуются преобладанием мелких заведений, из которых выделяются лишь немногие крупные. Крупная машинная индустрия окончательно вытесняет мелкие заведения. Капиталистические отношения образуются и в мелких промыслах (в виде мастерских с наемными рабочими и торгового капитала), но они развиты здесь еще слабо и не фиксируются в резкие противоположности между группами участвующих в производстве лиц. Ни крупных капиталов, ни широких слоев пролетариата здесь еще нет. В мануфактуре мы видим образование и того и другого... Но обилие мелких заведений, сохранение связи с землей, сохранение традиции в производстве и во всем строе жизни, все это создает массу посредствующих элементов между крайностями мануфактуры и задерживает развитие этих крайностей. В крупной машинной индустрии все эти задержки отпадают; крайности общественных противоположностей достигают высшего развития»¹⁵.

В. И. Ленин, таким образом, показал историческую картину развития противоречий между техническим прогрессом при капитализме, с одной стороны, и социальным положением самих производителей — с другой. В. И. Ленин подчеркивал, что «данные о русских фабричных рабочих вполне подтверждают теорию «Капитала», что именно крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых

---

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 521—523.

¹⁵ Там же, с. 544—545.

традиций патриархальной жизни. Но, разрушая патриархальные и мелкобуржуазные отношения, крупная машинная индустрия создает, с другой стороны, условия, сближающие наемных работников в земледелии и в промышленности: во-первых, она переносит вообще в деревню тот торгово-промышленный уклад жизни, который выработался сначала в неземледельческих центрах; во-вторых, она создает подвижность населения и крупные рынки найма как сельских, так и промысловых рабочих; в-третьих, вводя машины в земледелие, крупная машинная индустрия приводит в деревню искусных промышленных работников, отличающихся наиболее высоким жизненным уровнем»¹⁶.

Марксистским анализом В. И. Ленин выяснил общие закономерности и особенности развития капитализма в пореформенный период. Он раскрыл сочетание капиталистических методов эксплуатации трудящихся с крепостническими и полукрепостническими формами, что имело важнейшее значение для понимания природы социальных антагонизмов в стране, для обоснования лозунга союза рабочего класса с крестьянством в предстоящей буржуазно-демократической революции. Вместе с тем ленинская концепция пореформенной истории страны явилась основой марксистской интерпретации характера грядущей революции, ее движущих сил, роли в ней различных классов.

Из ранее изложенного видно также, что исторический частнонаучный метод В. И. Лениным рассматривался как один из способов раскрытия сущности явлений, их многогранной взаимосвязи. Пользуясь этим методом, В. И. Ленин не только дал обобщенную, концентрированную характеристику каждого из изучаемых явлений (например, форм капиталистической промышленности), но и показал их историческое место в социальном процессе. Это является еще одним наглядным подтверждением единства концепции и метода в марксистско-ленинском историческом исследовании.

4. Обобщение результатов исследования и историческое объяснение.

Создание исторической концепции в методологическом отношении предполагает синтез источниковедческого, историографического и конкретно-исторического аспектов научного анализа в единое целое. Здесь на пер-

---

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 541.

вое место выдвигается вопрос об историческом объяснении. Результатом исторического исследования должно быть научно достоверное, объективное объяснение фактов, событий, процессов.

Необходимо отметить, что в современной буржуазной методологии особый интерес проявляется к анализу структуры исторического объяснения (К. Поппер и др.). Для этих («новейших») методологических поисков характерны попытки анализировать структуру исторического знания безотносительно к решению вопроса о существовании законов в самой объективной действительности. Суждения о характере законов истории в действительности, как правило, при этом объявляются «метафизическими», лишенными научного смысла. Вопрос ставится прежде всего о выборе способа анализа исторического знания. Такой подход, очевидно, может быть в целом охарактеризован как позитивистский. Иллюзия о безотносительности законов науки к объективной действительности в позитивистской методологии уже давно стала аксиомой. Еще в начале века это отмечал один из ее представителей. Закон, писал К. Пирсон, «в научном смысле слова есть по существу продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта»¹⁷.

Конечно, познание законов осуществляют люди, и в этом смысле вряд ли для кого подлежит сомнению роль «творческой мощи интеллекта». Однако последнее не должно служить препятствием для признания объективного характера законов истории. К тому же, если ставить вопрос в гносеологической плоскости, познание законов общественной жизни всегда имеет определенные объективные, конкретно-исторические предпосылки. Оно обуславливается как социальными предпосылками, так и уровнем самого научного прогресса.

Разумеется, понятие закона как терминологическое обозначение в буржуазной литературе существует. В ней нередко идут дискуссии о том, какая форма исторического объяснения предпочтительнее: то ли объяснение через закон (К. Поппер и К. Гемпель), то ли причинное объяснение, то ли функциональное, то ли аксиологическое («ценностное») объяснение и т. п. Обсуждается во-

---

¹⁷ Пирсон К. Грамматика науки. Спб., 1913, с. 111.

прос о том, какая форма объяснения наиболее подходит для интерпретации явлений современности¹⁸.

Конечно, постановка проблемы исторического объяснения и его форм является оправданной. Однако, как показывает опыт буржуазных ученых, попытки решить ее безотносительно к материализму не могут привести к общему положительному результату.

Исследователи-марксисты при разработке вопросов исторического познания исходят из диалектико-материалистической теории отражения. При этом надежным фундаментом исторического объяснения является материалистическое понимание общественной жизни. «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»¹⁹, — писал В. И. Ленин.

В трудах К. Маркса даны блестящие образцы исторического объяснения социальных явлений. Для него проблема исторического объяснения не являлась специальной проблемой, независимой от методологии. Напротив, каждое исследование К. Маркса является образцом диалектического единства теории, метода и логики научного объяснения. Во введении к работе «Гражданская война во Франции» Ф. Энгельс писал, что в ней К. Маркс, основываясь на материалистическом понимании общест-

---

¹⁸ В данной книге не представляется возможным дать подробный анализ историко-методологических взглядов современных буржуазных авторов с указанием на конкретные их труды. В этом отношении считаем уместным отослать читателя к опубликованным работам автора. См.: Проблема соотношения истории и современности в буржуазной литературе. — Вопросы истории, 1971, № 11, с. 184—190; Марксистско-ленинский историзм и исследование современности. — Коммунист, 1976, с. 75—81; В. И. Ленин о взаимосвязи историзма и объективности в научном исследовании. — Вопросы истории КПСС, 1981, № 7, с. 43—50, 54—55 и др.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

венной жизни, продемонстрировал умение «верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»²⁰.

С точки зрения содержания исторического объяснения следует подчеркнуть, что в указанной работе К. Маркс глубоко проанализировал социально-экономические, политические предпосылки франко-прусской войны: «Бонапартистский режим, который до тех пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме войны?»²¹ В то время когда сущность Парижской Коммуны для буржуазных и мелкобуржуазных авторов оставалась глубокой тайной, когда они приписывали ей попытки воскрешения средневековых коммун, ликвидации всякой централизованной власти и т. п., К. Маркс, основываясь на классовом анализе исторических явлений, показал ее объективное содержание: «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»²².

Заметим, что здесь у К. Маркса нет прямой ссылки на категорию закона. Но К. Маркс говорит об одном из общих условий экономического освобождения труда. В этом смысле можно считать, что здесь объяснение тоже предполагает категорию закона. В историческом объяснении ссылка на закон формально может иногда отсутствовать²³, поскольку она выступает в неразрывном единстве с фактическим материалом. Это, по существу, один из моментов несоответствия процесса исследования и процесса изложения, которые могут иметь место в научной работе²⁴.

В действительности у К. Маркса закон является и средством исторического объяснения и квинтэссенцией

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 189.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 3—4.

²² Там же, с. 346.

²³ См.: Орлов В. Н. Проблема объяснения в исторической науке. — Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970. с. 126—131.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 238.

исторической теории. В. И. Ленин подчеркивал, что в «Капитале» содержится «история капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее»²⁵. Объяснение К. Марксом капиталистической общественно-экономической формации с самого начала предполагало всестороннее исследование производственных отношений буржуазного общества в историческом развитии. Об этом свидетельствует план его работы, относящийся к 1857 г.

К. Маркс писал: «Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения... 2) Категории, которые составляют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними... 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства... «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы»²⁶.

Вместе с тем в «Капитале», как известно, историческое органически сочеталось с теоретическим, абстрактное с конкретным. Следует подчеркнуть то, что в «Капитале» соотношение абстрактного и конкретного воплощает и теорию, и историю изучаемых вопросов.

Еще Гегель отмечал, что восхождение от абстрактного к конкретному означает развитие познания. «Познание,— писал он,— катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей и что последующие определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как течение от некоторого другого к некоторому другому. В абсолютном методе понятие сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности;

---

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 734—735.

на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»²⁷

Но гегелевское понимание соотношения абстрактного и конкретного оставалось в основном в рамках логических рассуждений. Напротив, метод К. Маркса предполагает знание и теории предмета, и реконструкции его истории. Это во многом достигается благодаря такому способу, как восхождение от абстрактного к конкретному, другой стороной которого является переход от конкретного к абстрактному²⁸. Касаясь позднее одного из вопросов, разработанных в «Капитале», вопроса стоимости, К. Маркс писал: «История теории, конечно, доказывает, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития...»²⁹.

Мысленные конструкции, лишенные действительной, исторической основы, отмечал К. Маркс, могут привести к вульгаризации научной теории. Он это убедительно показал на факте разложения рикардианской школы, на примере несостоятельности теоретических положений учеников Д. Рикардо: «У учителя [у Рикардо] новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений. Сами, противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве того жизненного фундамента, из которого, выкручиваясь, вырастает теория. Иначе обстоит дело у ученика [у Милля]. Тем сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а та новая теоретическая форма, в которую ее, путем сублимации, превратил учитель. Отчасти *теоретические возражения противников новой теории*, отчасти *парадок-*

²⁷ Гегель. Сочинения, т. VI, с. 315.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383 (примечание); т. 12, с. 727.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 461.

сальное нередко отношение этой теории к реальности побуждают его к попытке *опровергнуть* первых и *отделаться* путем чисто словесного «объяснения» от последнего. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет вместе с тем начинающееся *разложение той теории*, которую он догматически защищает»³⁰.

С точки зрения выяснения роли исторического и логического, абстрактного и конкретного в научном исследовании большой интерес представляет и ленинское определение классов. В данном случае следует выделить некоторые моменты, которые позволяют глубже уяснить содержание этого определения.

Еще в работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин отмечал важнейшее значение марксистского учения о классовой борьбе для научного объяснения общественных вопросов. Далее, в «Развитии капитализма в России», в аграрных трудах он дал всестороннее исследование классовой структуры дореформенной и пореформенной России. Это имело первостепенное значение для научного обоснования революционной практики. Анализ классовой структуры страны, динамики этой структуры (в связи с исследованием опыта всемирной истории) В. И. Ленин всегда считал первостепенной задачей марксистской науки и ее решению посвятил многие свои произведения. Опираясь на результаты этого анализа и исходя из основополагающих идей К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин в работе «Великий почин» сформулировал классическое определение понятия: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»³¹.

Это определение по своему содержанию и форме является прежде всего теоретическим знанием с преобладанием абстрактного. Однако данное определение до-

---

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 82.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

статочно исторично и обладает конкретностью. В этом отношении сошлемся еще на одно ленинское положение из книги «Государство и революция». «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии... Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии»³².

Конкретное здесь рассматривается как условие раскрытия теоретического знания.

Теоретическое и историческое, таким образом, в научной марксистской работе взаимосвязаны. Верно и то, что не всегда исследователи видят связь между историческим и теоретическим. В таком случае становится понятным мнение о том, что удел историков — это заниматься описанием, анализом индивидуального и специфического. Подобный анализ, безусловно, весьма важен для историографической деятельности, но он еще далеко не исчерпывает всех познавательных задач, стоящих перед историком. Историк, изучая индивидуальное и общее в социальном процессе, делает теоретические обобщения, вытекающие из совокупности конкретного материала и отражающие в той или иной степени общественные закономерности.

Вследствие этого марксистской науке органически присущи объективность, исторический оптимизм, ей чужд субъективизм. Признание этого положения, однако, само по себе не гарантирует еще ученого от подобной ошибки. Это, в частности, объясняется тем, что методология и методика исследования не только едины, но и обладают определенной самостоятельностью точно так же, как теоретическое и эмпирическое в познании. Важно поэтому, чтобы марксистско-ленинское понимание методологии рассматривалось ученым как критерий для определения объективной истинности исследования вопросов истории.

С точки зрения признания относительной самостоятельности методики исследования нетрудно понять, по-

---

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 34.

чему вопреки коренным требованиям марксистско-ленинской методологии иногда в нашей литературе появляются конъюнктурные сочинения. Констатация этой стороны дела ни в коей мере не является апологией конъюнктурщины. Речь идет о познании причин этого явления и его преодолении. Марксистское исследование несовместимо с конъюнктурщиной, отысканием доводов для заранее готовых выводов, как в этом хотели бы нас упрекнуть идейные противники. Нелишне им напомнить, что основоположники научного коммунизма, отстаивая принцип партийности в общественно-историческом познании, всегда выступали против подобных приемов. «...Человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю «*низким*»³³,— писал К. Маркс. С другой стороны, каждое ошибочное утверждение, возможное в исторической науке, как и в любой, особенно при изучении явлений недалекого прошлого или настоящего, нельзя оценивать как конъюнктурщину. Последняя в гносеологическом плане всегда связана с субъективизмом, а в методологическом — с предвзятой аргументацией, неправильным пониманием актуальности исторических исследований, в концептуальном — с антиисторизмом, искажением действительного соотношения истории и политики. Если всего этого нет, то не следует ошибки в исторической науке рассматривать как конъюнктурные; они могут быть и другого происхождения (например, ошибки, связанные с неполнотой источников, с неправильной расшифровкой текста источников и т. д.), а некоторые из них могут выступать как моменты противоречивого взаимодействия эмпирического и теоретического в познании.

Важно подчеркнуть и то, что эмпирическое и теоретическое в научном объяснении играют относительно самостоятельную роль. Это видно из анализа К. Марксом воззрений А. Смита на явления буржуазной экономической системы. К. Маркс отмечал, что А. Смит постоянно смешивает теоретическое рассмотрение фактов с крайне эмпирическим их описанием: «Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физио-

---

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 125.

логию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу,— оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат»³⁴.

Следовательно, эмпирическое и теоретическое в познании представляют собой различные уровни отражения реальных связей и отношений. Но они не могут быть механически противопоставляемы друг другу. В гносеологическом плане единство эмпирического и теоретического означает движение мысли от простого к сложному, от единичного, особенного к всеобщему, от конкретного к абстрактному и наоборот. В этой связи следует подчеркнуть, что историки-марксисты признают огромную роль научной теории в познании. Теория выступает как результат и как метод познания. Экстраполяция теории, истинность которой проверена практикой, на новый эмпирический материал не есть механический процесс. С одной стороны, она связана с развитием самой теории, с другой — способствует более глубокому познанию действительности, следовательно, и ее объяснению.

Историческое объяснение для марксизма ни в коей мере не сводится к логике исторического исследования. Практически при интерпретации проблемы исторического объяснения и деятели буржуазной науки, несмотря на изложенные выше их теоретические построения, вынуждены выходить за рамки формально-логического подхода. Это находит отражение в их отношении к аксиологическому («ценностному») подходу в истории. Среди сторонников и неокантианской, и неопозитивистской методологии теперь интерес к этому вопросу заметно возрос.

Однако вопрос о «ценностном» подходе в истории с самого начала не являлся лишь вопросом логики научного исследования; он скорее всего приобретал (и приобретает) методологическое, гносеологическое звучание. В свое время теоретик неокантианской методологии Г. Риккерт пытался обосновать положение о том, что «не законы, но всегда лишь ценности должны применяться в качестве руководящего принципа трактования

---

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 177.

какого-нибудь однократного ряда стадий развития, так как лишь по отношению к ним индивидуальное может становиться существенным»³⁵. Позднее с теми или иными оговорками, дополнениями это положение было воспринято и неопозитивистами. Причем неопозитивисты аксиологию стремились рассматривать прежде всего в плане дедуктивных умозаключений. В современной буржуазной историографии «ценностный» (аксиологический) подход часто используется для обоснования субъективистских взглядов на исторический факт. Значение, выбор подлежащих анализу фактов согласно неокантианскому аксиологическому подходу осуществляется путем отнесения их к ценностям, которые для историка имеют априорный характер, поскольку они вырабатываются не в рамках исторической науки, а в других областях познания.

Сам по себе ценностный подход не противоречит материалистическому пониманию истории³⁶. Ценностный подход правомерен в той мере, в какой он связан с исследованием соотношения идеалов и действительности, объективного и субъективного в общественном процессе.

Обязательным критерием объяснения социальной жизни, корректирующим ценностный подход, является историзм. В данном случае понятие «историзм» употребляется не только как выражение методологического принципа, но и как атрибут самой научной концепции. В этом отношении поучительно письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 16 декабря 1869 г. Характеризуя свою работу по истории Ирландии, Ф. Энгельс отмечал: «Я сразу же пишу о каждом периоде, как только более или менее заканчиваю его изучение. При этом в голове более четко устанавливается общая связь, получаешь наглядное представление о предмете в целом, кроме того, есть и возможность внести изменения. Вот по этой причине я и придерживаюсь, в общем, так строго исторических периодов в последовательности изучения источников»³⁷.

Как видно, здесь речь идет не только о роли историзма при изучении событий прошлого, но и о его важности при обобщении полученных результатов.

Нами рассмотрены главные этапы исследовательской

---

³⁵ Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Спб., 1904, с. 508.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137, 159, 195.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 341.

работы историка: от выбора темы — до научного обобщения итогов исследования. Конечно, в реальном исследовании эти этапы переплетаются, находятся во взаимосвязи, дополняют друг друга. Выделение их оправдано в том отношении, что оно показывает системность, структурное единство всех этапов, всего процесса исторического исследования, опирающегося на марксистско-ленинскую теорию. Такое исследование предполагает использование комплекса методов как специально-исторических, так и заимствованных из других отраслей познания.

Итак, марксистский исторический метод позволяет воспроизвести реальную картину общественной жизни как в прошлом, так и в настоящем. В этом отношении не выдерживает критики выдвигаемая в буржуазной историографии теория «исторической дистанции», согласно которой научному историческому описанию поддаются лишь события далекого прошлого. Разумеется, значение дистанции времени в познании весьма существенно. Она позволяет более глубоко осмыслить те или иные последствия событий, их влияние на мировой исторический процесс. Но в целом, как показывает историографическая практика, эффективность познания в конечном счете зависит от совершенства методологии, а также методического уровня исследования. Это и диктует необходимость постоянного совершенствования методов исследования истории и современности.

Литература

Количественные методы в исторических исследованиях /Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1984.

Спирин Л. М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982.

7. СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Современность и историческое познание. В силу ретроспективности исторического познания современность во многом выступает как его исходный пункт. Реальная социальная практика, характеризующая современность, форму общественного движения, отмечал В. И. Ленин, не только «подводит итоги прошлому», но и обуславливает «новые методы исследования»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.

Термин «современность» имеет несколько значений: 1) часто современность понимается как общественная практика в настоящем («текущая история»); 2) современность выступает как явление, синхронное изучаемому исследователем факту; 3) в понятие «современность» могут быть объединены и явления, обусловившие те или иные стороны современной общественной практики, хотя хронологически эти явления и отдалены от нее. Такое разграничение понятий важно для осмысления явлений как настоящего, так и прошлого, включая завершенные процессы. Учет соотношения понятий «прошлое» и «настоящее» в указанном смысле в известной степени предостережет исследователя от односторонности реконструкции и оценки явлений хронологически отдаленных эпох, позволит более полно представить действительное соотношение различных общественных тенденций в прошлом.

В этой связи необходимо уточнить их содержание. В марксистской литературе уже отмечалась целесообразность толкования этих понятий как «историческое прошлое» и «историческое настоящее». Эта мысль, в частности, была подчеркнута японским ученым-марксистом Янагидой Кэндзюро, автором известной книги «Философия истории». Касаясь соотношения прошлого и настоящего, он писал: «...настоящее время — это такое время, которое ретроспективно рассматривает прошлое и является созерцательно познаваемым настоящим. Но подобное умозрительное настоящее не есть подлинно конкретное и живое историческое настоящее, а представляет скорее абстрактную односторонность. Живое историческое настоящее время должно быть творящим историю практическим настоящим, которое исторически формируется в определенной исторической среде и в то же время само формирует историю»².

Ход мыслей автора представляется обоснованным. Дело не только в том, что исторический субъект — человечество, всегда имеет дело с настоящим временем, тесно связанным с прошлым. Нельзя забывать и того, что категория «времени» так же, как и категория «пространства», имеет фундаментальное значение для всех наук, не только для исторических. Поэтому с точки зрения выделения специфики последних будет правильным

---

² Кэндзюро Янагида. Философия истории / Перев. с япон. М., 1969, с. 19.

говорить об «историческом прошлом», об «историческом настоящем». При этом «прошлое» и «настоящее», видимо, необходимо рассматривать как в отношении к атрибуту реальности существования, так и в плане раскрытия их взаимосвязи предшествования и последовательности. Такой подход позволяет в определенном аспекте интерпретировать, что «настоящее» — это существующий этап общественного процесса, а «прошлое» — этап, предшествовавший настоящему. Такая интерпретация, разумеется, еще не раскрывает диалектики взаимосвязи прошлого и настоящего.

В диалектико-материалистическом понимании современность («настоящее») выступает как составная часть истории. В. И. Ленин указывал: «...то, что происходит все с большей и большей быстротой перед нашими глазами, есть тоже история»³.

С другой стороны, с точки зрения марксистской теории исторического прогресса, признающей поступательное развитие общества и усложнение социальной жизни, будет правильным утверждать, что история не тождественна с современностью, точно так же, как последняя не сводится к первой. Прежде всего объективное содержание социальных явлений в каждую историческую эпоху (и в рамках отдельных периодов эпохи, этапов процесса) будет отличаться в количественном и качественном отношении. Следует учесть и гносеологический аспект: в историческом знании, следовательно, и в самой истории есть такие моменты, которые не имеют в настоящем непосредственного практического значения, но которые могут приобрести актуальность в будущем. Современность также не всегда реализует те возможности, которые открывает ей история.

Подчеркивая положение о диалектическом единстве истории и современности, необходимо указать на две стороны проблемы. Во-первых, современность есть не что иное как развивающаяся историческая действительность. Этим и обуславливается неполнота и ограниченность отражения современных явлений и процессов в науке. Вместе с тем изучение исторического прошлого с высоты современности делает знание о прошлом более концентрированным, полным в том смысле, что оно включает в себя знания и об отдаленных последствиях событий. Во-вторых, знание истории прошлого в свою

---

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 632.

очередь способствует и более глубокому пониманию тенденций современного общественного развития.

Из сказанного вытекает и следующее: познание современности совпадает и одновременно не совпадает с познанием истории. Совпадает постольку, поскольку познание современности есть вполне определенное звено в объективном знании о социальной действительности в целом. Однако познание современности включает в себя и новый объем знаний, отражающих новые, отсутствующие ранее специфические стороны современных социальных явлений (само собой разумеется, и знание о ранее известных сторонах также изменится в соответствии с современным уровнем научного познания). В этом смысле познание современности с познанием истории, конечно, не совпадает, что и свидетельствует о диалектическом характере единства истории и современности.

Необходимо иметь в виду также особую сложность отражения явлений современности в науке. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин... Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал»⁴.

Это положение объясняет дополнительные трудности, стоящие перед ученым на пути объективно-научного познания современности и применения исторического метода в процессе исследования.

Непонимание специфики научного освещения явлений настоящего, неумение рассматривать теоретические положения в единстве с эмпирическим материалом могут привести ученого к ошибочным выводам, иногда к модернизации прошлого, а иногда, напротив, к архаизации настоящего. Однако подобные нарушения требования научной объективности в принципе противоречат марксистско-ленинскому историзму.

В марксистско-ленинской науке самой общественной практикой и историографическим опытом доказана принципиальная познаваемость явлений современной действительности, текущего момента. Трудность этого познания преодолевается не только развитием самой действительности, позволяющим глубже осветить ее

---

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 529—530.

предыдущие стадии, но во многом и научным уровнем обобщения исторического опыта.

Исторический опыт в марксистско-ленинском понимании — это синтез объективно-научных знаний о явлении (процессе, событии и т. д.), взятом в диалектическом движении и в связи с конкретными условиями его становления. Ф. Энгельс, говоря о великолепном умении К. Маркса анализировать явления современности, резюмировал, что такое умение основывалось на двух предпосылках: во-первых, на знании им истории прошлого («События поэтому никогда не заставляли его врасплох»), во-вторых, на правильном теоретическом осмыслении действительности⁵. Труды основоположников научного коммунизма содержат блестящие образцы анализа соотношения исторического опыта и познания современности.

Классический анализ современности, т. е. социально-политической реальности своего времени, содержит, например, труд К. Маркса «Классовая борьба во Франции» и др. По оценке Ф. Энгельса, К. Маркс в нем поставил задачу «...на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, следовательно, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических»⁶.

И эта задача была блестяще решена К. Марксом. Вместе с тем его концепция поучительна с точки зрения уяснения характера исследования современности, «текущего момента». Обратимся к Ф. Энгельсу. «Во время революции 1848—1849 гг. следить за совершавшимися в то же время экономическими изменениями или даже сохранять их в поле зрения было просто невозможно. Также невозможно было это и в первые месяцы изгнания в Лондоне, осенью и зимой 1849—1850 годов. Но именно в это время Маркс и начал свою работу. И несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, благодаря своему точному знанию как экономического положения Франции накануне февральской революции, так и политической истории этой страны после февральской революции Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с непревзойденным до сих пор совершенством; и изложение это бле-

---

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 529.

⁶ Там же.

стяще выдержало двукратное испытание, произведенное впоследствии самим Марксом»⁷.

Испытания, о которых говорится в тексте, были связаны с последующим детальным изучением К. Марксом экономической истории Европы того времени и государственного переворота Луи Бонапарта. Они подтвердили правильность исторической концепции К. Маркса в целом. Вместе с тем анализ реальной действительности позволил уточнить сделанный первоначально К. Марксом теоретический вывод относительно нового ожидаемого этапа европейской революции. Этот вывод был основан на фактах, свидетельствующих: 1) о победе контрреволюции, которая наиболее вероятно должна была привести к ответной реакции трудящихся в виде восходящего этапа революции; 2) о том, что в ходе революции начали отчетливо проявляться силы пролетариата; 3) о том, что крупной контрреволюционной буржуазии противостояли все другие общественные классы, крестьяне и мелкие буржуа, сгруппировавшиеся вокруг пролетариата. Ф. Энгельс отмечал: «...разве при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?»⁸

На деле этого не произошло: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства»⁹. Как подчеркивал Ф. Энгельс, новая историческая ситуация обусловила изменение взглядов К. Маркса на возможности и перспективы революции. В 1850 г. он конкретизировал свой вывод: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего». Этот вывод затем полностью был подтвержден историей.

Из изложенного видно, в какой степени исследователь современности должен быть внимательным к динамике реальных условий, изменению соотношений классовых сил, субъективного и объективного в социальном процессе.

---

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 530.

⁸ Там же, с. 535.

⁹ Там же.

Изучение современной социальной действительности в ее связи с предыдущим развитием, строгий учет соотношения общественных тенденций — важнейшие требования научной методологии познания исторического процесса. В. И. Ленин призывал большевиков «усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»¹⁰.

Органическое соединение анализа истории и познания современности имеет огромное научно-теоретическое и практически-политическое значение. Такое соединение сыграло важнейшую роль в том, что В. И. Ленин обогатил принципиально новыми положениями все составные части марксизма.

Существо научной методологии, которую применял В. И. Ленин, ярко проявилось при изучении им проблем новой стадии капитализма. При их исследовании он исходил из того, что современность есть не только результат исторического развития, но и новое по отношению к нему. Поэтому ленинский анализ не ограничивался характеристикой предыстории монополистического капитализма. Он предусматривал и установление качественной определенности явлений, процессов в настоящем, их самостоятельное историческое изучение, выяснение действительного места империализма в мировом общественном процессе, его экономической сущности, природы, противоречий, закономерностей.

К созданию научной теории империализма В. И. Ленин был подготовлен всей предшествующей деятельностью. Как исследователь современности он не ограничился тем блестящим анализом буржуазных отношений, который содержался в работе «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин продолжил внимательное изучение явлений и процессов, характеризующих эволюцию капитализма на рубеже двух веков. Ряд новых черт, присущих монополистической стадии капитализма был вскрыт в ленинских произведениях, относящихся к концу XIX — началу XX в. Результаты многолетних экономических исследований В. И. Ленина нашли отражение в книге «Империализм, как высшая стадия капитализ-

---

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.

ма», в других работах, в которых были развиты идеи «Капитала» К. Маркса, его исторических трудов.

В. И. Ленин доказал, что монополистическая стадия капитализма есть его последняя стадия, канун социалистической революции. Всесторонний ленинский анализ нового этапа мировой истории позволил определить огромные возможности революционного движения в эпоху империализма.

Социальная практика подтверждает справедливость ленинских оценок империализма. Ему присущи непримиримое противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, острые социальные конфликты, постоянный рост безработицы и инфляции, политический и духовный гнет, милитаризация экономики, безудержная гонка вооружений. Все это говорит о том, что капитализм — общество, лишенное будущего. В условиях обострения общего кризиса капитализма активизируется борьба против всевластия империалистических монополий, за демократию и социализм.

Следует также подчеркнуть, что ленинское учение об империализме находится в непосредственной связи с развитием марксистской теории социалистической революции, анализом перспектив последней. Открыв закон неравномерности экономического и политического развития капитализма на его империалистической стадии, В. И. Ленин сделал вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране. Этот вывод был новым словом марксистской науки, коренным образом изменившим представление об условиях победы нового строя, давшим российскому и международному пролетариату четкую установку в классовой борьбе. Он нашел полное подтверждение в общественно-исторической практике.

Ленинское исследование империализма характерно во многих отношениях. Оно показывает, что в процессе всестороннего конкретного анализа явлений действительности происходит обогащение методологических, теоретических положений. Они становятся не только орудием познания сущности новых этапов истории современности, ее закономерностей и тенденций, но и мощным оружием революционного действия.

Разрабатывая проблему соотношения исторического опыта и общественной практики в научной методологии

познания, В. И. Ленин учитывал значение этих реально-стей для определения правильности теоретических положений, политических решений. В соответствии с марксистской традицией он практический опыт истории, действительный ход общественного развития всегда рассматривал как критерий познания социальных явлений, как важнейшую предпосылку объективной оценки социальных задач. «Не может быть догматизма там,— писал В. И. Ленин,— где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом...»¹¹, выражающее единство теории и практики в познании.

В своей теоретической и практической деятельности В. И. Ленин неуклонно следовал этому подходу. В данном отношении характерно исследование им вопроса о государственных формах решения национального вопроса в нашей стране. Известно, что в своем историческом развитии ленинские взгляды по этому вопросу прошли три этапа. На первом из них (до 1917 г.) В. И. Ленин исходил из перспективы создания унитарного демократически-централизованного государства с обеспечением различных форм национально-территориальной автономии и самоуправления. В период от Февраля к Октябрю он приходит к выводу о допустимости и целесообразности федерализации России. Послеоктябрьский период — это период полного и окончательного утверждения ленинского плана федеративного государственного устройства и его практической реализации.

Следует подчеркнуть, что на каждом из этих этапов ленинские взгляды полностью соответствовали конкретно-историческим условиям, интересам классовой борьбы пролетариата и всех трудящихся, интересам их единства. Так, требование федерализации страны на этапе буржуазно-демократической революции могло стать серьезным препятствием в революционном сплочении трудящихся различных национальностей, усилить влияние буржуазно-националистической идеологии. В. И. Ленин учитывал также исторический опыт, который показывал, что непременным атрибутом всех существовавших до сих пор форм федерации была децентрализация, противоречившая объективному ходу общественного развития.

---

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 309.

Октябрьская революция перевела политические лозунги и требования национальной программы партии в плоскость повседневной организаторской работы. С позиций историзма, классового подхода В. И. Ленин усиливает разработку концепции многонационального социалистического государства. Он исходил из того, что установление власти рабочего класса, общественной собственности на средства производства заложило объективные основы для перестройки межнациональных отношений на принципиально новых началах, в этих условиях федерация способна сыграть качественно иную роль. В этом убеждал и опыт РСФСР, которая была учреждена как федерация советских республик народов России.

На основе советской социалистической федерации В. И. Лениным был разработан план объединения равноправных республик, создания единого союзного государства в форме их добровольного союза. Это было величайшее научное открытие.

Ленинская теория социалистического многонационального государства выдержала испытание временем, она творчески используется и обогащается КПСС в современных условиях. Основные черты федеративного устройства СССР полностью себя оправдали. Характерно, что в Основном Законе страны эти черты не только закреплены, но и развиты. Конституция СССР 1977 года служит дальнейшему упрочению союзных начал многонационального государства, органически соединяет социалистический федерализм с демократическим централизмом.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что познание прошлого — не самоцель, его творческое применение не только необходимо, но и приобретает особую значимость при исследовании быстро изменяющегося хода общественной жизни для решения конкретных задач современности, социальной практики. Правильная оценка данных истории, их использование, по ленинской мысли, необходимое условие научно обоснованной политической деятельности.

История освободительного движения, практика революционной борьбы в России на рубеже XIX—XX веков выдвинули на одно из первых мест задачу разработки стратегии и тактики революционной партии пролетариата. К решению этой задачи В. И. Ленин шел, используя исторический опыт освободительного движения, выводы

теоретического и исторического анализа общественных проблем. Для обоснования программы пролетарского движения вместе с тем он считал крайне важным выяснить сам реальный процесс развития страны, все своеобразие ее общественно-политических отношений. Оно давало ясный и убедительный ответ на вопрос о том, какой класс способен свергнуть буржуазно-помещичий строй, кто является реальным союзником пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях. Было убедительно доказано, что наряду с главным двигателем революции — рабочим классом — важнейшую роль в революционном движении предстоит сыграть крестьянству. Не менее важное значение имело и обоснование конкретных политических лозунгов. Так, из ленинского анализа пореформенных аграрных отношений вытекало положение о необходимости организации борьбы как против сельского буржуа, так и против помещиков, соединения пролетарской борьбы с общекрестьянской, общедемократической.

Во всей многогранной деятельности В. И. Ленина, гениально развившего марксистскую теорию в новых исторических условиях, органически сливались черты выдающегося политика и ученого. Показательно, что рассматривая вопросы о соотношении сознательного и стихийного моментов в рабочем движении, о партии как политическом вожде пролетариата и трудящихся масс, он сделал глубокие обобщения по истории международного и русского рабочего движения, российской социал-демократии. В то же время в целях политической оценки состояния и перспектив рабочего движения В. И. Ленин проанализировал опыт классовых боев пролетариата против буржуазии, обосновал их с точки зрения тактики и стратегии коммунистического движения.

Принцип единства теории и практики получил глубокое воплощение в последних письмах и статьях В. И. Ленина. В них на основе осмысления опыта истории, ее общих закономерностей, анализа новой исторической обстановки, возникшей после победы Великого Октября, дальнейшую разработку получили фундаментальные теоретические проблемы, даны ответы на многие жизненно важные вопросы деятельности партии и Советского государства, становления нового общества. В. И. Ленин глубоко проанализировал международное положение молодой республики, выяснил общие перспективы мирового освободительного движения, определил программу,

пути и методы социалистического преобразования страны. Всестороннее историческое обоснование получил вывод о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, были развиты учение по национальному и национально-колониальному вопросу, положения об идейных и организационных основах партии нового типа. Конкретными установками вооружало партию ленинское учение о строительстве социализма. Во главу угла в нем ставился вопрос об укреплении социалистического государства и его основы — союза рабочего класса и крестьянства, о превращении страны в высококоразвитую индустриальную державу, кооперировании села, осуществлении культурной революции, продвижении страны вперед во всех областях общественной жизни, повышении материального благосостояния и духовного уровня трудящихся. В ленинском подходе к решению теоретических и практических вопросов всегда одно из важнейших мест занимал учет исторического опыта.

Этот факт имеет большое методологическое значение. Известно, что к историческому социальному опыту пытаются апеллировать и прогрессивные, и реакционные силы. Возможность для этого создается тем, что исторический опыт сложен, противоречив и не является результатом деятельности какого-то одного класса. Этим и определяется напряженная борьба вокруг вопроса об опыте, которая происходит между носителями различных классовых идеологий и политических взглядов.

Современные буржуазные теоретики часто социальный опыт рассматривают субъективистски, как возможную интерпретацию прошлого. Конечно, это не исключает всецело возможностей позитивного применения данных истории буржуазными авторами, однако он свидетельствует о теоретической несостоятельности их толкования исторического опыта. Главный довод сторонников субъективизма сводится к абсолютизации индивидуального характера опыта, к отрицанию в конечном счете повторяемости и закономерности в истории. В противовес подобным взглядам марксистско-ленинская наука признает объективную основу опыта вообще, исторического опыта в частности. В этом заключается коренная разница материалистического и идеалистического толкования социального опыта ¹².

Творческое применение опыта исключает его абсо-

---

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 152—156.

лютизацию или недооценку в общественном познании.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал мысль о большой познавательной роли исторического опыта. Он призывал членов партии изучать и осмысливать историю революционного движения и строительства нового общества в нашей стране, историю большевистской партии и всего мирового коммунистического движения. В. И. Ленин требовал последовательного соблюдения преемственности в теоретической и практической деятельности партии рабочего класса:

Таким образом, в историческом исследовании социальный опыт составляет необходимую основу научной объективности исследования общественной жизни; поэтому необходимо изучение явлений современности в связи с конкретной обстановкой, с учетом всей совокупности фактов. Особенно важно углубленное, основывающееся на учете уроков истории исследование объективных процессов и тенденций современного общественного развития. Этого требует от ученых, специализирующихся в области общественных, исторических наук, наша партия.

Для того чтобы исторически обосновать общественные задачи современности, необходимо изучить социальный процесс во всей его конкретности и взаимообусловленности. Это особенно важно в условиях резкого обострения противоборства между миром капитализма и мировой системой социализма, происходящего как в сфере экономики, политики, социальных отношений, так и в области идеологии и культуры.

Историческое изучение социального процесса на основе овладения объективными закономерностями создает возможность глубокого проникновения в смысл современных событий и фактов. Ф. Энгельс писал, что марксиста отличает умение верно оценивать настоящее, «понимание живой истории современности»¹³.

Последовательный историзм, понятая с позиций революционного класса и целей его борьбы история позволяют проследить связь прошлого с настоящим, вскрыть закономерности общественных процессов во всей их конкретности, вооружить людей знанием опыта предыдущих поколений, дать тем самым необходимый материал для правильного решения вопросов современности.

Подтверждением этой мысли являются многие исто-

---

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 258.

рические исследования, имеющие прямое отношение к современной общественной практике. Сюда относится изучение проблем социальных революций, роли рабочего класса в современном освободительном движении.

В освещении этих проблем наиболее ярко проявляется антиисторизм буржуазной науки. В угоду интересам монополистической буржуазии в ней искаженно интерпретируются причины буржуазных революций нового времени, формирование пролетариата и развитие социалистического движения. Трактую эти вопросы субъективистски, буржуазные историки стараются доказать тезис о возможности классового мира в современном буржуазном обществе. Доказать это на основе историзма, объективных данных науки невозможно. Поэтому дело здесь нередко доходит до фальсификации истории.

В. И. Ленин подчеркивал, что надо уметь в буржуазных работах «отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»¹⁴. Следуя этому завету, исследователи-марксисты решительно выступают против буржуазной историографии и против концепций антикоммунизма. Они разносторонне исследуют современную эпоху, содержанием которой является переход от капитализма к социализму.

В любом историческом исследовании особое значение имеет решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, воспроизведение реальной картины социального процесса, его всесторонний анализ, во-вторых, методологическое осмысление, обобщение результатов такого анализа. Последнее приобретает особенно важное значение, поскольку выводы по истории современности всегда имеют громадное политическое, идеологическое звучание. Возьмем, например, ту же проблему — проблему социальных революций. Буржуазные идеологи и ревизионисты из кожи вон лезут, чтобы оспаривать закономерность и прогрессивность социальных революций. Они делают предметом своих нападок историю Великой Октябрьской социалистической революции.

Подход марксистов и буржуазных ученых к методологическим проблемам социальной революции свидетельствует не только о коренной противоположности их мировоззрения, но и подтверждает жизненную силу ленинских идей о преобразующей роли революционных

---

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

периодов в жизни общества. В. И. Ленин развивал марксистское положение о том, что социальные революции являются «локомотивами истории». Он показал полную несостоятельность попыток различных ревизионистов и анархистов отрицать классовый, политический характер революционной борьбы в современном буржуазном обществе: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»¹⁵. Опыт Октября, современная общественная практика воочию убеждают, что для победоносной социалистической революции необходима последовательная классовая борьба рабочего класса, его партии в союзе с широкими слоями трудящихся масс. Буржуазная историография и социология вопреки фактам пытаются принизить значение революционных эпох в жизни общества, что объективно ведет к недооценке роли народных масс в истории.

Таким образом, научная методология исследования современности зиждется на марксистско-ленинской теории.

КПСС придает серьезное значение правильному, объективному освещению истории страны, творческой разработке методологических, историографических проблем. Она решительно осудила попытки с непартийных, внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа и в то же время показала несостоятельность догматических представлений, игнорирующих те большие положительные перемены, которые произошли в жизни нашего общества на этапе зрелого социализма. Научная методология позволяет глубоко понять значение умножения результатов преобразующей деятельности партии и народа в развитом социалистическом обществе, оценить масштабы великих свершений рабочего класса, всех трудящихся нашей страны, раскрыть значение подтвержденных жизнью закономерностей развития социализма, определить этапы строительства нового общества.

Полная и окончательная победа социализма явилась великим итогом самоотверженной деятельности партии и народа, важнейшим социально-политическим фактором современной эпохи. Этот фактор необходимо

---

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

рассматривать как историческую предпосылку создания общества развитого социализма, о котором писал В. И. Ленин ¹⁶.

Без правильного теоретико-методологического подхода невозможно определить этапы длительного и сложного процесса — создания общества развитого социализма, всесторонне его исследовать. Сущность развитого социализма, критерии его зрелости также требуют исторического рассмотрения. Например, в развитом социалистическом обществе реализуются такие социально-экономические, политические задачи, комплексная постановка которых на предыдущих этапах строительства нового общества была невозможной. Эти задачи исследователь не сможет правильно объяснить без исторического к ним подхода. Опираясь на мощный экономический и научно-технический потенциал, высокие темпы роста общественного производства, наша страна уделяет гораздо больше, чем раньше, внимания повышению эффективности всех отраслей народного хозяйства, его интенсификации, реализации качественных факторов социального развития. На современном этапе коммунистического строительства КПСС указывает на все возрастающую роль внедрения достижений научно-технического прогресса в народное хозяйство, на важность овладения оптимальной методологией управления им. Одновременно с интенсивным развитием всего общественного производства улучшается благосостояние народа, полнее удовлетворяются материальные, духовные, интеллектуальные потребности советских людей. Эти достижения не только неотделимы от результатов предшествующего социального развития, но они во многом обуславливают задачи общества развитого социализма. Только знание конкретного опыта общественного развития, учил В. И. Ленин, может дать «единственно марксистское обоснование всем нашим решениям» ¹⁷.

Учение о развитом социализме открыло широкие возможности для глубокого осмысления реальной диалектики становления коммунистической общественно-экономической формации, уточнения представлений о продолжительности социалистической фазы нового общества, о возможностях ее дальнейшего развития. В данной связи трудно переоценить теоретико-методо-

---

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 139.

¹⁷ Там же, с. 3.

логическую и практическую значимость вывода о том, что именно совершенствование развитого социализма составляет главное содержание деятельности партии и народа на современном этапе.

В соответствии с указанием В. И. Ленина о том, что необходимо с учетом конкретно-исторических условий определить очередные ключевые задачи, партия определила решающие участки работы в деле совершенствования развитого социализма. Речь идет прежде всего о повышении эффективности общественного производства и качества работы, укреплении трудовой и производственной дисциплины. От этого зависит и рост уровня жизни трудящихся, и дальнейшее укрепление народного хозяйства, всего нашего общества и государства, и воздействие Страны Советов на мировой революционный процесс.

В социально-политической области КПСС настойчиво проводит линию на укрепление социального единства советского общества, всестороннее развитие и сближение наций и народностей СССР, упрочение их дружбы и сотрудничества, все более широкое участие трудящихся всех национальностей в управлении общественными и государственными делами. В идеологической, массово-политической работе одно из центральных мест отводится формированию у каждого советского человека активной жизненной позиции стойкого борца за коммунизм, утверждению авторитета честного, добросовестного труда. Партия важнейшее значение придает воспитанию советских людей в духе взаимного уважения и дружбы всех наций и народностей страны, любви к социалистическому Отечеству, интернационализма, классового подхода к явлениям общественной жизни, непримиримости к враждебной идеологии. В современных условиях марксизм-ленинизм воплотился в реальную общественную практику всемирно-исторического масштаба.

В этом — яркое и глубокое свидетельство универсальной значимости и правильности революционного учения методологии марксизма-ленинизма. Диалектико-материалистический метод является путеводной нитью для правильной интерпретации действительной связи между историей и современностью. К. Маркс подчеркивал: «...наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производст-

ва, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства... Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого»¹⁸. Следовательно, в знании о настоящем с необходимостью синтезируется и знание о прошлом. Это делает познание современности особенно сложным и трудоемким процессом. Лишь материалистическое понимание истории является надежным фундаментом глубокого, всестороннего изучения явлений настоящего, в их связи с предыдущим развитием, что имеет громадное значение для уяснения соотношения истории и политики.

В интерпретации указанного вопроса в буржуазной науке можно отметить две противоположные точки зрения. Представители первой, «академической» точки зрения пытаются обосновать идею «независимости» истории от политики (отсюда призывы элиминировать политику из исторических сочинений). Другая точка зрения может быть выражена в ставшем крылатым тезисе известного английского ученого конца прошлого века Эд. Фримена о том, что «история есть политика прошедшего, а политика — история настоящего»¹⁹.

Обе эти концепции не выдерживают научной критики. Первая точка зрения противоречит опыту историографической практики. Исторические сочинения, не имеющие отношения к той или иной области общественной практики, не сыграли сколько-нибудь заметной роли в развитии исторического познания. В теоретическом же плане такая точка зрения равносильна принижению научного значения истории. Консервативность указанной концепции в наше время, в эпоху невиданных ранее социальных преобразований, особенно очевидна. Венгерский ученый Л. Элекеш, на наш взгляд, правильно отмечал несовместимость высокого назначения исторической науки в нашу эпоху с подобным оторванным от жизни «академизмом». «Живая история порождает интерес к истории, она требует точного ответа, адекватного поставленным вопросам,— писал он.— Наука должна на них ответить. Если она в состоянии дать точный ответ, доверие к ней возрастает, поле ее деятельности расши-

---

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 449.

¹⁹ Цит. по: Виноградов П. Г. История Греции. Спб., 1885—1886, с. 3.

руется. В противном случае результат будет обратным, причем он окажет влияние и на самый фактор, возбуждавший интерес к проблеме, на живую историю, создающую условия нашего времени и присущие им научные и культурные потребности. Именно живая история непрерывно с удесятеренной силой рассматривает в момент больших перемен пройденный ею этап. С такой же энергией она критикует достижения и концепции занимающейся ею науки и средств, с помощью которых та пытается открыть истину и объяснить ее основные взаимосвязи»²⁰.

Другая концепция в теоретическом и конкретно-историографическом отношениях также глубоко несостоятельна: в ней история и политика по существу отождествляются между собой или же за историей признается лишь прикладное значение. Здесь, следовательно, дело доходит до отрицания самостоятельной, фундаментальной роли исторической науки. Практически эта точка зрения смыкается с презентистским толкованием истории и ведет к конъюнктурщине, беспринципному приспособленчеству. Не случайно деятели буржуазной науки и сами критикуют эти точки зрения, предпочитая им эмпиризм, объективизм, которые также, естественно, не могут стать методологическими предпосылками успешной разработки проблем современной истории.

Марксизм-ленинизм в решении поставленных вопросов исходит из того, что история своими специфическими средствами, а именно результатами объективного исторического анализа, должна служить общественно-практической деятельности, социальной борьбе. В этом заключается существенное условие взаимосвязи истории и политики в марксистско-ленинской методологии научного исследования.

Но это только одна сторона вопроса. С другой стороны, надо отметить влияние политики на историческое познание. Общеизвестно, например, что политика, основанная на марксизме-ленинизме, направляет мысль исследователя на выяснение объективной, классовой сущности исторического процесса, его главных сторон. Политические интересы нередко обуславливают выбор проблематики исследования, актуализацию тех или иных исторических вопросов.

---

²⁰ Элекеш Л. Историческое познание — общественное сознание. М., 1970, с. 6.

В свете сказанного представляются необоснованными тезисы некоторых буржуазных авторов об ограниченности истории «прошлым». Они ее сводят лишь к изучению прошлого и прокламируют целесообразность отказа от исследования современности до тех пор, пока последняя не стала историей, которую, по их мнению, можно «научно» реконструировать в специальных сочинениях.

Подобные рассуждения являются результатом механического противопоставления истории и современности. Они поэтому принципиально неприемлемы для исследователей-марксистов. Встать на упомянутый путь значило бы отдать освещение современности некомпетентным людям.

В марксистско-ленинской методологии взаимосвязь истории и политики не сводится лишь к констатации значения познания прошлого, она предполагает точный, конкретный анализ быстро изменяющегося хода общественной практики, тенденций ее развития. При этом соотношение истории и политики нельзя представлять прямолинейно. Последняя далеко не одинаково связана с различными областями исторической науки. Не всегда эти связи очевидны. Для исследователя-марксиста не должны подлежать сомнению недопустимость отождествления исторической науки и политики, специфические функции исторической науки в отношении к политике. Признание фундаментальной роли истории для современной общественной практики исключает волюнтаризм и субъективизм в политике. С другой стороны, весь опыт историографии свидетельствует об огромном влиянии современной политики на историческое познание. Точно представляя эту взаимосвязь, ее существенные основы, марксисты критерием правильности политической линии считают соответствие последней действительному ходу истории, передовым общественным потребностям. Эту мысль и подчеркивал в статье «О политической линии» В. И. Ленин: «Если я скажу: новую Россию *надо* построить *вот так-то* с точки зрения, положим, истины, справедливости, трудовой уравнительности и т. п., это будет субъективизм, который заведет меня в область химер. На деле борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит построение новой России. Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия

жизни заставляют действовать в определенном направлении»²¹.

Следовательно, для определения политической линии наряду с теоретическими предпосылками требуется выяснение действительного соотношения классовых сил, конкретной ситуации, что в свою очередь предполагает построение общенсторической картины процессов и явлений. Так синтезируются в марксистском методе исследования социальной действительности теоретическое и историческое познания. При этом «история» и «современность» в марксистско-ленинской методологии выступают как соотносительные категории, отражающие закономерный, противоречивый ход общественного процесса. Эти категории выражают различные этапы, а также фиксированное состояние социальных явлений, т. е. достигнутые, качественно завершенные или незавершенные стадии исторического развития.

Гносеологическое по своему содержанию положение об объективно-научном исследовании социальной действительности, нашедшее глубокую и разностороннюю разработку в трудах основоположников марксизма-ленинизма, имеет важное значение для понимания соотношения настоящего и будущего в общественном процессе и познании. Преемственность между ними многообразна, сложна, так как она охватывает всю специфику повторяемости в истории. С точки зрения исследуемой проблемы укажем лишь на то, что историческая преемственность имеет пространственно-временную и каузальную связь, раскрытие которой во многом позволяет установить закономерности развития данного явления и процесса, т. е. то, что необходимо для определения их ближайшей перспективы.

В логико-гносеологическом плане познание прошлого и настоящего имеет следующие общие черты: 1) эмпирический уровень, 2) общесоциологическое знание, 3) воссоздание изучаемого объекта в целом. Несомненно, соотносительная роль этих форм знания в исследовании прошлого и настоящего не останется неизменной. В познании явлений настоящего общесоциологическое знание, на наш взгляд, имеет гораздо большую методологическую роль, чем в познании прошлого. Его значение еще более возрастает в научном предвидении. Знание о будущем складывается из 1) общесоциологиче-

---

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 101.

ской теории; 2) анализа исторической картины современности, включающего точные, объективные данные о прошлом предмета, явлений; 3) научной гипотезы о наиболее реальных тенденциях общественного развития.

Уяснение объективной природы исторического знания применительно к различным звеньям социального процесса имеет принципиальное значение для научно обоснованной общественной практики. «Мы, марксисты,— писал В. И. Ленин,— всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики»²².

Постановка и разработка В. И. Лениным того или иного исторического вопроса, как правило, были связаны с конкретными условиями революционной практики. Для своих исследований он брал вопросы из современной ему социально-политической действительности. «Именно в постановке соответствующих вопросов, именно в оценке *сути* дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности»²³,— указывал В. И. Ленин в одной из работ, написанных в годы нового революционного подъема. Только в марксистско-ленинской методологии соотношение истории и современности получило последовательно научное решение.

Важно при этом отметить, что марксисты-ленинцы на вопросы, выдвигаемые современностью, ответы находят в науке, в точном анализе действительности. Историческая наука должна дать объективно-истинные знания о социальной практике — в этом заключается одно из основополагающих требований марксистско-ленинской методологии.

При этом может быть поставлен вопрос в плане конкретной методики: начинать ли исследование с анализа исторических предпосылок явлений или их специфики в настоящем? Материалистическая диалектика с присущим ей историзмом исключает противопоставление указанных звеньев научного творчества, хотя ей, конечно, не противоречит то, что в зависимости от предмета, целей и задач исследования акцент может быть сделан на изучение одного из этих звеньев.

Марксистско-ленинское понимание соотношения истории и современности включает в себя не только ана-

---

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 109.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 104.

лиз явлений прошлого и настоящего, но и возможных тенденций их развития в связи с конкретным опытом истории. Поставим вопрос в теоретико-познавательном плане: каково же значение конкретно-исторического подхода для предвидения тенденций социального развития?

При ответе на этот вопрос следует учесть, что знание о будущем социальном развитии не может не иметь своей специфики, в частности это знание о возможных тенденциях, поскольку в качестве объекта не выступает сама социальная действительность как таковая. Это перспективное знание. Но оно не может быть достигнуто без предварительного воссоздания общеисторической картины, охватывающей многообразие и полноту современных отношений, текущего момента данной конкретной ситуации. Не будет ошибки, если сказать, что в перспективном знании истина содержится постольку, поскольку в нем учтена общеисторическая картина.

Конечно, перспективное знание не может претендовать на абсолютную полноту. Дело не только в том, что любое знание ограничено уровнем самого общественного развития и научного прогресса, но еще и в том, что перспективное знание носит более опосредствованный характер, чем выводы о настоящем или прошлом. Но это знание объективное и нацелено на раскрытие характера, отнюдь не претендуя в то же время на предсказание всех возможных деталей и вариантов данного исторического процесса. Рассматривая, например, научное предвидение в марксизме-ленинизме, следует отметить, что история подтвердила правоту этого учения в главном: социализм стал реальностью века и магистральной линией общественного прогресса.

Таким образом, эффективность марксистско-ленинских методов исторического исследования доказана научным опытом и общественной практикой. Это значит: бессилие в познании фактов современности является не характерной чертой общественной науки вообще, а лишь той, которая основывается на идеалистическом понимании истории и в силу классовой ограниченности боится объективной истины. Как показывает опыт марксистско-ленинской науки, исследование современности, не претендуя на абсолютную полноту отражения явлений в настоящем (тем более всех их конечных последствий) по своей природе может и должно дать объективное, адекватное учение о действительности. Именно в этом

ключе и решается в марксистско-ленинской методологии проблема соотношения истории и современности.

Литература

Дробизhev В. З. Введение в изучение истории советского общества. М., 1983.

Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к методологии истории закономерен. Ее разработка приобретает особенно актуальное значение с точки зрения выяснения характера влияния современной общественной практики на социальное познание и в плане изучения внутренних закономерностей и тенденций самой исторической науки. В ней, как уже отмечалось, наряду с дифференциацией все отчетливее происходят интеграционные процессы. В историческую науку активно включаются данные гуманитарных, а также естественных, технических наук. Это оправдано. В свое время, оценивая высказанный в литературе тезис о «могущественном токе», идущем «к обществоведению от естествознания», В. И. Ленин отмечал: «Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века»¹. Вообще правомерность применения методов других наук в историческом познании, разумеется, в той степени, как это обусловлено самим объектом, для ученых-марксистов никогда не подлежала сомнению.

Систематическое изложение методологии истории позволяет интегрировать воедино различные аспекты соотношения прошлого, настоящего, будущего в общественном процессе и его познания. В ее содержание входят вопросы о предмете и социальных функциях исторической науки, о соотношении общественного и естественно-научного познания, о теоретических принципах и методах исследования исторического опыта. Важно также рассмотрение соотношения методологии и методики с точки зрения творческой лаборатории историка, выделение при этом специально-исторических и междисциплинарных методов. Последнее связано, с одной стороны, с раскрытием сущности исторического метода, его эволюции, структуры, роли системного подхода и количественных методов в познании прошлого и настоя-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.

щего, с другой стороны, выяснением влияния научно-технической революции на традиционные методы. Эти вопросы не могут быть в полной мере решены без изучения истории исторической науки, без методологического обобщения знаний об историческом источнике и историческом факте. Именно с этих позиций они исследованы в данной работе.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие положения.

1. Содействуя социальному прогрессу, история всегда получала от общества определенные импульсы для своего собственного развития.

Историк получает от общества не только своего рода заказ на изучение прошлого и настоящего, но и соответствующий эпохе познавательный арсенал. Если развитие современности немыслимо без исторического знания, то и историческое знание не может не испытывать влияния современности во всех аспектах ее развития — от политических, теоретических идей до технических средств сохранения и передачи информации.

2. Теория может быть воплощена в историческом труде только при условии ее неразрывной связи с познанием объективной реальности, с точно исследованным конкретным материалом. История опирается прежде всего на строго установленные факты объективной действительности. В свете научного, теоретического анализа в этих фактах вскрывается их внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность. Доказательность выводов есть специфическая черта научного познания. Для исторической науки являются возможными, как и во всякой другой науке, гипотетические построения, основывающиеся на уже познанных закономерностях исторического процесса. Но, безусловно, доказательную силу они приобретают только тогда, когда опираются на прочно установленные и научно исследованные факты. В марксистской исторической науке метод выступает как конкретизация и применение общего мировоззренческого метода в области исторического познания.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть значение источника и факта в историческом исследовании. Историческая наука не может, как правило, опытным путем установить истину прошлого. Но она может и должна, опираясь на развитую методику исследования материалов, найти в источнике отражение объективной исторической действительности. Уважение к факту и к

источнику, стремление получить из источника максимально возможные объективные знания об изучаемом явлении или процессе представляют собой специфическую и принципиально важную сторону научного исторического познания.

3. Для историка факты имеют первостепенное значение прежде всего как проявление общих и специфических закономерностей развития. Но, кроме того, у историка есть и другая социальная задача, обращенная не только к современности, но и к будущему. Эта задача состоит в выявлении, накоплении и сохранении фактов истории не только как материала для развития научного познания прошлого, но и для развития других форм общественного сознания. Речь идет, в частности, о значении исторического материала для образования и воспитания современного и будущих поколений, для выработки в обществе гражданского самосознания, общественных идеалов, убежденности в правильности избранного пути и готовности отдать все силы для достижения высоких общественных целей. Исторический факт получает научное значение тогда, когда он оценивается с позиций учения о формациях, когда выявляется его место в процессе развития и смены формаций, а это место, в свою очередь, определяется его классовой природой. Выявить, в интересах какого класса объективно происходит данный процесс, какой класс «заведует» этим процессом, значит познать действительную, объективную реальность этого процесса, сделать факт явлением научного познания.

4. Вопреки все еще встречающейся тенденции отнесения истории к идеографическим наукам марксистская методология исходит из признания большой ее роли в познании общего, объективного и субъективного в социальном процессе. Объект познания историка — общественная жизнь, историческое развитие общества — обуславливают собою и специфику методов познания. Разумеется, всегда, и в наше время особенно, историческая наука стремится использовать не только данные, но и методы других наук для совершенствования приемов и способов изучения прошлого. Но важно при этом подчеркнуть, что историческая наука не может и не должна ни растворяться в других науках и их методах познания, ни абстрагироваться от них.

Прогресс исторической науки в современном обществе может быть достигнут лишь на пути развития и

совершенствования тех методов исторического познания, которые созданы исторической наукой в прошлом и проверены общественной практикой. Вместе с тем историческая наука призвана воспринимать все новое и современное в методах познания, но она их интегрирует для обогащения и развития своего собственного метода, оставаясь при этом специфической формой общественного познания. Только так она может сохранить и умножить свое огромное значение в современной науке.

5. Специально-исторические методы (сравнительно-исторический, историко-генетический, ретроспективный, историко-типологический, синхронный, диахронный и др.) и междисциплинарные (статистический, методы конкретно-социальных исследований, социальной психологии и др.), общенаучные методы, применяемые на основе материалистической диалектики, составляют мощный познавательный арсенал исследователя-марксиста.

6. Историки-марксисты выступают против идеализма и мировоззренческой конвергенции, отвергая все попытки теоретиков буржуазной исторической науки использовать в своих классово-политических целях методологический плюрализм.

Первостепенную важность представляют повышение идейно-теоретического уровня исторических исследований, расширение их источниковой, фактической основы, совершенствование методики научного анализа. Решение этих задач требует разработки методологических и конкретных исторических вопросов в связи с историографической практикой, с теоретическим обобщением социального опыта. Советские ученые, вооруженные документами КПСС, на основе марксистско-ленинской методологии добиваются дальнейшего повышения теоретического уровня исследований истории. В этом проявляется органическая связь научной методологии, базирующейся на диалектико-материалистической интерпретации социального процесса, с конкретной историографической практикой, с объективным исследованием явлений прошлого и настоящего, с прогнозированием будущего.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 49—70.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 451—453, 457—461.

Энгельс Ф. Партия рабочих.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 286—288.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 294—320.

Энгельс Ф.—Н. Ф. Даниельсону. 17 октября 1893 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 127—130.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 40—48.

Ленин В. И. Карл Маркс.— Полн. собр. соч. т. 26, с. 43—93.

Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—81.

О дальнейшем улучшении идеологической и политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС. М., 1979.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 года. М., 1984.

Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС. 11 марта 1985 г. М., 1985.

* * *

Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978.

Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979.

Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975.

Вопросы методологии истории исторической науки /Отв. ред. Кукушкин Ю. С. М., 1977.

Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980.

Дербов Л. А. Введение в изучение истории. М., 1981.

Дробижева Л. М. История и социология. М., 1971.

Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

Ельчанинов В. А. Об отношении истории как науки к искусству. Барнаул, 1975.

Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.

Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

Иванов В. В. Ленинский историзм. Казань, 1976.

Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. А. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса).— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М., 1979.

Количественные методы в советской и американской историографии /Под ред. Ковальченко И. Д., Тишкова В. А. М., 1983.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.

Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.

Логин В. Т. Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979.

Мадиевский С. А. Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1973.

Марксистско-ленинская методология военной истории /Под ред. П. А. Жилина. М., 1973.

Маслов Н. Н. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983.

Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982.

Медведев В. А. Развитой социализм: вопросы формирования общественного сознания. М., 1980.

Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов /Под ред. М. Г. Белявского. М., 1979.

Мионов Б. Н., Степанов Э. В. Историк и математика. Л., 1975.

Нечкина М. В. Функции художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.

Скворцов Л. В. История и антиистория: к критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976.

Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

Уваров А. И. Философские и методологические проблемы исторического познания. М., 1982.

Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Введение. Понятие методологии истории. Об основных этапах изучения методологии истории в советской историографии	5
2. Предмет исторической науки	26
3. Социальные функции исторической науки	51
4. Основные методологические принципы исторического познания	64
5. Метод исторической науки	85
6. Соотношение методологии и методики исторического исследования	119
7. Соотношение истории и современности как методологическая проблема	139
Заключение	162
Рекомендуемая литература	166

- Историческое познание
и общественное сознание
- Марксистско-ленинская теория
и научная методология
- Исторический факт
и исторический источник
- Новые методы
в исторических исследованиях
- Исторический опыт
и современность